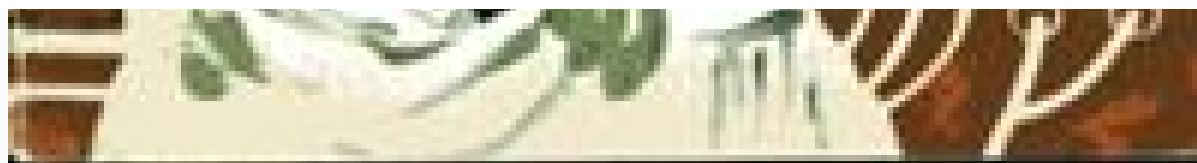

ЗАПИСКИ ИЗ **Н. АМОСОВ** БУДУЩЕГО

ЗАПИСКИ ИЗ **Н. АМОСОВ** БУДУЩЕГО

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Николай Амосов
Записки из будущего

КНИГА ПЕРВАЯ. СТАРТ

1

Все ясно. Лейкоз, лейкемия. В моем случае — год, может быть, два. Мир жестокий и голый. Кажется, я никогда его таким не видел. Думал, что все понял, все позвал и готов. Ничего не готов.

Подойду к окну. Мерзко и сыро на дворе. Декабрь без мороза и снега. Какие странные деревья: черные, тонкие ветви, ни единого сухого листика. Все снесло ветром, ни одного не осталось. Шарят по мокрому небу.

Люди бегут под фонарями в черных пальто.

Мне уже некуда спешить. Мне нужно теперь оценивать каждую минуту. Секунду. Нужно поддержать ее в руках и с сожалением опустить. В корзине времени их все меньше и меньше. Обратно взять нельзя: они тают безвозвратно.

Не надо высокопарных фраз. Всю жизнь мы немножко рисуемся, хотя бы перед собой.

Вот этот анализ крови на столе, под лампой. Жалкий листочек бумаги, а на нем — приговор. Лейкоцитоз — сотни и сотни тысяч. И целый набор патологических форм кровяных телец.

Трудное положение было у Давида сегодня. Не позавидуешь. Хорошо, что я имею дело с собачками. Имел дело.

— У тебя с кровью не все в порядке, Ваня. Нужно лечиться.

Так мы и не назвали этого слова — лейкоз. Я прикинулся дурачком, а он, небось, подумал: «Слава богу, не понял».

Люба еще не знает. Тоже будут упреки: «Почему ты не пошел раньше? Сколько раз я тебя просила!..»

Каждый умирает в одиночку.

Фраза какая точная.

А хорошо, что у меня никого нет. Почти никого. Конечно, Любе будет очень плохо, но все-таки семья. Обязанности. Нужно скрывать, держать себя в руках. Если постоянно тормозить эмоции, то они и в самом деле исчезнут. Закон физиологии.

Вот теперь и не надо решать эту трудную проблему. Все откладывали: «Подождем еще лет пять, дети будут взрослые, поймут...» И я так боялся этого момента, когда все нужно будет открыть.

Теперь не нужно. Дотянем так. Больной — и осуждать не будут. Да и не за что будет осуждать. Последние месяцы было так редко... Наверное, это тоже болезнь. А я думал: почему? Любовь, что ли, прошла? Уж слишком много лет. Надежно.

Каждый — в одиночку.

Нет, ну почему все-таки я?! Разве мало других людей?! Я ведь еще должен столько сделать!

Только вошел во вкус, ухватился обеими руками... И... пожалуйста! Приехали! Черт знает что!.. Почему?!

Это, наверное, изотопные методики помогли. «Мирный атом». Все сам возился. Пусть бы занимались другие... Стоп! Не подличай. Каково бы было, если бы, например, у Юры? Нужно завтра же всем проверить кровь...

Вот так. «Ямщик... не гони... лошадей».

Почему мы так мало знаем? Рак, лейкоз — стоят проблемы перед нами, как я двадцать лет назад. Химия? Вирусы? Радиация?

Разгадка будет. Скоро. Уверен. Уже всерьез взялись за самое главное механизм клеточного деления. ДНК. РНК.

Но уже не для меня.

Наверное, мне не стоит читать об этих лейкозах. Нужно положиться на Давида — хороший врач и приятель. Хватит того, что прочел в медицинской энциклопедии: «...от одного до двух лет». Чем больше знаешь, тем больше все болит. Вчера еще ничего, почти ничего не чувствовал, а теперь пожалуйста! — уже в подреберье тяжесть, уже десны саднит, голова кружится.

Так, наверное, и буду все прислушиваться к своему телу. Потеряю свободу. Еще одну свободу. Всю жизнь оберегал ее, а теперь совсем потерял.

Пробуют пересадки костного мозга. Нужно разыскать статьи...

Может быть, удастся обмануть? Вдруг вылечусь? Опять войду в лабораторию без этих часов, отсчитывающих минуты? (Снова фраза.)

Не нужно обольщаться, друг. Привыкай к новому положению. К смерти. Дрожь по спине. Жестокое слово.

Так жалко себя! Хотя бы Люба пришла, приласкала. Погладила по голове. Просто погладила.

Позвонить? Может быть, запрет уже ни к чему?

Нет. Еще нельзя. Не нужно осложнений.

Странное ощущение. Как будто спокойно шел по дороге и вдруг — пропасть. Думал, вот впереди такой-то город, такая-то станция. Интересные дела, хорошая книга. И все исчезло. Осталось несколько метров пыльной дороги с редкими цветочками на обочине. И назад нельзя.

А что там было, позади? Э, брось, было много хорошего. Много.

Все меняется. Вчера еще спрашивал себя: «Повторить?» Нет, пусть идет вперед. Только вперед! А сегодня не прочь присесть и подождать. Посмотреть на цветочки.

Но уже нельзя.

Тело еще не верит. Как будто смотрю на сцену, где разыгрывается жалостливая пьеса. Знаю, что конец будет плохой, но можно сказать: «Это не со мной!»

Походим. Семь шагов от стола до шкафа. Еще семь — обратно. Туда обратно. Туда — обратно. Некому даже оставить вещи. Как некому? А лаборатория? Будет у них своя библиотека, обстановка для кабинета или комнаты отдыха.

За стеклом перед книгами — сувениры. Их кому? Ослик из Стамбула. Статуя Свободы — из Нью-Йорка. Волчица кормит Ромула и Рема. Маленькая химера с Нотр-Дам. Воспоминания: конгрессы, доклады, аплодисменты, шум приемов. Все уйдет со мной.

Бешено размножаются эти клетки там, в костном мозге. Так и вижу, как они делятся, одна за другой. Одна за другой. Выпрыгивают, юные и голые, в кровеносное русло. Наводняют меня всего.

Хочется закричать: «Спасите!»

Вот когда станет трудно одному.

Позвать Ленку? Он еще не знает. Расскажу. Поплачусь.

И что? Что он скажет, кроме банальных слов утешения? Которые будут ему самому противны. Разве что напьется.

Не нужно. Ни с кем не нужно об этом говорить. Хватит Давида. Во всяком случае, пока есть свобода и воля.

Будут еще последние недели. Придется в больницу. Не хочу. Знаю, как там, — сам был и врачом и пациентом.

Протянуть как можно дольше дома. Еда, лекарства? Друзья и девушки из лаборатории будут приходить. (Люба, наверное, даже тогда не сможет.) Сколько хлопот им будет со мной!

Лучше уж в больницу. Можно прикрыть глаза и сказать: «Я устал». Облегчение на лицах: долг выполнен, можно уйти.

Опять окно. Черные, голые ветки. Ветер. Одиночество.

Казалось, давно привык, смирился. Даже доволен: никто не мешает. А теперь стало грустно.

Музыку? «Красные... помидоры... кушайте... без меня!»

Не может быть. Не может быть, что нет выхода. Вот так не верят люди в смерть. А врач виновато разводит руками: «Нельзя помочь».

Кофе? Рефлекс — 10 часов. Еще три часа работы. Работа? Она уже не нужна. Но кофе попьем.

Может быть, это сон? Дважды в жизни мне снился рак — было так же, если не хуже. Просыпался — «Ох, как хорошо!»

Хозяйство у меня какое налаженное! Кофе самый лучший. Мельница — ж-ж-ж! — и готово. Мощная. Венгерская кофеварка. Хорошая порция для одного.

Жду, пока закипит. Просто жду. Лучше бы выпить водки, да жаль, не привык. Теперь было бы кстати. Выпил и спи.

Какой приятный вкус! Кофе прибавляет оптимизма.

Мой друг, ведь ты считаешь себя ученым. Это так много — ученый. Человек, который может все разложить по полочкам. Оценить. Установить связи, создать системы. И, кроме того, он должен быть смелым. Владеть собой.

Остановись. Вытри слезы и слюни. Умирать еще не сейчас.

Попробуем взглянуть на вещи трезво. Перед лицом смерти. Но лучше без фраз. Взять бумагу и написать, как привык делать всегда.

Дано: я и болезнь. Найти оптимальное решение: что делать и как жить, чтобы получить максимум удовольствия и минимум неприятного.

Запишем: я — известный профессор-физиолог, 47 лет. Если закончу работу, то сделаю крупный вклад в медицинскую науку.

Мог бы уже сделать, уже сидел бы в академиках, если бы не разбрасывался. Помнишь? Сколько ошибок! Сколько лет даром пропало! Вот теперь бы их, эти годы!

Поздно сетовать. А вдруг что-нибудь придумают? Стоп.

Ну, а теперь «вклад» будет? Уверен?

Да, да, уверен. Все есть: идеи, методы, техника, коллектив. Эти мальчишки и девчонки. Милые, хорошие.

Вернемся к теме. Записано: «Получить максимум удовольствия.

Источники: а) Творчество. Воплощение».

Любое творчество? Нет, только то, которое на пользу людям. А что? Стыдно, что мы, теоретики, так мало даем врачам. Но они тоже какие-то странные, мирятся с примитивными представлениями, с ошибками. Не суди. Им трудно, когда больные умирают. Вспомни, как сам лечил. Давно.

Октябрь сорок второго. Юный зауряд-врач в прифронтовом госпитале служит первый месяц. На дежурстве просмотрел газовую гангрену. Утром ведущий хирург ампутировал раненому бедро. Умер. «Плохо, Ваня, очень плохо». Всю жизнь помню, лучше бы побил.

Итак, сколько «любви к человечеству» и сколько «удовольствия от творчества»? Не знаю. Поровну. Может быть, второго даже больше.

«Источники: б) Удовольствие от жизни. Книга. Театр. Поестъ. Ванна...»

Все это не очень. Хорошо в субботу, когда устал, а в отпуске тоска. Следовательно, функция от первого, от работы. И я, пожалуй, уже сыт этим. Мало интересного.

Врешь, наверное, друг. Когда подойдет ОНА: «Еще бы чашечку кофейку». Посмотреть на огонь. Послушать прибор.

Не знаю. Пока нет.

Что будет «в»? Любовь?

Обидел меня, наверное, бог в этом деле. Что-то всю жизнь не получалось. Не хочется вспоминать. Только теперь есть она — Люба.

Моя милая. Моя единственная. Сорок лет ей скоро. Дети большие, а для меня она все равно что девочка. Всегда хороша: когда грустная и когда веселая. Глаза у нее, как у газели. Я не видел газелей, но такие должны быть у них глаза. Самое главное — умная. Порой кажется, что всю ее знаю, «потолок» ее ума вот, передо мной, а она вдруг возьмет и блеснет какими-то оригинальными идеями. Если бы побольше честолюбия и свободного времени, могла бы быть профессором. Несомненно. А характер? Вспыхнет, наговорит обидных, несправедливых слов. А на другой день звонок: «Знаешь, я была неправа». И — женщина... Впрочем, я не ценитель, опыт мал.

Самые банальные слова оживают для меня и блестят, когда думаю о ней.

Жалко как... Никого уже у нее не будет. И еще муж. Ревности у меня совсем нет к нему, но ей плохо.

«Источник удовольствия» — это не те слова. «Источник страдания».

Ты все-таки врешь, мой друг, даже в своем теперешнем положении! Получал больше, чем давал. И был трусоват. Эгоистичен. Помнишь, несколько лет назад был период, когда все можно было поломать? Павел пил, гулял с другими, дети звали и спокойно ушли бы с Любой.

А ты? Да, виноват. Что-то лепетал: «Подожди, подожди...» А сам боялся потерять свободу. Старый холостяк, боялся, что кто-то будет мешать думать. Потребуется внимания и заботы. Конечно, плохо ли? Свои скромные возможности ты удовлетворяешь. Плюс интеллектуальные разговоры. Тайна придает всему романтический отблеск. Остальное время можешь копаться в книгах и формулах, придумывать теории. Дискутировать с Ленкой или с ребятами за холостяцким столом.

В общем, снимаешь сливочки.

А ей ведь очень трудно. Работа, дети, вечный обман, и есть еще спальня.

Оправдания твои — «сама пришла» — ничего не стоят. Ничего. Она полюбила. Если ты такой честный, взял и удержал бы ее. Жениться все равно не собирался. Да и не любил еще тогда.

Все ясно, можешь продолжать.

Что ж, нужно продолжать. Ученый всегда должен смотреть правде в глаза.

Хватит спорить: «в» — любовь — исключается.

Итак, максимум удовольствия дает работа. Это так ясно, что не нужно было анализировать. Залезать в дебри и получать пощечины.

Впрочем, они полезны. Уменьшают жалость к собственной персоне.

Никого ты пока не осчастливил. Детей не народил и не воспитал. От твоей науки люди пользы пока не получили. Разве что ребята-помощники написали диссертации. Но и их еще нужно проверить, могут ли они двигать науку.

Хорошо. Примем к сведению. Задача все равно только одна: довести до конца начатую работу. Оправдать свое существование.

— Еще чашечку кофе, Иван Николаевич. Для оптимизма.

Остыл. Подогреть... Впрочем, чего жалеть, сварим новый.

Видимо, мне нужно составить план работы. Очень люблю составлять планы. Они имеют смысл, даже если выполняются наполовину. Теперь отставания допустить нельзя. Нет резерва времени.

Задача: создать электронную модель, имитирующую деятельность внутренних органов и их взаимодействия при различных патологических процессах.

Пофантазируем, пока кофе кипит.

Перед нами — «Отделение моделирования заболеваний и автоматического управления организмом больного» — кибернетический центр крупной больницы. Название длинноватое, но ничего, можно первые буквы. Что-то вроде ОМЗ и АУ. Неблагозвучно. Неважно. Придумают. В большой комнате стоит она, машина. Четыре шкафа со сменными блоками. На стене — огромная структурная схема организма. Сердце, легкие, печень, почки, мозг, эндокринные железы. Много разноцветных линий связывает эти квадраты. Вот красная, толстая система обмена газов — O_2 , CO_2 . Желтые линии — гормоны. Голубые — нервные пути. Много линий. Я их вижу, — эта схема лежит у меня под стеклом. На каждом квадрате — пульт вводных устройств, которыми задается состояние органа: разные степени нарушения функций. Для почек — способность выделять воду, соли, задерживать или пропускать сахар, белки. Сделают исследование, повернут рукоятки соответственно результатам, и блок готов воспроизвести функцию почек при разных условиях работы сердца, печени, нервной и эндокринной систем.

(Так и мой анализ крови можно задать в блок «кроветворные органы». Машину включить, и она покажет, что на таком-то месяце будет то-то с селезенкой, потом с сердцем, затем нарушение обмена и так далее. До смерти. И выдаст срок. А потом можно проиграть еще и еще раз, по очереди задавая лекарства. Но результат будет один. Только сроки все-таки разные.)

Не надо жестов и эффектных сцен. Моделирующая установка — вполне реальное дело, только требует очень много труда. Напишем список: «Что нужно, что сделано, что сделать».

Я пишу. Список длинный. Прямая работа моей лаборатории — это получение характеристик органов. Например, как зависит объем

крови, выбрасываемой сердцем, от давления в венах и в артериях? То же про печень, почки. Как регулируются разные органы эндокринными железами, нервной системой?

Медленно идет дело. Нет еще ни одной законченной характеристики. Если так пойдет, то мы явно не успеем. Нужно с кем-то кооперироваться. Шире использовать клинику Петра Степановича.

Грустно.

Нажать на Институт кибернетики, чтобы ускорить инженерные разработки?

Да, нажмешь! Профессор Сергиевский очень мил, но, кроме нашей машины, у него масса других дел. «Простите, Иван Николаевич, прибавить людей на вашу тему не могу, все заняты. Но выполнение заказов на опытном заводе ускорю».

И на том спасибо. Юра без конца канючит: «Вмешайтесь на высшем уровне». Хороший парень.

Вот прийти к Сергиевскому и сказать:

— Борис Никитич, у меня лейкоз... Белокровие. Жить мне осталось год или чуть больше. Помогите. Очень нужно увидеть хотя бы макет машины.

Не хочется это говорить. Ставить людей в неловкое положение. И, не дай бог, еще выслушивать соболезнования. Это ужасно — вызывать сострадание.

Много мне предстоит увидеть жалостливых взглядов.

Снова смотрю список. Все-таки если напрячь все силы, то машину собрать можно. Пусть не для всех заболеваний, а только для важнейших, но можно.

Другие добавят после меня.

Другие.

Нужно сейчас выбрать себе преемника и готовить его к этой роли. Два главных требования: научная инициатива и человеческие качества. Принципиальность и терпимость. Конечно, хочется, чтобы он развивал мои идеи. «Мой учитель Иван Николаевич...» Этого ты хочешь? Как странно, копнешь поглубже и достанешь дерьмо. Начинает казаться, что ты весь им набит.

Если он будет только «продолжать и развивать», так грош ему цена. За два-три года лаборатория сойдет на нет. Правда, наше направление моделирование физиологических процессов — необозримо, но оно

может вырождаться в игру формулами, за которыми исчезнет человек. Наука для науки. Будет математика, будут электронные модели, а в клиниках все останется по-старому.

Я им оставляю задания на несколько лет. Уточнять характеристики органов. Совершенствовать модель организма. Следующий шаг — приключить модель к больному, и чтобы она сама настраивалась в процессе взаимодействия. Тогда предсказания машины будут наиболее вероятными. Еще дальше — автоматическое управление организмом с коррекцией обратными связями. Для этого нужны новые средства воздействия — лекарства, аппараты...

Как не хочется покидать этот мир идей! Что может быть лучше думания, исканий? Неужели скоро конец? Эти кипы черновых заметок с мыслями превратятся просто в утиль.

Превратятся. Мемориального музея не будет.

Никогда не считал себя честолубивым, а теперь вдруг захотелось «оставить память».

Улыбаюсь. Даже хочется рассмеяться.

Знаю твердо, что ничего не будет, кроме земли, а где-то в подсознании глупая мысль: «Не может быть».

Все-таки кого же оставить? Семен явно не годен. Добропорядочен, но не умен. Огорчится. Уверен, что вполне подходит. Столько лет заместитель.

Каждый переоценивает себя. И я тоже.

Остаются еще трое: Вадим, Игорь, Юра. Если бы Люба была физиологом! Да, конечно, она бы сберегла твоё наследство. Женщины до глупости самоотверженны.

Вадим талантлив, молод, во нетерпим. Будет ругаться и всех разгонит. И к покойному шефу почтения не жди. Скажет: «Наш папахен тут здорово напутал...»

Игорь весьма положителен. Общий любимец. Но это, наверное, плохо, когда ученый такой уж хороший и веселый? Нет ли там равнодушия? Подрастет и зажиреет.

Юра просто еще молод. Но зато инженер и математик. Это, конечно, повыше физиолога.

Не могу решить. Посмотрю, какая будет реакция. Завтра соберу старших и скажу: «Так и так...»

«Так и так... И больше не будем к этому возвращаться».

Уберем со стола. Хорошая квартирка у меня. Сожаление.

Закурить, может быть? Какой теперь смысл терпеть, раз все равно конец? Причина утомляемости была совсем не в табаке. Положим, сигареты тоже влияли. Замечал, когда о лейкозе не было и речи. Жалко начинать — три месяца терплю. И нельзя показывать слабость перед ребятами. А я тайно, дома. Лицемер.

Потерплю еще. Но догматизм тоже ни к чему.

Насоставлял планов, а где взять силы? Это ведь не только думать в кабинете и даже не только опыты в лаборатории.

Все нужно выбивать.

Как подумаешь, так руки опускаются.

Вот эти пункты на бумажке: «Достать прибор», «Смонтировать устройство», «Просчитать результаты опытов на ЭВМ». Опять «Борис Никитич, нужны программисты, выделите время на „М-20“». А там она сломается, нужно проситься на другую машину. Как жаль, что нет своей! Сколько раз говорил директору: „Купите для Института физиологии“. „Зачем вам? Поставить негде, подождите нового здания...“

Не могу ждать, не могу.

Придется сказать о болезни директору. Вместе нужно решать вопрос о преемнике. Защитить будущую лабораторию. Друзья-коллеги живо начнут откусывать уголки, только помри. Нужно еще одну комнату выпрашивать для машины. Опять упреки будут.

Слушай, друг, а не лучше ли бросить все эти планы?

Дожить тихонько. На работу приходить, конечно, пока есть силы. Но без горячки, без спешки.

Читать книги. Например, о всяких путешествиях, если романы не нравятся. Кое-что все-таки попадется забавное.

В театр ходить. Концерты со знаменитостями слушать.

Вести разговоры с умными людьми. Впрочем, им теперь неприятно будет со мной...

Наконец, можно поехать к морю, на курорт. Даже, может быть, с Любой.

Помнишь тот счастливый месяц? Моя маленькая отдельная комната. Плохая, даже без умывальника. Обои с розовыми цветочками. Кровать удобная. Было счастье. Мы тогда совсем забыли, что любовь наша грешная. Что люди ее не прощают.

Зато потом расплата. Мир тесен. — Разве в санатории что-либо можно скрыть?

Больше уже такое не повторялось. Тайна. Общественное мнение. А главное, у нее дети. Мальчик уже начинал понимать...

Значит, даже перед смертью повторить этого нельзя. Да, наверное, уже и не к чему. Болезнь. Разговоры можно вести и в кабинете.

Так что, сдадимся?

Ведь все равно ничего нет. Никакого долга, никаких обязательств. Все фикция. Придумано. Есть где-то в коре несколько тысяч клеток с высокой возбудимостью — модель „долга“ — и все. Я знаю эту механику — как тренировалась эта модель всю жизнь: книгами, примерами, как она связалась с центрами удовольствия и захватила, оторвала их от старых, животных дел еды, любви...

Так и стал — Человек.

Говорят, что это можно даже смоделировать, как мы — работу сердца или почек.

Наверное, я уже не смогу вернуться назад, в тихую жизнь на диване, под торшер.

Снова фразы. Но другого выхода просто нет.

Работать до конца.

Ну, а как жить? Как себя вести? Добро и зло?

Сейчас такая холодная ясность. Жалость к себе скулит где-то в подсознании, и еще какой-то тоненький голосок любит: „Я — хороший“. Но это не так. Не совсем так.

Грехи? Немного у меня грехов и все — мелкие. Заповеди соблюдал даже без большого труда. Жадности к удовольствиям от рождения было мало отпущено. Не крал. Не ловчил. Прелюбодействовал — да, виноват. Но по любви. Заслуживаю снисхождения. И неоднократно был страдающей фигурой — меня бросали. Говорили: неинтересный. Про себя-то думаю, что я ничего, но, наверное, ошибаюсь. Правда, вот Люба говорит...

Я не герой. Вся жизнь состояла из компромиссов. Конечно, можно сослаться на обстоятельства, что уж очень дорогая цена назначалась за храбрость, а я слишком любил думать и что-то всегда пытался делать. Но, наверное, это не оправдание.

Дошел до высоких материй. Не моя специальность, но жить без них нельзя. Многие сейчас думают над „положительной программой“.

Обосновать свое поведение. Получить уверенность, что это — истина, а это — нет. Ответы, видимо, даст новая наука. Качественные понятия о добре и зле, о человеческом счастье нужно положить на цифры.

Я не дождусь. Придется ограничиться интуитивными представлениями.

И что? Выйдешь на площадь и будешь изрекать новые истины? Или хотя бы на профсоюзном собрании? „Мне уже все равно помирать, так вот я скажу, что тов. Н. - дурак, а в программе переработки информации нужно усилить обратные связи“.

Нет, не скажу. Мне уже все равно, но ребят подведу. Скажут: „Вот у вас какой шеф! И вообще тем ли вы занимаетесь, чем нужно?“ Брось. Будь откровенен, ты просто боишься неприятностей.

Буду доживать, как жил. Разве что по мелочам прибавлю принципиальности.

И вообще пойдем спать. Пока газеты прочитаю, будет как раз пора.

Улегся. Приятно вытянуться под одеялом. Взять бы и забыть сегодняшний день. Вычеркнуть из времени. Нет. Анализ лежит на столе. И разговор с Давидом записан в корковых клетках.

Заседание продолжается.

Исчезло ощущение удовольствия. Немало предстоит претерпеть на этом диване.

Газеты? Не хочется. Пожалуй, мне все равно. Водородная бомба не успеет на меня обрушиться.

Строил планы. Как смешно звучит: обреченный строит планы. Я избегал думать о конце. Теперь лег и будто сдался. Я еще не знаю, как умирают от лейкемии. В энциклопедии не написано. Но что-то я не видел приятных смертей.

Будут боли. Всю жизнь их боялся. Возрастет анемия. Появится одышка. Хватать воздух открытым ртом. Страх в глазах. Пот.

О, как я страшусь этих последних дней! Ослабнет воля. Инстинкт жизни схватит тебя в тиски и сделает тряпкой. Не заметишь, как все изменится и станешь жалким, больным человеком. Будешь говорить только о болезни, лекарствах, тебя будут обманывать, скрывать температуру, прятать анализы. И ты всему будешь верить, как ребенок.

Потерять себя. Это — самое страшное. Самое страшное.

Не хочу. Черт с ней, со смертью, если уж надо, но стоя.

Самоубийство?

Вовремя остановить часы?

Кто станет спорить с этим? Благо. Но ведь тоже страшно. Но, друг мой, все-таки это выход.

Даже как-то стало легче. Теперь можно снова планировать.

Петля. Нет, неэстетично. И немоментально.

Пистолет. Где его взять?

Яд. Для медика — это самое разумное. Обдумаем. Подберем литературу. Даже можно проверить в эксперименте. Наука!

Самое лучшее — наркоз закисью азота, как на операции. Не годится. Нужен анестезиолог и дополнительный крепкий наркотик.

Смешно. Рассчитываю, как подросток. Многие, наверное, такие умные, да все умирают в постели. Впрочем, некоторые решаются.

И я решусь. Условия ж какие: один, родственники не мешают. Вот только не прозевать момента. Рано не хочется, а чуть запоздал — медики тебя схватят, и нет свободы...

Стой.

Стой!

Идея!

Обмануть всех и даже саму смерть!

Анабиоз. Подвиг ученого. (Красиво!) Есть опыты с гипотермией. Неудачные, но техники же не было! О кислородных камерах даже не думали. Теперь автоматика. Наша машина. Какая идея!

Самоубийство, конечно. Но как здорово!

Нет, постой, какие-то шансы есть. Глубокая гипотермия в хирургии идет. Шла. Петр Степанович сделал десятка два операций на сердце. Правда, теперь бросил, говорит, опасно и можно без нее, но охлаждал до 10 и даже 8 градусов. Около половины больных выжили. Показывал на обществе.

Сколько фантастических книг написано об анабиозе! Глупости, обычно. Но проблема имеет реальную основу.

Заснуть на десять лет. И... не проснуться. В моем положении и это тоже неплохо.

Но проснуться можно. Чтобы умереть от лейкемии? Проблема лейкемии будет решена в недалеком будущем. Видимо, лейкоз вызывается вирусом. Значит, будут сыворотки, вакцины. Спать, пока их не найдут!

Соломинка. Хватаюсь за соломинку.

Как странно: вижу себя сразу в нескольких лицах.

Ученый трезво рассматривает научную проблему.

Напуганный маленький человечек боится умирать и готов на все... Другой, еще ниже, не хочет рисковать даже несколькими днями. Он не поверит в смерть до последней минуты. И есть еще один — он видит славу. Газетные полосы, телевидение, радио.

Вот фантастичный саркофаг в центре стеклянного зала. Машины, автоматы, пульт с мигающими лампочками. Бледное, величественное лицо под стеклянной крышкой. Это я. Неважно, что я был некрасив. Все изменилось.

Потом пробуждение. Толпа академиков из разных стран.

— Включайте программу пробуждения!

Напряженное внимание. Десять, двадцать, тридцать минут. Осциллографы показывают кривые. На огромном табло прыгают цифры.

— Заработало сердце!

— Открыл глаза!

И так далее.

Нет, серьезно, это возможно. То есть в смысле заснуть и пока не умереть. Не совсем умереть.

А как же Люба? Ведь это должно быть ужасно: я буду там лежать не мертвый и не живой. Для нее лучше мертвый. Плита на кладбище, где можно посидеть, поплакать.

Да, пожалуй, еще не разрешат. Скажут: умирай нормально. Что за фокусы? Так все захотят в бессмертие. Опыт стоит государству немалых денег.

Нет, спать я не могу. Встать и работать. Вспомнить все, что знаю, прочитать, записать.

Встаю.

2

Лаборатория. 11 часов утра. Я задержался дома — ночью поздно обдумывал вчерашнюю идею об анабиозе. Она стала обычной научной проблемкой. Хорошо. Выйдет, не выйдет, но хотя бы отвлечет.

Иду через двор. Здание построено перед войной. Три этажа. Наверное, когда-то оно представлялось весьма совершенным, а теперь — тесное и неудобное. Современная наука требует не только стен. Лаборатории строятся, как заводы, вместе с технологическим оборудованием.

Как жаль, что мне не дожидаться нового здания! Сейчас плохо: опыты проводим внизу, обдумываем на втором этаже, а „паяем“ в полуподвале.

Впрочем, один острослов сказал, что учреждение переживает расцвет, пока находится в старых и плохих зданиях. Как только строятся дворцы, наступает упадок. Этим я всегда утешаю своих ребят, когда они жалуются на неустроенность. Вдруг я подумал: без меня они не расцветут. Стыдно.

Раздеваюсь. Тут же, в вестибюле, стоит стол для пинг-понга. Какие-то бездельники уже с утра играют. Кажется, из отдела физиологии дыхания. Это называется физкультурная пауза. Специально придумали для лодырей.

Какой темный коридор!

Вот наш отсек: по три комнаты с каждой стороны. Все двери открыты. Приятно видеть, что работа кипит, люди снуют взад и вперед. Не делают зарядки, паршивцы, пренебрегают распорядками.

Я сегодня чувствую себя как гость: на все смотрю со стороны и другими глазами.

— Здравствуйте, Иван Николаевич!

Первое приветствие: тетя Глаша, уборщица, несет ведро с помоями. Полное, к счастью.

— Здравствуйте, тетя Глаша! Как самочувствие?

— Плохо! Опять слив в операционной засорился, таскаю ведрами.

Не будем продолжать разговор. Наверное, сама и засорила: всегда хочет мусор спустить в канализацию... Ленивая.

Первая операционная: Семен ведет опыт с изолированной почкой.

— Здравствуйте, товарищи!

Все дружно улыбаются и отвечают. Все-таки приятно видеть улыбки и теплые взгляды. Пока еще никто не знает.

Вот он, мой заместитель.

— Иван Николаевич, мы снимаем характеристики с почки при действии гипоксии.

— Очень хорошо.

Смотрю.

На самом деле не очень. Никак этот Семен не поймет нового технического подхода к проведению опытов: нужно держать под контролем максимум „входов“ — вслед за Юрой я теперь тоже так называю все внешние воздействия на систему.

— Семен Иванович, почему же у вас температура не стабилизирована? Всего 30 градусов.

— Да вы знаете, теплообменник испортился. Мы решили так.

— Напрасно. Такой сложный опыт и пропадает зря.

Мигает — и все. Что он скажет?

Картина: в центре на подставке почка в прозрачном сосуде. К ней идут два шланга с кровью от машины АИК, за которой сидит „машинист“ Сима с очень деловым видом и крутит разные ручки. От шлангов, машины и почки тянутся провода в угол к сложному комплексу электронных аппаратов, наставленных в три этажа. Там командуют два техника — Миша Самохин и Лена Ганжа. Они совсем юные, нынче кончили техникум. Приятно посмотреть.

— Сколько же параметров вы контролируете сегодня?

По-моему, Семен замялся. Инженер Коля Гулый, который, я знаю, всем здесь командует, смотрит на него с сожалением.

Не буду ставить в неловкое положение начальство.

— Скажите, Коля, вы.

— Мы непрерывно записываем давление крови на входе и выходе, содержание O_2 и CO_2 . Кроме того, определяем pO_2 в ткани самой почки. Биохимия делает нам анализы через 30 минут.

Он перечисляет: адреналин, органические кислоты, щелочный резерв, аминокислоты, pH и некоторые ферменты. И, конечно, количество и состав мочи.

— Но почему же вы не стабилизировали температуру?

— В начале опыта потек теплообменник, я...

Он замолчал, не хочет подводить начальство.

Семен:

— Это я велел продолжать опыт. Жалко было срывать, когда уже почка была выделена.

— Хорошо, продолжайте. Раз уж так случилось, то я вас попрошу проследить работу почки при специальном охлаждении.

Это нужно мне. Мои почки будут совсем холодные, и сомнительно, будут ли они работать. Впрочем, это не так важно, есть специальный аппарат...

Смотрю. Все заняты своим делом. Атмосфера спокойная. К Семену они, кажется, просто равнодушны. А ко мне? Наверное, я тоже хороший начальник. Не придираюсь по мелочам. „Я вам советую“, „Я вас прошу сделать так-то“. Я просто стесняюсь. Это часто вредит дисциплине. Не все понимают хорошее обращение.

Можно, наверное, идти. Хотелось бы сказать теплые слова, но не умею. Покажется смешным.

Иду в другую комнату. Знаю, что там должен быть опыт по изучению характеристики сердца и сосудистой системы. Новая методика.

Какой ансамбль! Оперируют Игорь и Вадим, в Ира что-то возится около аппаратуры. Не замечают.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, Иван Николаевич! Как раз пришли кстати. Мы хотим выделить сердце вместе с легкими, чтобы полностью пересечь к ним нервные пути, но сохранить нервную регуляцию сосудов и внутренних органов.

— Я знаю. Так что?

— Да мы никак не можем отделиться от пищевода и позвоночника. Много мелких сосудов. Покажите нам!

Это, конечно, Вадим. Не стесняется в просьбах.

— Хорошо. Сейчас переоденусь.

Не собирался оперировать, но сейчас рад. Когда работаешь руками, то не остается места для посторонних мыслей.

В соседней комнате, где хранится всякое хозяйство, надеваю белые брюки и рубашку. Они хорошо поглажены. Это заботы Юли, старшей лаборантки. Другие надевают неглаженое.

Я люблю оперировать. Правда, сейчас острый опыт, то есть без соблюдения асептики, но все равно я хочу, чтобы было чисто и красиво.

Мою руки. Надеваю халат и перчатки. Все остановились и ожидают. Только Ира с двумя своими помощниками все еще склонилась над аппаратами. Наверное, что-то не ладится, а скоро нужно уже записывать. Вадим подмигивает:

— Техника подводит.

(Озорные глаза. Веселый.)

— Ничего, как-нибудь справимся.

Собака лежит, разрезанная почти пополам. Операция трудная: нужно отделить сердце вместе с легкими от соседних органов, включить в артериальное и венозное русло специальную внешнюю систему трубок и резервуаров, позволяющих произвольно регулировать работу сердца. При этом кровоснабжение мозга не должно прерываться ни на секунду, чтобы не нарушить иннервации всего организма. Кроме того, нужно ввести несколько датчиков в артерии и вены.

Оперировать меня научила война. Была настоящая хирургия. Но, между прочим, хирурги зря задаются: оперировать на собаке труднее, чем на человеке. Вот, например, эти легочные вены — они такие тонюсенькие, того и гляди порвутся.

Движения мои точны и ловки. Приятно. И ребятам нравится, я вижу. Они помогают хорошо. Это я их научил. Благодарны? Тебе хочется благодарности?

— Юра, сколько каналов вы сможете сегодня записать?

— Думали, десять, но два не работают. Придется ограничиться измерением.

— Это плохо, Юрка. Сам шеф включился, а ты не обеспечил техники.

Длинный нос у Вадима и брови черные. Кавказец он, что ли? Фамилия Пляшник — украинец? Одессит? Там все нации когда-то перемешались.

Ну вот, самое трудное позади. Сердце работает отлично, оно даже не заметило, что мы включили трубку в аорту, и кровь идет через расходомер.

— Юля, гепарин ввели?

— Да.

— Кажется, нигде не кровит.

Это важно — перевязать все мельчайшие сосудики. Кровь лишена свертываемости, а опыт длится много часов.

— Сколько у вас приготовлено крови? Игорь, это ваш опыт?

— Мы заготовили только два литра, больше нет собак-доноров.

— Плохо.

— Иван Николаевич, вы же знаете, как работает наш виварии. Сами собак покупаем.

— Или воруем.

Молчу. Не в моей власти наладить работу вивария. Но Юра возмущается.

— Трахнуть бы этого Швечика на партийном собрании! Такой проходимец!

— Уже трахали. Чем-то он мил начальству.

— Говорят, Ивану Петровичу какие-то услуги оказывал.

— Вадим, не говорите так. Наверное, это просто сплетни. (Это я защищаю своего директора. Не думаю, чтобы он унизился.)

— Нельзя, Иван Николаевич, поступаться принципиальностью даже в мелочах.

„Как поучает, нахал!“

— Мало сил, Вадим. И не знаю, стоит ли их растрачивать на мелочи.

— Сомневаюсь, что это так. Все вы, старшее поколение, любите усложнять. Как найти границы между мелочами и важным?

— Зато вам, молодежи, все кажется просто. А это не так. Человеческие суждения субъективны и ограничены, нужно это помнить. По одному и тому же вопросу разные люди имеют противоположные мнения и совершенно в них убеждены. Если говорить о примитивной принципиальности, то спор можно решить только силой. А истина, между прочим, может быть посередине. Самое главное, чему меня научил возраст, — это сомневаться. И, пожалуй, искать компромиссов. Не нравится, Вадим?

— Нет, не нравится. Швечик есть Швечик, сомнения и компромиссы тут вредны. И вообще мне непонятны ваши рассуждения. Честность — есть честность.

— А об Иване Петровиче, который будто бы ему потворствует, вы можете сказать столь же категорично?

Вадим немного озадачен.

— Ну, где же ваша принципиальность? Если Швечик — подлец, то его покровитель тоже? По законам формальной логики.

— Я должен подумать. Но, пожалуй, есть основания.

— Подумайте. Но помните, что все имеет меру. Все нужно пытаться выразить числом. Даже и такие понятия, как справедливость, добродетель. В сложных системах действует вероятностная логика, а не закон „все или ничего“. Он, кстати, отвергнут даже в физиологии.

— Формула относительности понятий, конечно, очень удобна. За ней легко спрятать и трусость и слабость. Все нужно оценивать, взвешивать, во всем сомневаться, а с действиями тем временем подождать. А потом и совсем увильнуть.

Мне нравится его задор и непосредственность. Игорь делает ему знаки, чтобы замолчал. Политик. Все-таки я — шеф.

Мы продолжаем работать. То есть мы занимаемся скрупулезным делом перевязываем мельчайшие кровеносные сосуды. Голова свободна для мыслей. Отдельные реплики по делам не в счет.

— Юра, вы кибернетик. Выскажитесь!

Он немножко смущен. Даже покраснел. Его симпатии на стороне Вадима. Наверное, они все считают меня излишне щепетильным и трусоватым.

— Я попытаюсь. Машина делает так: она сравнивает одну цифру с другой и в зависимости от результата включает действие. Но мы, техники, имеем дело с простыми понятиями, где смысл цифр ясен. Я не знаю, как сравнивать сложные понятия из сферы этики, политики или философии.

— Кража есть кража: украл копейку или миллион.

Кто-то тихонько бросил:

— А почему-то судят разное.

Все заинтересовались спором, и это начинает мешать работе. Нужно заключать, хотя, кажется, у меня нет шансов убедить их. Молодость судит слишком категорично. Попробуюсь.

— „Что такое хорошо и что такое плохо?“ Помните у Маяковского? В физиологическом плане хорошо — это только возбуждение центра приятного. Вся деятельность человека — программы. Если они

выполняются, — хорошо. Препятствия — плохо. У животных программы — это инстинкты, а у человека, кроме того, — мораль, этика, нормы поведения. Они не одинаковы: есть классы, религии, философии, наука. Отсюда разная оценка поступков, разное добро и зло. Общество определяет его уголовным кодексом, в каждый человек — убеждениями, которые сильно деформируются субъективностью, зависят от животных программ — любви, голода, честолюбия... Критерии добра и зла, принятые в обществе, только тогда хороши, когда они обеспечивают ему устойчивость и совершенствование. Все. На этом, я думаю, нужно прервать наш спор, иначе опыт пропадет.

Пока я произносил свою речь, уже никто не работал — одни из интереса, другие из уважения. Не все эти мысли мне самому понятны, и я бы послушал ребят. Но дело не ждет.

— Иван Николаевич, мы еще выскажемся по этим вопросам.

— Конечно. Буду очень рад. Но только не надо догм.

Нужно обговорить эти вопросы с Ленкой. Наверное, до самой последней минуты человек склонен интересоваться абстрактными проблемами.

— Но все-таки как быть: по мелочам грешить можно, а в крупном нельзя?

— Вадим, уймись. Мы проведем семинар на эту тему.

Хирургическая часть опыта закончена. Любуюсь: получилось хорошо. Сердце вместе с легкими полностью отделено от окружающих органов и свободно лежит в плевральной полости, соединенное с телом только через аорту и полые вены, в которые вставлены трубки. Датчики приключены.

— Снимите наркоз, Мила. Совсем выключите закись.

Смотрим. Через несколько минут собака начала двигаться и открывать глаза. Значит, она жива, ее мозг продолжает управлять организмом. Но кроме сердца.

— Как с аппаратурой? Можно измерять? И записывать?

— Да.

— Где программа опыта?

Мне подадут длинный лист, где перечислен порядок нагрузок и измерений. Всего предполагается произвести семь испытаний почти с двумястами замеров. Это часов на шесть. Если, конечно, собака не

умрет. Изменяя приток крови по венам и противодавление в аорте, будут определять производительность сердца.

Программа хорошая. Это Юра научил составлять такие — по примеру испытаний машин...

— Игорь, Вадим, Юра, прошу вас зайти ко мне в кабинет часа в два. Нужно обсудить некоторые вопросы. Семену Ивановичу я скажу сам.

Переодеваюсь и иду в кабинет.

Днем все выглядит иначе. Смерть куда-то отступила, и я ей явно не верю. Проблема анабиоза предстала в чисто научном плане: это не я буду лежать в саркофаге — другой.

Вот рукопись об этом. Плод утренней работы. Пожалуй, ребятам я ее еще не дам.

И вообще: что я им собираюсь сказать?

„Я болен. Пожалуйста, без слюней“. Усилить работу — хочу видеть результат. О заместителе пока не говорю. И об анабиозе тоже. Расписать конкретные задачи, вот список.

И все. Нет, еще посмотреть реакцию. Для выбора преемника. Чтобы прославлял учителя? Нет, чтобы продолжал дело. Честно? Почти.

Просматриваю рукопись.

Записка об анабиозе

Теоретически можно представить себе возможность консервировать человека, как и любое теплокровное животное. Общеизвестен факт, что с понижением температуры уменьшается скорость любой химической реакции, а следовательно, и обмен веществ. В опытах установлено, что при температуре 25° он составляет 25 %, при 10° — 6 % от нормы. По всей вероятности, эти цифры можно распространить и на человека, может быть, с небольшими поправками. При замерзании обмен веществ приближается к нулю. Разумеется, самое заманчивое было бы консервировать жизнь замораживанием. Это удастся в отношении низших животных и даже рыб. Но млекопитающие после оттаивания не оживают.

Почему?

Организм состоит из очень разнообразных клеток, которые дифференцировались в Процессе эволюции. Нервные, мышечные,

железистые. Соединительная ткань, эпителий. Среди них есть более древние, которые почти не отличаются от соответствующих клеток беспозвоночных, есть молодые, возникшие на уровне высших млекопитающих. Первые сохраняют жизнеспособность при самых различных внешних условиях, и в частности при низкой температуре. Со вторыми сложнее.

Есть два типа химических реакций, определяющих жизнь: одни составляют неспецифическую жизнедеятельность, например, получение энергии простейшими окислительными процессами, и вторые — специфическую, например, сокращение мышцы, возникновение нервного импульса или образование сложных гормонов. Эти реакции очень чувствительны и идут только при строго определенных условиях — доставке кислорода, pH, температуре. Однако их остановка не означает смерть клетки: восстанавливаются условия и возвращается функция.

Итак: любую изолированную клетку можно законсервировать охлаждением, но при условии, что внешняя среда обеспечит поставку самых необходимых питательных веществ и убиение шлаков. Специфические функции выключаются раньше, но основные реакции жизни сохраняются до низкой температуры и потом угаснут, чтобы легко восстановиться при нагревании. Это доказано на так называемых культурах тканей вне организма, когда в искусственных условиях содержатся отдельные клеточные колонии.

К сожалению, то, что получается на клетке, нельзя воспроизвести на целом организме. Клетки в нем получают питание из крови, а постоянство ее состава поддерживается деятельностью внутренних органов и регулирующих систем за счет специфической жизнедеятельности составляющих их клеток. При понижении температуры эти клетки выключаются в первую очередь, и весь организм остается без питания и кислорода, хотя потребность в нем еще достаточно высока. Если взять собаку и начать ее охлаждать под наркозом, то при температуре 30° выключается самостоятельное дыхание, а при температуре 15° останавливается сердце. Потребление кислорода в это время еще составляет 15%, а доставка его полностью прекращается. Дальнейшее охлаждение проходит уже при тяжелой гипоксии, ведущей к гибели клеток, в первую очередь таких благородных, как корковые.

Современная техника позволяет перейти этот барьер смерти. Существуют аппараты искусственного дыхания, кровообращения, искусственная почка и даже искусственная печень. Если их применить в комплексе, то можно искусственно поддерживать постоянство внутренней среды в период охлаждения и обеспечить таким образом питание, кислород и уборку шлаков от всех клеток организма.

В последующем в течение всего периода анабиоза, сколь бы длителен он ни был, нужно поддерживать постоянными основные константы состава крови. Охлажденные клетки довольно хорошо переносят кислородное и иное голодание, поскольку их потребности очень низки, но, однако, не более определенных сроков. Практически обмен почти полностью прекращается при температурах ниже нуля. Это означает, во-первых, полное прекращение кровообращения на какой-то срок при замораживании и особенно замедление его восстановления в период нагревания. Во-вторых, еще не ясно, как перенесут сами клетки период кристаллизации внутриклеточной жидкости, когда она превращается в лед.

Следовательно, есть основания для получения и поддержания анабиоза с помощью сильного охлаждения организма, но нет никакой уверенности, что его можно заморозить и хранить в холодильниках, как продукты.

Таковы теоретические предпосылки анабиоза человека. К сожалению, на пути практического выполнения его стоит ряд трудностей. Преодоление их требует много усилий.

Придется остановиться на некоторых подробностях.

Через внутреннюю среду — кровь — осуществляется транспортировка питательных и вредных веществ при сохранении некоторого оптимального уровня их. Потребителями всегда являются ткани, а поставщиками — различные органы, управляемые регулирующими системами. Между ними поддерживается баланс. Содержание различных веществ связано друг с другом различными зависимостями. Разберем их подробнее.

Газообмен. Ткани потребляют кислород и выделяют углекислоту, а легкие наоборот. Объем и соотношение газов определяются интенсивностью обмена и соотношением сжигаемых питательных продуктов — белков, жиров или углеводов. Для оптимальной функции клеток нужно, чтобы парциальное давление газов в тканях, а

следовательно, и в крови капилляров колебалось в довольно ограниченных пределах (O_2 от 100 до 40 мм р. ст.), в которых действуют окислительные ферменты. В условиях анабиоза обмен газов между организмом и средой должен осуществляться аппаратом «сердце — легкие» (АИК), перекачивающим чистую или разведенную плазмой кровь. Производительность искусственного сердца и газообмен в оксигенаторе (искусственные легкие) должны обеспечивать нормальные парциальные давления кислорода и углекислоты в тканях. Если брать чистую кровь, то производительность АИК можно снижать пропорционально уменьшению обмена веществ, то есть при температуре 5° — приблизительно в 15–20 раз. Для взрослого это около 200 мл/мин. Однако цельная кровь едва ли пригодна для циркуляции при низких температурах, так как она обладает высокой вязкостью. Кроме того, замечено, что ввиду низкой скорости движения эритроциты склеиваются друг с другом и задерживаются в капиллярах. Поэтому при низкой температуре целесообразно разводить кровь плазмой или даже использовать чистую плазму. Правда, при этом нужно значительно повысить объемную скорость циркуляции, но это не представляет особой проблемы. Дело в том, что в настоящее время нет такого идеального АИК, который бы не разрушал эритроцитов при длительной работе. Гемоглобин выходит в плазму крови и делает ее токсичной. Переход на чистую плазму исключает эту опасность.

За последнее время выявились новые возможности введения кислорода в организм — путем помещения в камеру с высоким давлением. Доля растворенного в плазме кислорода повышается пропорционально увеличению парциального давления. Поэтому можно отказаться от гемоглобина, применив плазму, и даже при этом уменьшить производительность насоса. Кроме того, при высоком давлении до 25 % необходимого кислорода проникает прямо через кожу. При низкой температуре удельный вес кожного дыхания еще более возрастает — вплоть до полного обеспечения кислородом. Правда, при этом возникает опасность, что поверхностные ткани будут перенасыщены кислородом и могут от этого пострадать, а глубокие будут в условиях гипоксии. Самое же главное, что введение таким образом кислорода не обеспечивает одновременного удаления углекислоты. Поэтому основным средством газообмена тканей при

анабиозе остается кровообращение с использованием плазмы. Давление в камере будет различно — в зависимости от условий охлаждения и нагревания, скорости циркуляции и уровня температуры. Можно предполагать, что при давлении 0,5 атм и использовании чистой плазмы понадобится скорость циркуляции порядка 0,5 л/мин. Однако нужно учесть, что при низкой производительности очень трудно обеспечить равномерное прохождение крови по всем тканям. При малом объеме и низком давлении может иметь место вредная централизация, когда кровь будет циркулировать только по некоторым магистральным сосудам, а в «закоулки» организма не проникнет. Поэтому возможно, что оптимальным режимом кровообращения будет прерывистая работа АИК с производительностью 2–3 л/мин. — как агрегат холодильника: промывает организм и останавливается. Такой пульсирующий ток, возможно, будет более выгодным еще и потому, что будет выполнять механическую функцию массажа тканей.

По всей вероятности, на втором месте по важности после газообмена стоит водно-солевой баланс и кислотно-щелочное равновесие. Вода и соли вводятся в организм через пищеварительный тракт и выводятся почками. Количество анионов и катионов должно быть в определенном соотношении, чтобы поддерживать постоянство рН. Правда, на последнее влияет также образование CO_2 в тканях и выделение его легкими. В условиях анабиоза эту функцию должен взять на себя аппарат искусственной почки, работающий на принципе простого диализа. Изменяя состав жидкости, омывающей диализатор, можно поддерживать нужный уровень солей, рН и общий объем воды в организме.

Рассчитывать при этом на собственные почки не приходится, так как при низком давлении в артериальной системе их функция будет резко понижена. Но небольшая функция все-таки нужна, чтобы почечные каналцы систематически промывались мочой. Это тоже довод в пользу прерывистого режима АИК, когда в артериальной системе на короткое время можно создать нормальное давление.

Кроме этих функций, искусственная почка будет выделять мочевину, конечный продукт азотистого обмена белков. Аппарат ИП будет работать периодически, видимо, не чаще, чем раз в 4–6 часов, или даже реже.

Для поддержания энергетического баланса организма и для построения его новых структур взамен разрушающихся в процессе обмена нужны питательные вещества. Это белки, жиры, углеводы и витамины. Надеяться на сохранение деятельности пищеварительного тракта не приходится, поэтому все эти продукты придется вводить непосредственно в кровеносное русло. В практике медицины давно применяется введение глюкозы, но уже освоено введение эмульгированного жира и аминокислот. Весь набор витаминов также имеется в растворах. Наконец, нужно учесть, что значительную часть полезных продуктов организм будет получать в свежей плазме, которую придется добавлять, по всей вероятности, каждый день. В ней содержатся редкие элементы, гормоны, аминокислоты, другие важные факторы, многие из которых еще не известны. Необходимое количество питательных продуктов будет незначительным, если учесть, что обмен снизится в двадцать-тридцать раз.

Обычно в организме всегда образуется некоторое количество токсических продуктов, которые обезвреживаются в печени. Функция ее при анабиозе может резко понизиться. Поэтому, возможно, потребуется периодически полный обмен плазмы. Кроме того, в последние годы успешно разрабатываются аппараты типа «искусственной печени», способные поглощать высокомолекулярные токсические азотистые продукты.

Итак, теоретически вполне возможно поддерживать анабиоз, обеспечивая для клеток необходимую внешнюю среду, которая даст им питательные вещества и уберет продукты распада.

Однако есть много частных вопросов и технических деталей, которые требуют обсуждения и постановки опытов. Сейчас даже трудно все их предвидеть. Остановимся на некоторых.

Профилактика перерастяжения сердца. Как уже упоминалось, сердце остановится во время охлаждения при температуре что-то около 15°. Вернее, сначала оно начнет фибриллировать и только потом остановится совсем. В период нагревания, возвращения к жизни процесс пойдет в обратном направлении — сначала появится фибрилляция, которая будет все усиливаться, и при температуре, близкой к нормальной, возможно, восстановится правильный сердечный ритм. Чаще всего для этого приходится прибегать к искусственной дефибрилляции коротким разрядом тока высокого

напряжения. В период остановки сердца полости его дряблы и могут переполняться кровью (или плазмой), если имеются небольшие неплотности аортального клапана. Перерастянутое сердце запустить невозможно. Для профилактики этого придется прибегать к дренированию полости левого желудочка с помощью тонкой трубки, которую можно провести из полужелудочной вены и правого предсердия через искусственно сделанное отверстие в межпредсердной перегородке. Методика проведения дренажа с целью измерения давления в предсердии применяется в клинике.

Для предупреждения изменений в легочной ткани, видимо, понадобится редкое искусственное дыхание, чтобы периодически расправлять альвеолы. Лучше всего это сделать, создавая разрежение над грудной клеткой с помощью специального каркаса.

По всей вероятности, вызовет известные трудности поддержание асептики в кишечнике. Хотя на холоде микроорганизмы живут плохо, но со временем они могут приспособиться к новым условиям. Поэтому человека нужно готовить к анабиозу таким образом, чтобы его кишечник был совершенно пуст и по возможности лишен микробов. Это состояние достижимо: есть соответствующая диета и антибиотики.

В течение периода анабиоза было бы полезно периодически промывать рот, пищевод и кишечник. Это можно сделать с помощью специальных двухпросветных трубок — через одну нагнетается жидкость, а через другую отсасывается. Правда, средние отделы кишечника остаются недоступными.

Для того, чтобы предупредить неравномерность кровообращения, видимо, будет целесообразно периодически подвергать все тело вибрации или проводить вибрационный массаж по частям. Это особенно важно для тех частей кожи, которые соприкасаются с постелью и испытывают постоянное давление. Может быть, понадобится специальная постель, по которой все время проходят волны.

Наиболее ответственными моментами опыта будут охлаждение и возвращение к жизни. В этот период обмен тканей возрастает и приближается к норме, а функции органов понижены и не могут обеспечить организм. Возможно, что после длительного воздействия холода внутреннее «хозяйство» клеток разладится и потребуются

значительное время для его восстановления. В этот период вероятны различные регуляторные расстройства, связанные с нарушением функций нервной и эндокринной регулирующих систем.

Поэтому может понадобиться длительное вспомогательное кровообращение, искусственное дыхание, искусственная почка. Разумеется, охлаждение, нагревание и продолжительный период после него будут проводиться под легким наркозом.

До того, как подвергать длительному анабиозу человека, нужно провести большую исследовательскую работу в самых различных направлениях. Можно наметить лишь некоторые из них:

1. Анабиоз культур тканей. Выяснение влияния разной температуры и парциальных давлений O_2 и CO_2 на жизнедеятельность различных клеток.

2. Анабиоз изолированных органов. Консервация органов при низкой температуре с искусственной циркуляцией крови или жидкости при различных внешних давлениях и разных парциальных давлениях газов. Особенно важно выяснить функцию печени и почек.

3. Анабиоз целого организма. Исследование влияния состава циркулирующей жидкости — кровь и плазма с различным содержанием эритроцитов и в чистом виде. Изучение влияния высокого давления с разным содержанием кислорода при различных температурах и длительности опытов. Выбор оптимального режима газообмена. Новые определения интенсивности обмена веществ при низких температурах и выяснение особенностей обмена углеводов, белков и жиров. Выяснить, до каких конечных продуктов идет распад — определить количество и состав «шлаков».

4. Выработать наилучшие режимы охлаждения и нагревания. Выяснить влияние длительности анабиоза на период возвращения к жизни после нагревания.

5. Есть целый ряд чисто технических медицинских вопросов, требующих разрешения или разработки. К ним относятся: методика дренирования левого желудочка, периодической вентиляции легких, промывания кишечника, длительное дренирование мочевого пузыря и так далее.

Решение почти всех трудных вопросов анабиоза связано с техникой. Опыты возможны только после создания технических устройств, обеспечивающих автоматическое искусственное

регулирование химического состава и физического состояния внутренней среды по заданной программе. На базе примитивной техники обычных физиологических лабораторий невозможно достигнуть анабиоза высших животных или человека. Поэтому в первую очередь необходимо спроектировать и создать установку, реализующую высказанные выше положения.

Закончил.

Научные фантазии! Никогда они не имели такого распространения, как теперь. Возрос авторитет науки и, пожалуй, упал — искусства. Это имеет отношение к добру и злу. Неверие. Рассуждения об идеалах не трогают, давай просто приключения или факты. Чтобы не напоминали: «Гражданин, ты виноват!»

Люба. Думаю о чем угодно, а в подсознании — все время она. Сегодня должен сказать. Хуже, если узнает сама. Позвонить. Наверное, часов в шесть она сможет прийти ко мне домой. Просто поговорить.

До двух еще есть время. Пойду к Ивану Петровичу. Директор должен знать. Но не хочется говорить. Как человек — будет жалеть, а как директор прикинет: «...уже не работник. Пустые разговоры об окончании работ, обманывает себя...» Нужно. Иду.

«Приемная». Голые ветви царапают по высоким окнам. Секретарь Зинаида Александровна — седая маркиза. Пенсне. Оно придает какую-то особую интеллигентность (начало двадцатого века. Чехов, МХАТ, Станиславский. Потом остались одни роговые очки).

Почтительно здороваюсь. (Уважаю.)

— Иван Петрович у себя?

Какой он величественный, наш директор. Не просто здоровается одаривает. В голосе — то металл, то какое-то воркование, когда хочет создать видимость задушевности.

Сейчас он такой. Сажусь.

Не так просто двадцать лет удержаться директором крупного института. Поднялся на «Павловской волне» в пятидесятом году после очередного похода на «лжеученых». Научные заслуги — почти нуль. Зато исправно действует телефон к начальству.

Брось придирааться. В общем, он ничего. Не вредный. Это только видимость такая. Ученый, прошедший определенную школу. Стоит на страже «чистоты» физиологии.

Поговорить о погоде? Или сразу? Как все-таки неважно чувствуешь себя перед властью имущими. Возьмет и разгонит лабораторию после меня. Вполне может.

— Иван Петрович, я должен сообщить вам о своей болезни. Вчера у меня обнаружили лейкемию, лейкоз.

Округлил глаза. Возраст, страдает стенокардией — смерть для него вполне реальная штука.

— Это... точно? Вы были у гематологов?

— Да, Давид Портной — мой приятель.

— И что же он сказал?

— Ничего. Назвал цифру.

Сидит, задумался. Стал просто старым человеком, у которого часто прихватывает сердце, а у него семья, внуки.

Проснулся. Снова стал директором. Немало людей приходит к нему со своими несчастьями. Вынуждены приходить.

— Нужно лечиться, Иван Николаевич. Лечь в больницу, поехать в Москву в институт гематологии. Я бы мог помочь через обком.

— Спасибо, Иван Петрович. Я не могу сейчас лечь в больницу. Да и нужды пока в этом нет. Давид будет меня лечить амбулаторно.

— Напрасно вы так пренебрегаете здоровьем.

Наверное, ему самому противно произносить такие фразы. А мне противно слушать.

— Нет, что вы! Я буду исправно принимать все, что нужно. Но вы же знаете, что результат-то один.

Протестующий жест. Защищается от жалоб обреченного человека. Злюсь: «Дать бы тебе!» Почему? Это естественно. Все избегают боли.

— Иван Петрович, я пришел к вам не за утешением. Дело в том, что до конца мне нужно закончить работу, и в этом нужна ваша помощь. Вы знаете, что совместно с Институтом кибернетики мы создаем электронную установку, которая будет моделировать организм при острых патологических состояниях. Она нужна врачам.

Удивленно поднимает плечи. Дескать, «брось красивые фразы». Это верно. Последние слова о врачах режут ухо. Не буду его убеждать. Зайдем с другого боку.

— Эта тема вошла в союзный план научных работ. Кроме того, она обещает очень эффективный выход в практику.

«Внедрение в практику» — большое место теоретических институтов. И, конечно, их директоров. Должен клюнуть. Задумался. Или сделал вид.

— Да, я вас понимаю. Для ученого наука — самое главное в жизни.

Для тебя, например, главное — покрасоваться. Удовлетворить свое стремление к сласти. А может быть, он искренне воображает, что двигает науку? Каждый человек считает себя хорошим и важным. Неужели каждый?

Наступать.

— Мне нужна комната для того, чтобы приступить к монтажу машины. Нужно три ставки научных сотрудников, чтобы взять на них математиков. И еще техники — человека три-четыре. В отделе кадров сказали, что у вас есть вакансии.

— Но они предназначались для другого...

— Мне нужно на год. Потом заберете их обратно.

Не может же он отказать человеку в моем положении? Отказать — нет, но пообещать и не выполнить — вполне. Есть такие приемы у начальства.

— Хорошо, я вам дам этих лиц. На год. Только, может быть, не сразу.

Начинаются оговорки. Настаивать.

— Я вас очень прошу, Иван Петрович, сделать это теперь же. Вы понимаете, что «не сразу» для меня не подходит. У нас уме есть кандидаты.

— Ладно, пусть они подают заявления.

— А комната?

— Будет и комната. Только вы, пожалуйста, не перегружайтесь чрезмерно. Лечение прежде всего.

— Ну, конечно. Я вам очень, очень благодарен. До свидания.

— Будьте здоровы.

Сам понял, что неудачно сказал. Вышел из-за стола и провожает до дверей, смущенный. А я лицемер: «Очень, очень благодарен». Наверное, это эффектно выглядит: ученый, думающий только о науке. На самом деле совсем не так: просто я не могу иначе. Продолжать работать — самый легкий выход. На людях и смерть красна. Неплохо придумали люди.

Иду и думаю... Пришел в кабинет. Посидеть. Удобное кресло. Смотрю в окно: серое небо, редкие снежинки.

Много ли еще таких директоров, как наш? В науке ничто, а командует учеными. Нелепо. Какую линию он может проводить? Какие идеи? Каждая лаборатория работает, как может, средства и штаты он распределяет по принципу: кто больше вырвет. Эффект — от числа печатных работ и диссертаций. А ценность их? Неважно.

Ну, есть еще один принцип планирования — звонок: «Ты там, Иван Петрович, создай условия товарищу Н., он, видимо, очень талантливый человек. Новатор. Руководство так считает». Значит, какой-нибудь нахал пошел прямо в «дамки» — к самому высшему начальству. Сумел убедить, понравиться. Это же проще, чем доказывать ученым. А тому льстит роль мецената, хотя в данной науке он ничего не понимает. Он и звонит. На несколько лет товарищ Н. обеспечен. Потом, конечно, лопнет...

Не стоит злиться, друг. Этот принцип кончается. И не жалуйся, что обижен. Иван дал тебе лабораторию, потом каждый год увеличивал штаты. Без звонков. Дал, но как? Тоже меценат. Нравилось покровительствовать и при случае вернуть: «Мы передовые, развиваем кибернетику». Мы пахали.

Бог с ним. Теперь мне это неважно, а думаю еще по-старому. Инерция.

Одно объяснение пережил. Сейчас будет второе. Потом с Любой. Жалко как ее! Почему? Все к лучшему. Кончится ее двойная жизнь. Можно смотреть в глаза детям.

Как ей сказать? «Люба, дорогая, я болен. Я смертельно болен...» Представляю лицо: опустятся уголки губ, четко обозначатся страдальческие морщинки. Станет некрасивой и старой. (Помнишь: «Не хочу стареть! Не хочу, чтобы ты меня разлюбил!») Милая, разве я могу тебя разлюбить? До смерти!

«...а до смерти четыре шага...» Песня такая была на войне.

Не думать. Держи себя в руках.

Осадок после директора. Не люблю его. Раздражают эти барские, покровительственные манеры. Как же — член всевозможных комиссий, академик. Завидуешь! Фи! И нигде не скажешь, кроме как между своими.

Науке нужна свобода. Свобода дискуссий. Это воздух.

Постой. А смог бы ты сейчас защитить свои идеи? Доказать синклиту ученых, что тебе нужны деньги на машину, нужны инженеры? Пожалуй, смог бы. Конечно, авторитеты тоже консервативны, но дайте возможность доказывать.

Ничего. Уже не страшно. «Волевое планирование» уходит в прошлое. Хоронят любителей приклеивать ярлыки. Помнишь бранные клички: «вейсманист-морганист», «антипавловец»? Скажут — и завтра уже у тебя лаборантку забрали, принесли распоряжение начальства отдать ценный прибор. Директор с каменным лицом. «Развитие перспективных направлений советской науки требует перестройки».

На следующем заседании, смотришь, ученый кается в грехах. Красный, губы дрожат. Видно, что сам себе отвратителен. Куда денешься? Работать хочется, да и пить-есть надо. Жена, дети.

Противнее всего, что сами же ученые устраивали эти погромы. Начальники «вверху» с их же голоса повторяли. И ведь крупные имена были среди этих проводников «партийности» в физиологии. За культом в политике неизбежно следует культ в науке. А за ним — застой, регресс.

Все это позади. Да ты сам и не страдал от этого. В младших сотрудниках ходил, терять было нечего. Но, между прочим, на собраниях не протестовал. Ограничивался своей компанией. «Прошу заметить, господа присяжные заседатели».

Снова вопрос «о количестве благородства», героях. Без кибернетического подхода уже нельзя обойтись даже в вопросах этики.

Уже два часа. Что-то они не идут? Опыт уже в той стадии, что можно обойтись без них. Программа. Но, впрочем, мало ли что может случиться. Сердце остановится, например.

Остановится. Неприятные ассоциации. Гнать!

Стук в дверь.

— Входите.

Вот, явились — все трое. Веселые, оживленные, молодые. Сразу стало тесно и светло в комнате. Вадим что-то доказывает. По лицам вижу, что спорили. Наверное, в столовой были. Там всегда дискуссии.

— Как опыт? Как ведет себя сердце?

— Во! Как зверь. Давление в аорте меняли от сорока миллиметров до двухсот, а производительность ровная, как ниточка.

Это Вадим. Дальше Игорь:

— Записали вагон цифр.

Юра:

— Думаю, что придется внести некоторые коррективы в мою модель. Будем сидеть до позднего вечера, чтобы пронаблюдать разные степени патологии.

— Хорошо. Юра, позовите Семена Ивановича.

Нужно собраться с мыслями. Делаю вид, что просматриваю рукопись. Она передо мной. «Заметки об анабиозе». Слышу, Вадим шепчет: «Что за тайна? Женится шеф, что ли?» Да, женюсь. На НЕЙ.

Так прошла жизнь. Давно ли я был таким же, как они? Только, может быть, не столь веселым. Всегда было самолюбие и комплекс неполноценности: беднее всех одет, некрасив, танцевать не умею и ухаживать. «Книжный червь» называла мама.

Завидую. Молодые, способные. На правильном пути — физиология в соединении с техникой и математикой сулит блестящую науку. И карьеру тоже. Степени, звания, зависть, восхищенные взгляды девушек. Конгрессы в Париже, Токио, Рио-де-Жанейро.

Жизнь, полная до краев.

Пришли. Набираю воздуха. Нужно начинать.

— Садитесь, товарищи.

Пауза. Любопытство во взглядах.

— Я должен вам сообщить новость... (Тоже мне, нашел слово — «новость»). В общем, у меня обнаружен лейкоз. Очень много лейкоцитов. Увеличена селезенка.

Комок в горле. Опустить глаза. Только не плакаться! Почему-то стыдно перед ними, что меня нужно жалеть.

Поглядел. Испуг на лицах. У всех. Потом потупили глаза. Разлилась жалость.

Сдержаться. Надеть маску неприступности. Прогнать слезы. Скрыться за казенными словами.

— Я собрал вас не для того, чтобы принимать соболезнования или сложить обязанности. В моем распоряжении примерно год или немного больше. Я намерен использовать этот срок с наибольшим эффектом.

Вполне овладел собой. Даже представляю свое лицо: жесткое, с желваками. (А может быть, оно совсем не такое: мальчик силится сдержать слезы.)

— Это значит, что я хочу видеть макет нашей машины и убедиться, что она будет работать.

Мне хочется сказать — «помогать врачам лечить людей». Но я боюсь красивых фраз. Они их не любят. Нужно сразу перевести беседу в деловое русло.

— Я продумал план усиления работ, и мы должны его сейчас обсудить.

Смотрю. Вторая реакция: Семен думает, что будет заведовать отделом. Игорь беспокоится о диссертации. Юра растерянно смотрит на лица товарищей. Он, наверное, мало знает о лейкозах. Вадим сидит совершенно убитый и, видимо, не слушает.

Перед ними вся жизнь, и, конечно, обсуждение планов кажется им сейчас неуместным. Но я буду продолжать.

— Первое: получение характеристик органов. Конечно, мы не сможем провести необходимого объема экспериментальной работы. Поэтому я предлагаю шире использовать опыт клиники.

(Не останавливаться. Говорить и говорить. Похоронить за словами горечь и жалость. Даже если они меня не слушают.)

— Второе: ускорить работы по получению математического выражения характеристик органов. Не нужно увлекаться чрезмерно сложными зависимостями — все равно нам придется упрощать, так как много факторов останутся неучтенными. Нужно получить дифференциальные и алгебраические уравнения, выражающие зависимость работы органа от силы раздражителей при упрощенных условиях. Директор обещает ставки для математиков, но роль физиологов и врачей будет не меньше. Они должны заранее нарисовать примерные кривые зависимостей.

(Для этого у биолога должна быть отличная голова. Кто из них? Наверное, только Вадим. И все равно мало знает. Нужно привлекать со стороны.)

— Третье: проигрывать на ЭВМ взаимодействие отдельных органов, для которых уже заданы характеристики. Например, гидродинамику сосудистой системы или водный баланс. Эти работы необходимы, прежде чем создавать электронные модели систем.

Зачем я все это говорю? Они смотрят на меня отсутствующими глазами, и я чувствую, как тает моя вера в успех.

Болит под ребрами. Сохнет во рту. Пойти и лечь. Взять больничный лист: «Красные... помидоры... кушайте... без меня».

Ладно. (Это я себе.)

— Четвертое: проектировать и собирать блоки органов. Нужно шире использовать элементы уже существующих аналоговых машин, поскольку характеристики многих органов будут упрощенные.

Это пока все... Что делать потом, я расскажу в другой раз. Позднее. Прошу вас подумать и высказаться.

Все молчат. Что скажешь? Поставь себя на их место. Пауза затягивается. Семен вздохнул, оглядел других и решительно начал:

— Иван Николаевич, но, может быть, прежде всего нужно подумать о лечении...

Ишь ты, ему не терпится занять мое место. Но почему ты так судишь? Есть факты? Нет. Поэтому — спокойно.

— Я буду лечиться, конечно. Но не отрываясь от дела. И давайте не будем обсуждать этот вопрос.

Вадим вскакивает.

— Позвольте, как это не будем? Вы что для нас — чужой человек? Или мы куклы, автоматы — включили программу — и действуй? В конце концов не думайте, что ваши решения всегда самые лучшие. Отлично знаем вашу щепетильность и будем действовать сами.

Как он кричит... Всегда такой невоздержанный, грубый. Но сегодня мне это приятно. Приятно, когда любят и заботятся. Я не избалован этим с детства. Как, в самом деле, мало было человеческого тепла в моей жизни! Опять-таки жалко себя... Снова комок в горле.

— Зачем вы вынуждаете меня говорить? Неужели вы не чувствуете, что мне трудно? Что мне жалко себя? И я не хочу умирать. Не хочу... Только нашел настоящее дело...

Но что же мне прикажете делать? Я врач и даже... ученый. Всегда стесняюсь этого слова. Я знал о лейкозах, вчера еще прочитал. В моем случае — дело безнадежное. Не могу же я просто лечь и ждать смерти, принимая таблетки, процедуры? Вы понимаете, как это ужасно?

Наконец еще: я должен оплатить долги. Последнее время меня это гложет... Всю жизнь только брал и ничего не вернул. Люди от моей науки пока не получили ничего. Сейчас появилась возможность что-то сделать. И я должен это успеть. Вы, молодые, не думаете об этих вопросах или живете надеждами на будущее. Что-де успеете еще

отдать. Но жизнь проходит быстро. Долг — это не просто фраза. Это так и есть.

Снова молчание. Чувствуют безвыходность положения. Многие из них, наверное, впервые столкнулись с таким положением. Никто не работал врачом. Нужно закончить разговор. Мне как-то неловко перед ними, будто я виноват. И потом эти фразы о долге, наверное, звучат фальшиво.

— Я все понимаю. Лаборатория под угрозой. У вас могут опуститься руки. Задачи большие, дел впереди много, а на меня надежды нет. Может быть, даже думаете, что планы я составляю от отчаяния, а потом, как припечет, уйду. Так вот; лабораторию не выпущу до смерти. Кто сомневается, пусть уходит сейчас. Но кто останется, должны дать слово работать год во всю силу. Для дела и... для меня.

Намекнуть бы, что я их всех в люди вывел. Нет, не буду. Понимают хорошо, нет — слова не помогут. Конечно, сейчас никто из них не поднимется и не уйдет. Нужно наблюдать потом.

— Давайте обсуждать план.

Это сказал Юра, совсем спокойно и буднично. Хорошо, давайте. А может быть, лучше бы еще поговорить о чувствах? Хочется, чтобы погладили по головке... Нет. Юра продолжает:

— Без серьезной помощи извне мы не сможем создать машину. Никто из вас не представляет, как сложна эта установка: все равно что сотни радиоприемников. Институт кибернетики мог бы, но у них тоже мало сил. Нужно привлекать другие институты и учреждения, просить директоров. Но этого мало. Нужно найти энтузиастов. Я знаю, что такие есть. Мы их найдем. Но вам, Иван Николаевич, придется с ними поговорить. И, конечно, с директорами.

Да, «не хлебом единым».

— Будет сделано. Срок?

— Три дня на разведку. Но это не все, нужно знать, что моделировать. Ведь, Кроме сердца, почки и немного нервной регуляции, у нас нет характеристик. И даже схемы взаимоотношений органов еще полностью не утрясены. Когда я пришел сюда три года назад, мне казалось все очень просто. А теперь, наоборот, сложно. Нет надежды, что за... да, за год мы получим полные характеристики. Остается одно: придумывать. Эвристическое моделирование. Нужно смелее выдвигать гипотезы и моделировать их.

Хорошо он говорит и верно. Я должен сам засесть за это дело. Никаких статей, докладов и лекций в этот год: все время на думание.

— Что скажут другие?

— С нервной и эндокринной системой очень трудно. Нет методов изучения. Нервные импульсы нельзя поймать, они идут по очень многим проводникам, которые недоступны, а гормоны в крови, для их определения нужна очень сложная химия.

— Вадим, вы должны исходить из допущения, что к началу острого заболевания регулирующие системы были здоровы. Тогда, я думаю, их реакции будут более или менее стереотипны. Так говорит Селье. Значит, нужно ухватить несколько узловых пунктов, и по ним можно представить всю систему. Вы должны попытаться нарисовать эту схему, ну...

— Да.

— Семен Иванович, как у вас? И что вы скажете вообще?

— Моя задача очень скромная: характеристики почек. Я думаю, что они скоро будут готовы — через месяц или два.

— И это все?

— А что я могу еще? Вы знаете, что математику я не знаю и фантазировать не умею.

— Но вы могли бы взять на себя хотя бы печень. Нам без нее просто невозможно: участвует во всех болезнях.

— Я попытаюсь. Поищу в литературе методики исследования, но боюсь, что найду немного. Кажется, все очень сложно.

Не может он или не хочет? Не может. Привык всю жизнь заниматься узкими вопросами: влияние «а» на «б». Ребята смотрят на него с недоверием и неприязнью. Видимо, с ним будет конфликт. Пока оставим в покое. Игорь тоже молчит. Этот-то может работать, я знаю. Но — вот:

— Иван Николаевич, разрешите мне сказать.

— Прошу.

— Я не буду говорить о сердце: здесь все благополучно. Мы с Юрой и Толей скоро напишем характеристику формулой, она свяжет минутный объем с давлениями в венах, артериях, с насыщением крови кислородом. Однако только при умеренной патологии. Неясно значение регулирующих систем гормональных и нервных воздействий. Электронная модель, которую сделал по характеристикам Юра, достаточно хороша.

— Игорь, это я все знаю.

— Да, простите. Я волнуюсь. Я хотел сказать вот что: нам нужен хороший доктор. То есть опытный врач, хорошо знающий острые патологические процессы, для которых мы создаем свою машину. Это мог бы быть Алексей Юрьевич, анестезиолог. Вы его хорошо знаете, приходит на опыты. Но нужно поговорить с его шефом.

— Запишем: поговорить с Петром Степановичем. (Я скажу ему все. Хотя его не напугаешь смертями, но он заинтересован в машине. Прогрессивный врач. Сухой только, не поймешь, чем он живет.)

— Извините, я еще хочу предложить: переключите меня на клиническую физиологию. Временно. Там можно получить много данных для характеристик больного сердца.

— Тоже хорошо.

Все успокоились и обсуждают по-деловому. Без красивых фраз. Будут ли выполнять свои обещания? До сих пор приходилось активизировать их, иначе лабораторию будто илом заносит. Теперь для этого не будет сил. Все может пойти прахом. Нужно заинтересовать.

— Послушайте, а вы понимаете, что результаты всей нашей работы пойдут уже вам, а не мне? Что вы на себя будете работать? Что вообще

это «золотая жила»?

Реакция. Снова Вадим:

— Мы все понимаем, только напрасно вы это говорите. Мы не продаемся за чины и степени, хотя и не отказываемся от них.

Неловкое молчание. Юра покраснел. Игорь смотрит в окно. Семен ничего не выражает.

Обидел. Говорю красивые фразы о долге, а о людях думаю плохо.

— Простите меня, мальчики.

Юра:

— Мы не идеальные герои, Иван Николаевич, но не нужно нам об этом напоминать. Будем делать, что можем.

Ничего не могу ответить на это. Остается сделать вид, что ничего не случилось. И вообще пора заканчивать этот разговор.

— Еще одно дело, товарищи. В нашей схеме плохо представлены ткани, клеточный уровень. А ведь именно они потребляют кислород, глюкозу, выделяют углекислоту, шлаки. Для характеристики тканей нужна хорошая биохимия, а наша лаборатория сами знаете какая. Семен Иванович, я вас попрошу съездить в Институт биохимии и позондируйте почву насчет сотрудничества. Есть у вас там знакомые?

— Нет, во я познакомлюсь. Завтра же поеду. Только не знаю, сумею ли толково объяснить, что мы хотим. Во всяком случае, попытаюсь заинтересовать и тогда приведу к вам.

Кончаем. Что я должен еще сказать? Да, о поведении.

— Повестка исчерпана, товарищи. Я записал, кто, когда и что должен сделать. Прошу мне сообщать о результатах. И не стесняйтесь меня беспокоить. Когда будет плохо, я сам скажу. И еще одно: тайну из моей болезни делать не нужно, скрыть все равно невозможно, но и лишние разговоры ни к чему. Главное, пусть ни у кого не возникает мысль об ослаблении работы лаборатории, иначе так и будет. А теперь идите. Я еще зайду в операционную посмотреть.

Это я добавил, чтобы не прощаться. Наверное, прощание им неприятно.

Встают и тихо уходят. Один за другим, высокие, прямые. Молодые. Здоровые.

Вот так начинается новый этап в жизни лаборатории. Сейчас они будут думать. Не уверен, что у всех удержатся благородные порывы. Сложна человеческая натура, сильны инстинкты, подсознательные

стремления к овладению, к власти, лень. Поднимутся зависть, недоверие, жадность. Достаточны ли барьеры на их пути?

Позвонить Любе, пока она не ушла домой. Как неприятна организация этих свиданий: ложь, ложь, ложь!.. Она так страдает от этого. Слава богу, скоро конец.

Беру трубку.

— Алло, коммутатор? Город свободен? Наберите мне БЗ-67-20.

Соединяет.

— Позовите, пожалуйста, Любовь Борисовну.

Жду. Что скажу? Удивится. Не ожидает.

— Любовь Борисовна? Это я. Да, я. Мне нужно с вами поговорить. Сегодня же. Ничего не случилось, но нужно. Буду дома после пяти. Как обычно. До свидания.

Чувствую, что переполошилась. Но я должен ее видеть сегодня. Не могу ждать следующей недели. И страшусь этого разговора. Буду изображать такого бравого мужчину, который ничего не боится. И она тоже будет лгать успокаивать. А потом плакать всю дорогу. Вытирать слезы на крыльце и пудриться торопливо, вслепую. Потом надевать спокойную маску.

Муторно стало на душе. Опять меня обступили эти призраки: болезнь, больница, страдания, смерть. Еще: жалость, объяснения, неловкость.

Что мальчишки подумали? Что их шеф такой одержимый ученый? А он совсем слабый человек, которому хочется засунуть голову под подушку и стонать, стонать от тоски. И эти планы — только бегство от самого себя. Движение всегда притягивает мысль и отвлекает от другого — от безысходного одиночества. Наука — отличная вещь. Думаешь и думаешь и забываешь, что есть вопрос: «Зачем?»

Неумолимая вещь материализм. Частицы, атомы, молекулы. Клетки, органы, организмы. Мозг — моделирующая система. Любовь, дружба, вдохновение только программы переработки информации. Их можно смоделировать на вычислительной машине. И никакого в них нет особого качества. Нет бога, нет души. Нет ничего. Я только элемент в сложной системе — общество. Живу, страдаю и действую по строгим законам материального мира. Могу познать их — правда, очень ограниченно, но вырваться — нет. Вернее, да. В смерть. Пусть она идет. Никого не люблю.

Брось. Опять рисовка. Не нужно злиться. Жизнь — все-таки неплохая вещь. Радость открытия. Общение с любимой. Сигарета. Беседа с другом. Неважно, что все это — только изменение молекул и атомов в нервных клетках, образующих какой-то центр удовольствия в подкорке.

Как жить? Чтобы радости было больше, а горя меньше? Как Примирить это с материализмом? Чудак. Тебе эти вопросы уже ни к чему.

Нет. Теперь-то мне только и думать об этом. Отпала масса забот: как написать книгу, покрасоваться перед коллегами, купить новый костюм.

Хорошо. Потом. А пока нужно еще подумать над этой «Запиской», чтобы потом поговорить с Юрой о реализации бессмертия. Почему не попробовать?

Сижу, думаю. Об анабиозе и многом другом.

Уже три часа. Пойду поищу его. Лучше бы, если бы другие не видели. Сепаратные переговоры в коллективе не одобряются. Взять «Записку».

Наверное, он в мастерской. Послать кого-нибудь? Нет, сам.

Наша лаборатория разбросана по всему зданию. Следы агрессивной политики: по мере развития работ отвоевывали новые и новые комнаты. Иван Петрович жался, жаловался, но уступал. Как же, «кибернетические методы, прогресс». Мы тоже произносили красивые фразы.

Иду длинными коридорами. Народ собирается домой: двери в комнаты открыты, видно, как одеваются. Слышны прощальные слова. Кое-где еще висят таблички «Идет опыт. Не входить». Просто забыли снять.

Что-то немного страстности вижу я в наших ученых: после трех часов институт пуст. Наука делается в рабочее время — «от и до». Разговоры тоже входят сюда.

А мои сидят. Любят, правда, потом пожаловаться, что «ах, они перерабатывают», «вы нас эксплуатируете».

Наконец добрался до цели. Болит под ложечкой. Подсознательно я все время прислушиваюсь к своему телу. Так и будет теперь: одно болит, другое. Все органы заговорили.

Вот три двери вашей мастерской. Юра должен быть в первой: здесь стоит макет модели сердца — его детище и любовь.

Да, так и есть. Он сидит один на высокой табуретке перед осциллографом, на котором луч вычерчивает кривые, как давление в желудочке сердца. Не видит меня. Смотрит на экран и медленно поворачивает рукоятки прибора. Меняется амплитуда и частота всплесков. Я знаю: это он меняет «входы» давление в венах.

— Юра, мне нужно с тобой поговорить.

— А?

Он вздрогнул, потом широко улыбнулся. Лицо у него бывает совсем детское, не скажешь, что парню двадцать семь лет. Я бы уже мог иметь такого сына...

— Разговор секретный. Здесь посидим или пойдем в кабинет?

— Как хотите, Иван Николаевич. Здесь тоже спокойно. Ребята разошлись по всяким делам, а двое на опыте.

— Давай останемся здесь.

Я сажусь на старый стул, поближе к батарее отопления. Зябну.

— Можно мне закурить?

— Конечно, кури. Я с удовольствием понюхаю твой дым.

Пауза. Я как-то смущаюсь говорить об этой фантазии — анабиозе.

— Как идут дела с диссертацией? Ты понимаешь, что нужно спешить?

Когда мы одни, я называю его на «ты», как и Вадима и Игоря. Я их люблю, они мои ученики. И хотя я знаю, что они уйдут когда-нибудь, но это — умом, а сердце не верит. Кажется, что всегда будут делить со мной мечты и разочарования.

— Мне нужно на две недели выключиться из работы, и я закончу.

— Это нельзя. Можно не работать в лаборатории, но организационные дела остаются. Ты должен искать компромисс: делать самое необходимое и уходить домой.

— Придешь, так уже и не вырвешься до вечера.

— Диссертацию нужно подать максимум через два месяца. Это нужно также в мне. Дмитрий Евгеньевич читал все главы? Математика в порядке?

— Да, все одобрил.

Давай переходить к главному. Никуда не денешься.

— Юра. У меня есть еще один важный разговор. Мне немножко стыдно его начинать, так как я чувствую себя в положении человека, который хочет обмануть. Не делай удивленной мины, это так и есть. Я хочу обмануть смерть. (Фразер!)

— Что?

— Вот видишь, как ты удивился. Все люди нормально умирают, а я хочу увильнуть.

(Как плоско я говорю... Балаган. Где найти слова, чтобы рассказать о страхе смерти, протесте, смущении? Вот он как смотрит на меня недоверчиво, тревожно, и мой авторитет качается.)

— Юра, я не хочу умирать. Нет, ты не думай, что я проявляю малодушие и буду цепляться за каждый лишний день, покупать его всякими лекарствами. Но я хочу сыграть по крупной. (Опять плохо. Никогда не играл. Юра смущен, он как-то сжался. Или мне кажется? Скорее к делу.)

— Короче: я хочу подвергнуть себя замораживанию. Слыхал про анабиоз?

— Читал разные статейки и романы. Но серьезно не знаю.

— Ты помнишь ваши опыты с гипотермией? Видел операции у Петра Степановича?

— Да, слыхал. Но, кажется, то и другое было не очень удачным?

— Вот поэтому мы и должны сделать это на высоком техническом уровне. Поэтому и нужна твоя помощь.

— Я должен вникнуть в это дело по-настоящему. Дайте мне что-нибудь почитать.

— Вот здесь некоторые мои соображения, которые написаны сегодня утром. Ты их прочти, а завтра побеседуем подробно. Потом я дам другую литературу.

Передаю ему копию своей «Записки». Он тут же начал ее просматривать. Хорошая жадность, хотя невежливо.

— Ты потом это прочитаешь, дома. Прошу тебя пока никому не говорить. Кроме технических проблем, есть еще и этические...

Мне просто стыдно об этом говорить, как будто я делаю что-то неприличное. Будто я хочу выдвинуться нечестными средствами.

— Иван Николаевич, я ничего не могу вам сказать. Сегодняшние события просто ошеломили. Я не Вадим, не могу все моментально схватить и ответить. Дайте, пожалуйста, день на обдумывание.

— Ну, конечно, Юра. А теперь я, пожалуй, пойду домой.

Встаю. Наверное, у меня жалкое лицо, потому что он покраснел и как-то подозрительно замигал. Или мне показалось? Возможно.

— Может быть, мы можем чем-нибудь помочь? Прийти к вам вечером?

— Поразвлекать? Спасибо, дорогой. Это, наверное, тоже вам придется делать, но не сегодня... Я сам скажу... До свидания.

Он проводил меня сначала до двери, потом пошел дальше по коридору, до лестницы. Наверное, ему что-то хотелось сказать хорошее, но не осмелился из вечной боязни громких фраз. А зря.

По дороге в кабинет я зашел в операционную.

Опыт продолжался. Сердце работало хорошо, и почти половина программы была выполнена. Лена и Алла делали очередные записи. Мила вела наркоз она равномерно сдавливала резиновый мешок наркозного аппарата. Поля что-то возилась около подвешенных над собакой резервуаров с кровью, с помощью которых изменялась нагрузка на сердце. Игорь сидел за столом и рассеянно рассматривал графики характеристики сердца. Не видел меня.

— Ну как?

Вскочил, смущенный. Наверное, думал обо мне. Так и кажется, что все обо мне думают. А может быть, совсем не так?

— Все хорошо. Посмотрите, какие интересные кривые.

— Да. А где Вадим?

— Он ушел домой. Голова заболела.

Тоже реакция. У него особенно: самый экспансивный. Смотрю на других они, видимо, не знают. Это хорошо. Лучше привыкать постепенно.

— Ну что ж, я тоже пойду. Завтра покажите мне кривые.

— До свидания, Иван Николаевич.

Я дома. Уже пообедал и лежу на диване. Видимо, я в самом деле болен: еда мне противна. Попросить Агафью Семеновну приготовить что-нибудь другое. Борщ, борщ, котлеты. Надоело смертельно. Но она ничего другого не умеет. Спасибо и за это. Столовые и рестораны — это еще хуже. Ждать, нервничать. Слушать грубости официантов.

Холостяцкая жизнь.

Посуда осталась на столе, немытая. Леня. Люба придет — помоеет. Поворчит для виду, а самой нравится. Ей представляется, что она здесь

совсем хозяйка. Вот, вижу ее: в Агафьином фартуке. («Почему он всегда такой грязный?» Стройные ноги... Желание. Было.)

«Люба-любущка. Любушка-голубушка...» Старая, довоенная пластинка. «Любо-любо Любушку любить».

Ах, сегодня будет не до иллюзий семейной жизни. Как неприятно объяснять, что-де умирать надо. Причинять боль. Чувствую себя провинившимся. «Знаешь, Люба, заболел. Да. Смертельно заболел».

Вот как будто я здоров. И она пришла ко мне насовсем. Убрала посуду. Ходит по комнате, что-то переставляет, мурлычет какой-то мотивчик. Я лежу и делаю вид, что читаю газету, а сам люблюсь ею. Ей не нужно смотреть на часы: «Ах, уже девять, пора идти». Она моя жена. Я счастливый.

Сколько раз представлялась мне эта картина!

Теперь уже не будет. Бездна. Так и умру бобылем. Не повезло в любви. (Затасканная фраза.)

А могло бы быть иначе.

Картина перед глазами в яблонево-м саду. Июньский вечер. Большая операционная палатка. Стук движка. Идет операция. Яркий свет переносной лампы, и черные тени причудливо пляшут по белым стенам палатки. Павел Михайлович оперирует ранение живота: разведчик Саша Маслюков подорвался на mine. Вера подает зажимы прямо в руку. Быстро, щелчком — раз, раз. Розовые кишки шевелятся среди белых салфеток и простынь. Все идет спокойно. Андрей светит из-за плеча, я и Коля стоим так. Я смотрю на кишки и на Веру. «Милая, милая...»

Вдруг — взрыв, близко. Помню, Вера присела, а руки держит высоко: стерильные. Подумал: «Рефлекс». Самолет жужжит где-то совсем рядом.

Павел Михайлович — спокойно:

— Ваня, Коля, ложитесь! Нечего зря рисковать.

И я отошел к стенке и лег. Жалкий трус.

— З... з... зzzzz... ух!

Тени метнулись. Крик Веры:

— А-а-а!

Вскочил и вижу, как она оседает на пол, цепляясь руками в перчатках за стерильные простыни, тянет их за собой вниз.

— Ребята, уложите ее. Володя, Маша, сделайте свое дело. Быстро!

Железный человек.

Кончилась моя первая настоящая любовь.

Как она медленно и трудно умирала. Перитонит. Огромные глаза на сером лице. «За что?» Беспокойные руки. «Милый, я не умру?» А мне все слышался упрек: «Ушел, лег». Даже сейчас противен сам себе. Предал. Не заслонил ее.

Значит, все-таки ты трус в душе.

Я больше ни разу не ложился под бомбежками.

Все равно. Достаточно одного, того раза. Посмотрим, ляжешь ли ты в саркофаг. Будешь, небось, дрожать, скупиться: «Еще месяц. Еще недельку...» И помрешь в постели, выпрашивая укольчик морфия.

Почти шесть часов. В окне совсем темно. Скоро она придет. Нужно встать. Слушать у дверей. Шесть лет уже ходит, а я все волнуюсь, как первый раз.

Думал, уже больше никогда не полюблю, а вот случилось.

Были и до Любы. Но не то. Не выросло в любовь. Нет, не разменивался. Они были хорошие женщины. Наверное, все было проще — я им не пришелся. Да, конечно. Будь откровенен. Но и я расставался без жалости.

Кто-то протопал вниз по лестнице. Надеюсь, не встретит.

Это она меня окрутила. Нашла сокровище.

Жалеешь?

Нет. Нет. С Верой была почти детская любовь. Даже эти отношения были какие-то ненастоящие. И не запомнились совсем. С другими было всякое. И только тут — гармония.

Странная это штука — любовь...

Сердце бьется: «Тук, тук». А собственно, почему? Нет, не страсть. Тем более сегодня. Полное торможение от одного представления о теме разговора. Так что же? Интеллектуальные разговоры? Но Леня все-таки гораздо умней и интересней. А сердце не стучит. Может быть, от тайны? Возможно, зависит. Но не совсем.

Войдет. Положит руки на плечи. Приподнимется на носки и поцелует остро, коротко. Какой-то специфический запах ее дыхания. «Ну, как?» И все станет светло. Цветы.

Смотрите-ка, прямо поэт.

Есть центры в подкорке. Есть гормоны. Есть модели в коре. И больше нет ничего. Материя.

Может быть, это все и так. И даже наверняка так. Но я этим живу, это греет мою жизнь, мою науку.

Почему ее нет? Задержало что-нибудь? Много всяких препятствий.

Строили планы. Вот подрастут дети... Не нужно. Не нужно вспоминать.

Приходится подводить итоги. Личная жизнь не удалась. (Ужасно затасканное выражение. Все кругом затаскано!) Планы, наверное, все равно не осуществились бы. Ей не переступить через укоризненные взгляды детей. Я... тоже не был бы очень настойчив. Будь откровенен: одному хорошо. Люба — очень решительная женщина, это утомительно.

Наука. Какие были планы в науке?

Звонок. Иду!

Вбегает стремительно, запыхалась. Хочу поцеловать.

— Постой, не могу отдышаться. Кажется, никто не видел. Что случилось?

Тревожный, испытующий взгляд.

— Ничего особенного. Раздевайся. Давай пальто.

Поправляет волосы перед зеркалом. Специально куплено, потребовала.

Садимся рядом на диван, как всегда.

Не как всегда. Уже что-то стоит между нами. Преодолеть.

Целую нарочито нежно. Но она тревожна. Чутье.

— Что все-таки случилось?

Думал, может быть, сказать потом? После. Но чувствую — не получится.

— Хорошо, давай тогда сядем в кресла.

Садимся к маленькому столику. Мимоходом: какие удобные кресла! Готовился, а начать не могу.

— Может быть, я кофе поставлю сначала?

Решительно:

— Говори!

(Привыкла командовать на операциях.)

— Вчера ходил к врачу. К Давиду. Помнишь, говорил, что у меня слабость появилась, неприятные ощущения во рту. Только я пожаловался, он сразу послал в лабораторию, чтобы кровь исследовать. Потом расспросил обо всем, послушал, пощупал живот,

особенно слева. Я смотрел на него внимательно, но на его толстой, доброй морде ничего не прочитаешь. Сказал, что подождем анализ. Сидели потом минут сорок, трепались о всякой всячине. Я ему о машине рассказывал. Увлёкся и вдруг заметил, что он не слушает. В это время принесли анализ.

— Где он?

— Сейчас. Он его поглядел будто рассеянно и хотел было в стол сунуть, но я отобрал. Взглянул — и сердце у меня защемило. (Сдержись!) Но виду я тоже не подал. Давид сказал, что у меня неважно с кровью и нужно лечиться. Завтра я у него должен быть утром. Потом он меня еще долго расспрашивал о машине, о математическом моделировании... Вот и все.

— Давай анализ.

Достал его из записной книжки. Подал.

Как жестко она умеет поджимать губы. Видно, как вся сжалась. Потом лицо странно обмякло, губы дрогнули, веки опустились... но только на несколько секунд. Нахмурилась, вскинула голову, взглянула прямо.

— И что же, ты уже раскис? Уже собрался умирать?

Мне неловко. Ждал слез, что будет утешать, пожалеет, и вдруг так резко.

— Да, но ведь это лейкоз... Ты же знаешь, что будет, ты врач...

— Во-первых, я еще не уверена, все ли правильно. Во-вторых, можно лечиться, и успешно.

А углы губ все-таки мелко вздрагивают. Или мне кажется? Нет, спокойная. Может быть, в самом деле все не так страшно? Давид ничего не сказал определенного. Но энциклопедия? Ошибка? Врачи не любят, когда пациенты читают медицинскую литературу. Я же не просто больной, — профессор, медик. И все-таки...

Брось. Она просто играет роль. Или она не любит, не жалеет меня? Так хочется, чтобы пожалели...

Я тоже должен играть перед ней. Не показывать страха. Она молодец. Или просто привыкла? Доктор. Наверное, это хорошо — сдерживать друг друга, не распускаться. Впереди еще вторая часть разговора — анабиоз. Поцеловать ее. Аванс.

Наклонился, целую.

— Пойдем сядем рядом.

— Не нужно, милый. В другой раз.

Легонько отстранилась. Не приняла. Хорошо. Я хотел только для нее. Но она все чувствует. А может быть, нужно? Скоро все кончится, насовсем. Нет, не стоит себя подхлестывать. Пусть все идет своим порядком. Чистая нежность.

Стою на коленях рядом. Целую руки. Мягкие, маленькие ладони, странно неподвижные сегодня.

Нужно рассказать ей о моих планах. Пусть не думает, что я уже умер и нуждаюсь только в утешении. Немножко рисуюсь. Перед любимой всегда нужно стараться быть красивым.

Снова сажусь в кресло напротив.

— Я много прочитал о своей болезни и знаю ее прогноз. Пожалуйста, не думай меня обмануть. Но я не хочу поддаваться. Мне нужно во что бы то ни стало закончить начатое дело. Я составил план...

Подробно рассказываю ей о сегодняшнем дне. Мне нужно говорить и говорить. Люба молчит, глаза широко открыты, смотрит прямо на меня. Губы сжаты. Вся внимание. Но мне кажется, что она не слушает и не видит, хотя обычно профессиональные дела — самая важная тема наших разговоров.

— Не знаю, кого готовить себе в преемники. Вот если бы соединить в одном человеке Юру и Вадима. Они, правда, дружат, но надолго ли? Дружба не очень прочная база для совместной работы. Взаимное уважение на некотором расстоянии — самое лучшее для эффективной деятельности.

(Как книжно я говорю. Профессор.)

— А почему тебе нужно сейчас решать эти вопросы? Пусть все идет, как шло... Ты рано себя хоронишь.

— Значит, пока живой — живи, а умрешь — будет все равно? Нет, так нельзя. Я затеял дело и должен его обеспечить. По крайней мере на первое время.

— Тщеславен ты. Все вы такие, профессора.

— Ну уж неправда. Это долг. У тебя долг перед больными, а у меня перед наукой. Нет, я, конечно, знаю, что все эти штучки — долг и прочее — только самовнушение, но оно органически вошло в меня, и с ним умру. И не хочу себя разубеждать, иначе жить нельзя... Даже эти последние месяцы.

Она поморщилась при последней фразе. Правильно, не нужно повторять.

— Я смотрю на тебя и завидую. (Нашла чуму!) Нет, не этому. Увлеченности. «Чокнутый». Потому ты и холостяком остался, что все ушло в науку. Сотворил кумира, создал храм и служишь и ничего больше не видишь. Хорошо так жить!

Горечь в голосе.

Как ей скажешь после этого об анабиозе! Она бы никогда не позволила так сделать и поэтому понять не сможет. Я, наверное, помолчу пока. Хотя так трудно от нее таиться.

— Но ты одобряешь эти планы?

— Еще бы!

Механически отвечает. Мысли далеко, я вижу. Думает, наверное: «Пусть увлекается. Так ему будет легче». Все-таки мои идеи ей чужды. Жалко. Но вот снова говорит:

— А знаешь, Ваня, я тоже раздумывала о твоей машине.

Пауза. Продолжает:

— Сомнения есть: сможете ли вы отразить специфику острых патологических процессов. Ведь есть различия, например, в нарушениях кровообращения при перфоративной язве или ранениях живота. А биохимия крови и тем более разная.

Рот ее произносит слова, а лицо и глаза неподвижные. Какое-то скорбное выражение в них. Ей неинтересна машина сейчас. А мне она все равно важна.

— Я понял. Это — слабое место, верно. Но мы просто не можем моделировать каждый орган до молекул, а от них зависит специфика патологических процессов.

— Но если пренебречь спецификой, то не пропадет ли самое главное? Что определяет тяжесть и течение болезни?

— Это я пока не знаю. Для этого нужно выразить сдвиги в организме количественно, числом, и определить, насколько они зависят от клеток, насколько — от органов. Что — общее и что — отличное. Думаю, что моделирование этого общего уже много даст для медицины.

Как сложно, даже сам запутался. Стоит ли продолжать разговор? Она страдает.

Молчим. Я смотрю на нее.

(Помню, сидит, сжав лицо ладонями, и мрачно смотрит в стол из-под нахмуренных бровей. Бросает слова, как камни. «Шла к тебе, не разбирая дороги. Хотя бы попасть под машину... Такое отчаяние. Молю бога: убей меня, или тебя, или его. Или даже... детей. Преступница я, да?»)

Сидит, молчит. Хочет уйти и меня жалеет. Знает, что мне будет тошно потом... Заинтересовать.

— Расскажи о ребятах.

Одна из наших любимых тем. Это _ее_ дети, поэтому мне тоже все интересно. Я был бы для них хорошим отцом. Нет, подожди, наверное, они бы тебе мешали. Для меня отцовство — абстрактное чувство, знаю только по книгам.

Улыбнулась грустно, но чуть светлее.

— Трудно с Костей. Мальчик большой, пятнадцать лет, сильный. В книгах, в кино — борьба, драки. Ему это импонирует, а я не хочу.

— Знаешь, это с возрастом пройдет — увлечение приключениями. Все мальчишки это переживают. Самое главное, чтобы был умный.

— Главное ли? Умных подлецов тоже вполне достаточно.

— Очень умные редко бывают подлецами. Это чаще середнячки в смысле интеллекта.

— Не могу же я рассчитывать, что он будет талантливым.

— Ум и талант — разные вещи. С талантом рождаются, а ум воспитывают.

— Ты же знаешь, что мы стараемся. Я, как дура, учу английский, а Павел занимается с ними математикой.

Встала, прошла по кухне. Рассеянно смотрит по сторонам.

— Помыть тебе посуду?

— Не нужно, прошу тебя. Посиди, поговорим. А я погляжу на тебя.

— Все говорят — нужно прививать детям культуру. Ты мне скажи: что это такое, культура? Нет, дай сначала я сама.

— Валяй.

(Я-то сам не очень ясно представляю — культура?)

— Мне кажется, что есть узкое и широкое понятие. Узкое я бы, пожалуй, сказала так: знания по искусству, истории, науке, и еще к этому поведение, такт, вежливость. Но это не настоящая культура. Согласен? Или я сказала глупость? Знаешь, Ваня, я ужасно стесняюсь

изрекать умные вещи. Все мне кажется — «куда ты лезешь?». Это я только перед тобой осмеливаюсь.

— Ладно, не прибедняйся. Продолжай.

(Ей бы думать побольше, был бы толк. Нужно все время тренироваться в думании.)

— Так вот, настоящая культура включает еще систему убеждений, взглядов, отражающих гуманизм. Прости меня за такое громкое слово. Смысл его я не могу передать, но чувствую.

Она даже немножко порозовела. Нравится высказывать идеи. Пусть немного успокоится перед уходом.

— Вот в том-то и дело. Любушка, что это слово очень расплывчатое. Многие на него предъявляют права и заявляют, что их определение истинное. Мне кажется, что его нужно определить количественно — степень гуманизма. Гуманизм в отношении чего-то определенного.

— Это мне непонятно. Но я знаю, что гуманизм один. Внешняя культура может быть и без него, но воспитать в детях гуманизм без знаний культуры невозможно.

Люба не понимает кибернетики. Она целиком находится в мире качественных отличий. Доброта для нее — это качество. Она всегда ей следует, пока не попалась на этой любви. Вопрос о количестве гуманизма мы обсуждали с Ленькой. А сейчас не будем забираться в дебри.

— Ты уже сама сказала — можно привить знаниями, культурой. Искусством, идеалами, классиками.

— Он не хочет их читать. Говорит, что скучно и неестественно.

— Доля правды в этом есть. Недавно мне попался «Обломов». Боже мой, вот нудота!

— Фи, какое слово, профессор!

— Ну, знаешь, нельзя все говорить классиками.

— Нужно стараться. Все, что о детях, меня кровно задевает. А сейчас мне все-таки нужно идти. Потом поговорим. (Когда потом?)

Встала. Посмотрела на меня: каков? Спокойный? Можно уже оставить? Дома ждут. Стараемся обмануть друг друга.

— Да, иди, моя милая. Надо, значит, надо.

— Подай мне пальто, пожалуйста.

Она любит, чтобы я за ней поухаживал.

Пальто с дорогим воротничком. Муж купил. На свою зарплату не смогла бы. Знакомый запах.

Несколько секунд послушала у дверей. Потом обернулась, вздернула личико. Смотрю: оно почти обычное. Улыбается. Нет, глаза другие, тревожные.

— Целуй. Пошла.

И все. Дверь хлопнула. Каблуки простучали по лестнице, и стало тихо.

Опять один.

Не распускаться!

Вымоем сначала посуду. Агафья придет только послезавтра, оставить нельзя. Беспорядок не люблю, хотя и холостяк.

Ну, я не очень размываю. Струя кипятку — раз, два! Поставь в сетку над раковиной — и все. Десять минут. Потом должен сесть за работу. Работать, работать, думать. Ни минуты свободной. Я должен представить себе, как выглядят характеристики важнейших органов. Дать математикам приблизительные кривые. Будут формулы. По ним — машины, модели.

А может быть, не это главное? Может, последние месяцы стоит подумать о культуре, философии, психологии? Спорных вопросов очень много, они интересны. Ученый должен периодически перетряхивать старые догмы. По-моему, у нас это давно не делалось.

Нет, я уже думал над всем этим довольно. Могу лишь поставить вопросы, но не ответить. Нужны специальные исследования. Впрочем, можно еще подумать, для себя.

Однако главное — план. Оставить после себя что-то положительное. Хорошо, сейчас сяду. Ишь, как у тебя разыграло честолюбие! Обязательно нужно осчастливить человечество еще одной игрушкой.

Костя не хочет читать классиков. То же говорят библиотекари. И вообще из года в год меньше читают художественную литературу. Сначала на Западе, а теперь и у нас. Почему?

Быть может, устарела форма — нет терпения читать длинноты. Телевидение дает все в концентрированном виде — сразу на несколько органов чувств. («Каналы информации», как говорят кибернетики.) Показывают массу ерунды, но по крайней мере быстро. И никакого труда.

Писатели беспокоятся: что будет с культурой?

Ничего не будет. С удовольствием читают фантастику и «книги фактов» путешествия, о науке. Хорошие романы тоже читают.

Но что делать с идеалами? С гуманизмом?

Особый вопрос. Отложим.

С посудой покончено. Все на местах. Теперь в кресло, думать.

Удобно. Ноги к батарее: зябнут. Болезнь? Старость? Нет.

Люба все время присутствует где-то в подсознании. Не сказал об анабиозе. Сдаться? Или, на худой конец, отравиться? Нормальное самоубийство. А то будешь там лежать: считается, что можно ожить, а на самом деле мертвый. Как ее к этому подготовить?

Я должен это сделать — анабиоз. Очень интересно. Когда еще решатся люди на такой эксперимент? Гуманизм не позволяет. А Люба привыкнет.

Вдруг я действительно проснусь через двадцать или пятнадцать лет? Точно, как в романах, когда возвращаются из космических путешествий. Нужно запомнить (или даже записать) вопросы, которые сейчас стоят перед миром. Может статься, что я проснусь идиотом. Это ужасно. Впрочем, какая разница? Идиот не понимает своего положения. Хуже, когда не совсем, когда остается критика.

Не стоит об этом раздумывать. Вероятность выживания столь мала, что смешно обсуждать детали.

Нужно готовиться, как к смерти. Настоящей, реальной.

Кого оставить преемником? Вадим? Юра? Юра может дать больше, но и Вадим тоже сумеет постигнуть математику и электронику. Не боги горшки обжигают. Тогда их возможности сравниваются. Нет, у Юры кругозор шире. Он сочетает фантазию с методичностью. Если бы еще несколько лет, пока усовершенствуется в физиологии... Этот вопрос можно еще немножко отложить.

Завтра идти к Давиду. Какое лечение он мне назначит? Не слишком бы обременительное.

Вечером, возможно, придет Леня. Что бы нам обсудить? Посмотрим, куда пойдет беседа. Свободная дискуссия.

Не хочется начинать занятия. Устал. Столько было тягостных разговоров, а поспать после обеда не удалось. Люба.

Нужно работать. Есть кто-то внутри, который гонит: «Давай, давай». Остановиться нельзя: страшно. Одиночество и

бессмысленность меня обступают, и тогда волком вой.

(У Горького хорошая фраза есть: «Быть бы Якову собакою, выл бы Яков с утра до ночи». Так и мне — хочется завывать.)

Хватит. Берусь.

Десять вечера. Сижу честно, тружусь, обложился книгами. Думаю над схемой управления жизненными функциями. Регулирующие системы, которые я предложил (Я!), пока выдерживают испытание. Однако мало сказать: система крови, система эндокринных желез, вегетативная нервная система и кора. Нужно расписать их «этажи», взаимодействие друг с другом. Эта схема должна быть заложена в нашу машину, как управляющая надстройка над органами.

Вообще-то это дело поручено Вадиму, но он один, наверное, не справится. Я должен продумать сам, чтобы быть готовым обсуждать. Голова у меня пока хорошая. Доволен? Почему нет? Мне хорошо удается разложить все по полочкам, предугадать зависимость, выдвинуть гипотезы. По реакции окружающих я вижу, что придумываю хорошо. Чьи реакции? Твоих помощников? Они еще маленькие. Нет, они очень требовательны, завоевать авторитет трудно. Да и в институте со мной считаются. Иначе Иван Петрович не дал бы мне такую лабораторию. Без всякой протекции.

Нет, друг мой Ванечка. Это все не так. Про себя ты знаешь, что твои способности до уровня таланта не доходят. Хороший комбинатор. Собрал вместе физиологию, кибернетические идеи, математику, технику, сумел привлечь способных ребят — вот и получилось нечто интересное. Но никакого открытия ты не сделал, и сомнительно, что можешь сделать. Да и идеи твои пока находятся в сфере разговоров. Вот когда получают математические характеристики и сделают машину, тогда дело другое.

Все верно. Но характеристики и машины будут. Уверен. И это новый шаг с физиологии и медицине. Именно так. Хотя без гениальности.

Самое трудное — регулирующие системы. Вон сколько книг по эндокринологии, а как взаимодействуют между собой железы, все-таки не ясно. Сведения противоречивы. Потому что никто не исследовал по-нашему количественно. Придется брать приблизительно.

Телефонный звонок в передней. Кто бы это мог так поздно?

Иду.

— Да?

— Иван Николаевич, это я, Юра. Вы не спите?

(Вот дурень, еще только десять часов! Впрочем, это он из вежливости.)

— Что случилось?

— Ничего. Я прочитал вашу записку, и очень хочется поговорить.

Раздумье. На завтра? Помешал занятиям. Мнение его важно: это техника, реальность идеи, моя жизнь или смерть. Кроме того, страх перед ночью. Одиночество. Пессимизм.

— Ты где?

— В лаборатории. Я быстро.

— Приезжай.

(Оставлю его ночевать.)

Поговорим о разном. Люблю посидеть один на один. Человек раскрывается. Ищешь себя в других,веряешь мысли.

Кухня, холодильник. Опять посуду пачкать. Ничего. Что там на полках? Придет голодный. Молодой. Ты разве чувствуешь себя старым? Недавно — нет, а теперь — другое. Скоро конец. Не привыкну к этому. Должен привыкнуть. Иначе плохо.

Все есть: колбаса, сыр, масло. Консервированный перец. Хлеба маловато. Печенье.

Как сильно меняется человек с возрастом! Молодые для меня — уже другие люди. Совсем не похожие на нас в молодости. Или это кажется? Мы были бедные. Помнишь, кончил техникум — не имел пиджака. Ходил в каком-то старом свитере. Немножко стыдно было, но ничего. А теперь? Все хорошо одеты.

Впрочем, это было всегда: отцы и дети, «мы были лучше». Пспрашивать Юру.

Что-то он скажет о проекте? Технические проблемы могут быть очень сложными. Не успеть. Важно научиться охлаждать, а нагревание понадобится для меня не скоро. Потом выработают методику. И аппаратуру тоже потом. Начнем на макетах. Когда я там буду лежать, то, хочешь, не хочешь, придется дорабатывать машины. Деньги, люди — все найдется.

Пожалуй, нужно смолоть кофе. Интересно: умом рассчитал, а в подсознании не верю. Как будто играю роль.

Люба думает о том же. Представляю: что-то делает, а взгляд витает внутри. Горестные морщинки около глаз. Обиженный ребенок.

Всю жизнь приучал себя не жалеть о потерянных вещах. Что с возу упало, то пропало. Теперь должен примириться с самой главной потерей. Приучить себя. Да, да. Неизбежно. Поэтому держись. Я не способен на большой героизм, чтобы молчать под пытками или броситься на амбразуру. Но это должен суметь. Представляю: ложусь на стол, прощаюсь. Последний взгляд на окно — кусок неба. Анестезиолог дает закись азота — «веселящий газ». Засыпаю с приятными ощущениями. И все. Потом скажут; «Шеф держался хорошо».

Сумею. Заметь, это тоже тщеславие!

Накрою на стол. Чтобы не отказывался. Колбаса, масло, сыр. Тарелки. Еще салфетки.

Немножко староват для такого важного опыта. Гипотермия на щенках всегда удавалась лучше. К сожалению, помочь нельзя. Попробовать бы на ком-нибудь... Стоп! Вот подлая мысль, все время вертится где-то на задворках сознания! Так далеко, что даже не произносится словами. Приведем ее в ясность. И скажем раз навсегда: пробовать не будем. Забудь думать. Первым полетишь в вечность. Слова, все слова. Э, до лампочки...

Осторожный звонок.

Это Юра. Вежливый.

Вошел румяный, красивый. (Девушки, наверное, от него без ума.)

— Похолодало?

— Да, кажется, начинается зима. Вы извините, Иван Николаевич, за позднее вторжение, но...

— Что ты, Юра. Хорошо, что зашел. Мне скучно одному.

(Не нужно намеков!)

— Сейчас поужинаем и все обсудим.

— Благодарю вас, я сыт, я на минутку.

— Ну нет, теперь ты гость и должен слушаться хозяина.

Мнется ровно столько, сколько положено приличному юноше. Потом садимся за стол. Поддерживаю компанию, чтобы не смущать мальчика. Он воспитанный. Старая интеллигентная семья. Не то, что я, беднота.

— Бери больше. Знаю, что голоден, не притворяйся.

— Да, верно. Боюсь, все ваши запасы съем.

— Ничего, наша фирма выдержит. (Плоско!) Сейчас я заварю кофе.

Хлопочу с кофеваркой. Засыплем побольше, вместо коньяку. Юра, кажется, не пьет. Но барышня у него, я слышал, есть. Наверное, уже можно начинать разговор.

— Ну, мне не терпится услышать твое мнение. Только, пожалуйста, откровенно.

— Я сейчас все расскажу по пунктам.

Встал, принес из прихожей папку. Она там лежала на зеркале.

— Иван Николаевич, я не компетентен судить о биологии и физиологии и буду высказываться только по вопросам техники.

— Ну, не приbedняйся очень-то. Ты уже достаточно вошел в пашу науку. (Льщу. Хочу задобрить. Нет, правда.)

— Итак, разрешите начать. Я вижу тут три основные проблемы: создание программы опережающего управления и ее воплощение в машине, по всей вероятности, типа аналоговой. Второе — датчики. Третье — исполнительные механизмы: АИК, почка. Сроки создания всего комплекса очень сжатые, сил у нас немного.

— Не успеем? (Значит, умирать так?)

Вижу, ему неловко.

— Нет, я этого не сказал. Но мы должны договориться о максимальном ограничении задачи.

— Юра, я понимаю, что это очень трудно. Но кое-что можно упростить. Первое — разрабатывать только программу охлаждения (умерщвления!). Второе — все механизмы создавать в виде макетов. Третье — не особенно увлекаться автоматикой: только там, где ручное управление не успевает срабатывать. Я так думаю, что важно только запустить всю эту механику, а потом можно дорабатывать. Ее нельзя будет так просто взять и бросить.

Он слушает внимательно, но смотрит куда-то в сторону. Мне это не нравится. Неужели невозможно?

— Мне не хотелось бы это делать тят-ляп.

Неприятно. Что же он, отказывается? Без него не сделать. Невозможно найти нового инженера и ввести в курс дела. Времени не хватит. Сдержись. Говори тихо. И не намекай.

— Если ты говоришь «нельзя», значит, придется отказаться. Тем более, что у нас большая основная программа — машина.

— Не нужно меня обижать, Иван Николаевич. Просто я никак не могу примириться с мыслью, что это должно случиться...

(Он не верит. Я тоже не верю, но это факт. Знаю.)

— Да, к сожалению, должно.

— И вы серьезно считаете, что есть шансы?..

Это уже нетактично — сомневаться и отнимать соломинку. Но будь снисходителен. Не по злему умыслу.

— Все это написано в записке. Можно надеяться на просыпание. Ну, ты подумай, есть же зимнеспящие млекопитающие, у которых температура тела понижается до пяти градусов. Они имеют программы засыпания и восстановления жизни. По всей вероятности, они заложены в эндокринной системе и включаются от внешних условий. Выделяются какие-то гормоны, понижают обмен веществ, затормаживают нервную систему. Потом — наоборот.

— Вот бы иметь такие гормоны!

— Э, друг, их уже искали, но пока не нашли. Значит, это трудно. Во всяком случае, жизнь клеток при низкой температуре возможна. Опасность только в том, что анабиоз будет длительным. Но мы должны так его организовать, чтобы траты клеток пополнялись полностью.

Вполне доказательно даже для меня самого. Очень важно, чтобы он поверил. Нет, не то слово, — убедился. Человек точных наук. Заинтересовать.

— Неужели ты не чувствуешь, какой это интересный эксперимент?

— Если бы он был только экспериментом.

— Я бы тоже предпочел на другом, но что поделаешь? Если хочешь знать, так у меня есть одно сомнение. Хомяки, медведи, летучие мыши живут за счет трат собственных энергетических материалов, за счет распада. Наверное, это более или менее простые реакции. А вот будет ли синтез? Часть своих белков будет тратиться, но будут ли они восполняться? Вот что нужно проверить.

— Хорошо, Иван Николаевич. Раз это неизбежно, давайте обсуждать конкретные вопросы. Хотя, если признаться, все очень страшно.

— Конечно. Шуточное ли дело: человек отправляется в будущее. Да еще близкий человек. Или не так? Но я надеюсь, что ты все-таки продумал кое-что и пришел с конкретными соображениями.

Кофе готов. Разливаю его по чашкам. Печенье.

— Ну, пей.

— Я уже сказал о трех основных направлениях работы. Датчики мы изобретать не будем: это слишком кропотливо и долго. Придется довольствоваться тем, что есть. Для программного управления охлаждением мы, возможно, приспособим готовые схемы. И для стационарного режима тоже.

— Можно использовать нашу машину.

Протестующий жест.

— Нет, она не очень-то пригодится, потому что принцип ее моделирование действительности, а не управление. Но кое-что используем. Самой трудной проблемой окажется третья — исполнительные механизмы. Нужен идеальный АИК, отличная искусственная почка. А тут еще камера высокого давления. Нельзя без нее обойтись? Очень усложняется все дело.

Наконец взялся за кофе. Руки не очень чисты, виден мастер.

— К сожалению, думаю, что нельзя. По крайней мере на периоды охлаждения и нагревания. Возможно, что высокое давление окажется очень выигрышным и при низкой температуре.

Я повторяю какие-то соображения из записки.

Он все понял, это приятно. Именно его нужно оставить заведующим.

Затем мысли ушли куда-то в стороны, к Любе, к болезни. Но слушай!

— Итак, нужно проектировать несколько технических устройств. Первое система АИК с автоматическим поддержанием напряжения кислорода и углекислоты в притекающей и оттекающей от организма крови. С ним связана конструкция «саркофага» с регулированием давления и содержания газов. Отдельно регулирование температуры тела, видимо, тоже по оттекающей жидкости.

— Нет, нужны дополнительные датчики в пищеводе и прямой кишке. Так измеряют хирурги. Напряжение газов тоже нужно измерять непосредственно в тканях. Измерение в крови недостаточно.

Нетерпеливо кивает. «Мелочи».

— Следующая система — искусственная почка вместе с регуляторами рН, водного и солевого баланса. Она же регулирует

выведение шлаков. Сомневаюсь, удастся ли сразу создать автоматику, так как датчиков для этого нет.

— Неважно. Эти показатели будут меняться медленно, можно. Автомат нужен, чтобы включать почку по часам.

(Автомат. Моя жизнь будет зависеть от автомата. Впрочем, разве это жизнь?)

— Возможно. Однако для того, чтобы спроектировать эти системы, нужны количественные характеристики работы организма при соответствующих режимах. Это значит: потребление кислорода в одну минуту, выделение углекислоты, расход глюкозы, азотистых продуктов.

— Нам точных характеристик не получить. Да еще при разных температурах. Но ведь можно спроектировать «с запасом», так, чтобы поддерживать постоянство того или иного параметра?

— Конечно, но отправные точки все-таки нужны.

— Одна точка — нормальный обмен в начале охлаждения, вторая приблизительно два-три процента от нормы — при низкой температуре, при анабиозе. В этих пределах нужно обеспечить регулирование.

— Нет, Иван Николаевич. Проектантам нужно техническое задание. Предполагаемые режимы в цифрах, графиках. Скажите, а мы сразу будем делать настоящую установку или сначала опытную, для экспериментов на собаках?

Он не сказал: «Сразу для вас». Пощадил, постеснялся. Понятно. И я не буду называть.

Наверное, нужно рассчитать для человека, но чтобы годилось и для собаки. Кроме того, нужно сохранить тайну. Пусть проектируют экспериментальную установку.

Но и для этого нужны годы. Выход только в использовании готовых блоков и элементов — готового АИК, готовой почки.

— А может быть, нам выставить эту штуку? Например, взять и назвать: «Машина для путешествия в будущее». Можно завтра же пригласить корреспондентов и дать интервью. Все газеты с удовольствием напечатают. Сенсация. И тут же потребовать, чтобы объявили наш призыв: «Всем. Всем. Помогите ударной стройке!»

— А что скажет начальство?

— Да пусть говорит, что хочет. Лишь бы газеты объявили, энтузиасты найдутся.

Действительно, что можно со мной сделать? Наказать меня нельзя. Нет, еще можно. Лишить работы, последней радости. Прощай анабиоз, а с ним и машина. (Как я привык к своей тачке!)

— Нет, Юра, так не пойдет. Стыдно трепаться раньше времени. Обратное путешествие может не состояться. Поэтому давай искать более скромные пути. Если все удастся, в газеты мы еще попадем.

— Согласен. Тогда давайте, не откладывая в долгий ящик, сядем за технические условия. Завтра я буду на заводах и пощупаю почву для заказов. Вы еще в состоянии работать?

Я не очень в состоянии и с удовольствием бы лег с книжкой или газетой. Одиннадцать часов вечера. Но теперь это позволить себе нельзя. Шагреневая кожа убывает.

— Давай, Юра. Что конкретно ты предлагаешь делать?

— Я думаю, мы должны пройтись по всей вашей записке, чтобы выписать предполагаемые режимы, параметры, цифры. Нарисуем схему установки. Затем прикинем, что можно использовать готовое, что нужно проектировать. Напишем задание.

— Пойдем тогда в кабинет.

Мы работали около часа. Обсуждали главные пункты проекта. От идей до техники большая дистанция. Нужны характеристики органов и систем при низкой температуре, кривые переходных режимов — как будет изменяться функция органов при нагревании или охлаждении. Всплыли трудные вопросы. Оказалось, что нет техники для реализации многих идей. Придется консультироваться в Москве. (Заодно посоветоваться с врачами? К чему?)

Обсуждали, спорили, как об отвлеченной научной проблеме. И вдруг вспоминаешь: для себя. Сидит в подсознании мысль: «Конец». Через нее весь мир представляется в новом свете.

Выключить. Думать о другом.

Хорошо, что Юра пришел. Вот сидит, углубился в какие-то расчеты. Правильный нос. Волевые складки около губ. Глаза чуточку маловаты и глубоко сидят. Убежден, что на лице человека написано все: ум, характер, душевные качества. Только читать не умеем. Может быть, кибернетика решит этот вопрос?

— Хватит, Юра, считать. Давай кончим на сегодня. «Поговорим за жизнь». (Мне ведь так мало осталось!)

— Мне нужно идти, Иван Николаевич.

— Ну, нет. Никуда. Есть раскладушка, простыни, все. Мама знает, куда ты пошел?

— Да, я звонил из лаборатории, что приду от вас поздно. Но она все равно будет беспокоиться.

(Но мне же тоже плохо, пойми!)

— Ничего. Будто уж ты всегда ночуешь дома?

— Всегда.

(Скажи, пожалуйста! Двадцать семь лет. Да ведь и я был таким. Но время теперь не то. Придется отпустить. Как тоскливо оставаться одному... И Люба тоже ушла, покинула. Сказала бы, что в больнице. Опять ложь.)

— Ну что ж, иди, раз нужно.

Понял. На лице мелькнула грустная мысль. Колеблется.

— Я, пожалуй, попытаюсь позвонить одному приятелю из нашего дома.

Пошел в прихожую. Когда будут телефоны в каждой квартире? Жадные: совсем недавно не было самих квартир, а теперь подавай телефоны.

Набирает номер. Сколько будет ждать? Это характеризует. Скоро.

— Дима, ты не спал? Прости, пожалуйста, что поздно. Не сходишь ли ты к маме? Нет, ничего не случилось, просто нужно ее предупредить, что я заночую у шефа. Нет, ждет, конечно. Спасибо. Извини.

(«Конечно» — значит, всегда ждет. Не завидуй, и у тебя была такая. Хорошо, что не дожила. И вообще хорошо, что никого нет. Люба. Не совсем то.)

Вернулся улыбающийся. Любит маму. Приятно.

— Вот теперь все в порядке. Знаете, я у нее один.

(Знаю: и я один был.)

— Спать будем или еще почеевничаем?

— Как хотите. Я не устал.

— Тогда пойдем на кухню. Чаю или кофе? Или, может быть, выпьешь? Есть водка, есть коньяк, вино. (Коньяк — Леня. Вино — изредка Люба.)

Испуганно:

— Нет, что вы, я не пью!

— Маменькин сынок: не пьешь, не куришь, ночуешь дома.

(Хотел: «с девками не гуляешь». Нельзя: профессор, а он интеллигент.)

Молчит. Собираю на стол. Который уже раз сегодня? Третий.

Уселись. Чайник кипит. Еда.

— Слушай, Юра, можешь ты мне рассказать, чем живет молодежь?

(Мне нужно, и я же в будущее собираюсь. Разъяснить.)

Задумчиво жует. Молчит.

— Знаешь, я уже не чувствую вашего поколения. Утратил контакт, как выражаются теперь. Странно получается: до революции профессора устраивали «четверги» для учеников и студентов. А теперь... Работаю с молодежью, а чем они живут, узнаю из газет.

— Но я, наверное, не очень характерный экземпляр, Иван Николаевич. Видели, мама меня ждет...

— Ты все-таки ближе.

— Разная есть молодежь. Деревни не знаю, но заводы, институты, НИИ знакомы. Впечатления не всегда радужные, но и не пессимизм, как у некоторых.

— Сформулируй. Ты же ученый.

Улыбнулся. Лицо стало сразу детское, непосредственное.

— Какой же я ученый? Я инженер.

Но ему приятно, что так назвал.

— Не думайте, что собираюсь проповедовать утопии. Мы, инженеры-кибернетики, требуем все выражать в цифрах. В том числе и идеалы. Поэтому прежде всего нужна кибернетическая социология и экономика. Объективные методы изучения поведения людей, эффективности их труда, степени душевного комфорта. Устойчивости и перспектив социальной системы.

— Ты веришь в коммунизм?

Встал. Прошелся по кухне: три шага вперед, три — назад. Остановился против меня. Взмолнован, кажется?

— Зачем вы задаете такие вопросы?

Мне немножко смешно и приятно его волнение. Значит, есть порох у молодежи.

— Мой друг, я собираюсь путешествовать в будущее. Представь: твои автоматы разбудят лет так через пятьдесят. Так что вопросы будущего меня интересуют совершенно конкретно.

(Врешь, еще не думал. Но вообще да, нужно знать. Дело серьезное.)

— Хорошо, я вам отвечу. Да, я верю. Но слово «вера» мне не подходит. Коммунизм — это не религия.

— Никто этого не говорил. Коммунизм — наука.

— Эту науку догматики нам подавали как религию: цитаты, цитаты... Если это наука, так я всегда имею право искать новых доказательств.

(Бывало и так: павловская физиология, мичуринская биология. Языкознание. Хотя не на костер, но с должности долой. Он этого не застал.)

— Я согласен. Но принесет ли пользу дискуссия в таком деле?

Представляю: митинги, страсти, упадок дисциплины. Прямой вред.

— Кто говорит о какой-то всеобщей дискуссии? Научные вопросы не решаются на митингах. (Прочел мысль!) Есть институты. Они должны изучить вопрос со всех сторон.

Слова. Пока одни слова. Но молодость берется горячо. Подразнить.

— Да что изучать? Какие проблемы? Строить коммунизм или возвращаться к капитализму?

— Ну зачем вы утрируете? Таких дураков не найдется. Дискутабельны вопросы методов и темпов, а не целей.

— Интересно, что думают по этому поводу философы? У тебя нет приятелей среди их молодежи?

— Нет. Пока я интересуюсь этим только так, для души. Хватит того, что в медицину влез. Хотелось бы, конечно, и сюда поглубже забраться, но в общем-то можно жить и так. Идем вперед, развиваемся. Но я еще этим займусь всерьез.

(А можно ли жить без этих вопросов? Если бы не водородные бомбы, то спешить действительно некуда. Время придет, покажет. Но теперь... Впрочем, это уже не для меня. Бобыль. Не выполнил долг: «Кто родит сына, посадит дерево...» Ни сына, ни дерева. Грустно.)

— Ну, а в людей ты веришь, Юра? Все ли способны войти в коммунизм? Имей в виду, что экспериментальных доказательств достаточности человеческих качеств нет.

(Ты-то сам готов? Пожалуй, да. Материальных благ мне вполне достаточно. Согласился бы даже и на меньшее. Независтлив, нечестолобив. Вернее, «да», но в меру. Вот только лаборатория мне нужна, оборудование, помощники... А может быть, твои замыслы того и не стоят? Но я ведь этого честно добиваюсь, доказываю. Но слушай.)

— Я верю. Но я знаю, что человек — такое существо, что может и в сторону вильнуть и назад. И все к черту пойдет, вся история цивилизации и социальный прогресс. Пример — фашизм. Жутко — целое государство с пути сбилось.

— Опять добро и зло. Не будем обсуждать. Вернее, отложим. Давай лучше спать ложиться.

— Да, да, в самом деле, уже час. Вы меня простите за болтовню.

— Ну, что ты!

Какой он, Юра? Умен, но молод. Это значит, ум еще не настоящий. Слишком согрет чувством и ограничен. Мудрость приходит вместе со зрелостью. Даже у меня еще нет, наверное. Но как странно: в любом возрасте человек ощущает себя вполне умным и способным все понять. Вот тот же Юра наверняка уверен, что может постигнуть любую науку, любой предмет. Постигнуть... Я тоже так думал.

Стелю постели. Раскладушка, поролоновый матрасик. Удобная вещь, только простыня на нем держится плохо. Подоткнем. Еще пододеяльник.

— Юра, там в ванной есть новая зубная щетка. Красная.

Укроется пледом, тепло. Да, полагается наволочку сменить. Сейчас. За границей еще пижаму дают, у нас пока в своих рубашках. Не дошли.

— Ложись. Читать будешь? Газеты есть.

— Нет, спасибо. Я быстро засыпаю.

Стесняется. Ну, я тоже свет потушу сразу.

Вечерний туалет. Зубы как зубы, но десны явно распухли. Так уж явно? Да. Ничего. Послужат.

Ложусь.

— Ну, спокойной ночи. Рано не поднимайся.

— Спокойной ночи.

Гашу свет. Лежу, вытянувшись под одеялом. Тепло. Хорошо лечь после длинного рабочего дня. Длинного дня разговоров.

На потолке светлые квадраты от уличных фонарей. Качаются. Ветер. Вот поползло еще одно пятно. Быстрее, быстрее. Пропало. Кто-то включил фары. Ночью нет инспекции.

Спать. Но мозг не сдается сну.

День прошел. «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» Песня была. Пели подвыпившие интеллигенты. Не много дней осталось. Каждым нужно дорожить. Зачем? Не все ли равно — раньше, позже? Рисуешься? Не очень.

Волны... Волны морские. Хорошо вот так засыпать на берегу. Ш... шшш... уу... Слышу шум волн, методичный, успокаивающий. Так было и миллионы лет. Уже больше не увижу. Нет, весной еще успею съездить. Посижу на камушках. Подумаю о вечности.

Юра уснул. Действительно быстро. Молодость. Еще говорили: чистая совесть. Наверное.

Ничего у меня не болит сейчас. Может быть, я здоров?

Хорошо бы Люба была со мной. Приятно ощущать на своей ноге ее маленькую, мягкую ступню. Запомнилось давно. Странно, даже больше, чем ощущение другого. Еще запах волос.

Вздыхаю. Бездарность: ни разу не проспал с женщиной целую ночь! «Ах, уже поздно!», «Ах, уже нужно бежать!». И так всегда. Вчера утром еще была надежда: посплю. Растаяла.

Во втором пришествии.

Едва ли. Потерялся: будет анабиоз, не будет? Иногда кажется — бред, потом — реальность. Но я-то знаю: шансов ничтожно мало. Логика наших рассуждений примитивна. Многого просто не знаем, не можем охватить всей сложности проблемы.

Нужно поставить опыты с длительным анабиозом. Не успеть. Программа пробуждения вообще не будет отработана. Да и нужны ли опыты? Вдруг окажется: невозможно разбудить? А так есть иллюзия.

Нет. Нечестно. И не стоит продаваться за несколько лишних шансов пожить.

А что тебя в этом деле больше интересует: научный эксперимент или своя судьба?

Взвешиваю: не могу определить. Гордость: ученый. Хвастун ты.

Будут клетки синтезировать свою структуру или будет только распад? Если нет, то как быстро? Снизить температуру до двух-трех градусов, тогда обмен, наверное, уменьшится раз в тридцать. Плюс глюкоза, которая все-таки должна сгорать. При одном углеводном питании можно свободно прожить месяца два. Умножить на тридцать — будет пять лет. Через этот срок нужно пробуждать для подкармливания.

Тогда не надо.

Нет, все равно интересно. А кроме того, наверное, будет синтез белков.

Картина: я в саркофаге. Если применять для циркуляции плазму, то кожа будет совершенно белая. Бр-р-р! Неприятно.

Вообще никакого величия не будет. Камеру еле-еле успеем сляпать, машины все будут некрасивые. На соплях. Одно слово — макет. Макет величия.

Спать, спать нужно, друг.

Успеем.

Помнишь, как рассказывали о смерти одного иностранного коммуниста? Когда ему стало плохо, жена просила не разрезать пиджак: «Он у него единственный». Глаза тогда у всех стали влажными. Один только тип сказал: «Рисуется, пиджаки там дешевы».

Это было в Крыму.

Волны в Коктебеле. Ш... шшш... уу...

Люба в светлом зеленом платье идет мне навстречу по улице Ленина. Походка ее немного подпрыгивающая. Смеется, руки

протягивает, счастливая... «Почему ты опаздываешь?»

Сон. Это уже сон?

Когда начинаешь слышать голоса...

3

Вот и опять иду на работу. Шагаю бодро: раз-два, раз-два. Чудно как: тепло, ветерок.

Улица тихая. Каштаны до неба. Последние свечки опадают, как белый с розовым снег. Совсем последние — для меня. Не думать.

Люди навстречу. Смотрю на лица, стараюсь разгадать их мысли, судьбу.

Толстая старуха в черном медленно двигается, опираясь на палку. Глаза прикрыты тяжелыми веками. Застывшая маска мудрой усталости. «Прибери меня, господи!» Тень у нее тоже черная, большая.

Девочка с бидоном и кружкой бежит вприпрыжку, брякает на всю улицу. И напевает в такт: «Динь-дон, динь-дон!» Мама послала в молочную. («Быстро!») Занятия кончились. Впереди целое лето счастья. И целая жизнь. Да будет так!

Пожилой человек быстро шагает с несчастным, злым лицом. Служащий опаздывает на работу. Поругался с женой. Впереди выговор от начальства за невыполненное задание. «Проклятая жизнь!» Все верно. Проклятая. Но успокойся! Все проходит. Вечером трехлетний Санька влезет тебе на колени, обнимет теплыми ручками, и лицо твое сморщится в горестную гримасу. Потом влажные глаза широко раскроются и засияют. «Нужно жить!»

Так мне рассказывала Люба. Меня-то не обнимали теплые детские ручки. «Вся твоя наука не стоит такого объятия!» Это она мне говорила. Не знаю. Может быть, и не стоит.

Вот институт. Летом он красивее. Каштаны. Никого нет у входа: работа уже началась. Тяжелая какая дверь, силы совсем мало. Шел не быстро, а дыхание учащенно. Брось, не надо прислушиваться. Совсем распустился за этот месяц. Селезенка тянет левое подреберье. Опять? Хватит!

Иду к себе в кабинет по коридору. Неуютно здесь после улицы, темно. Встречаются люди из других лабораторий. Здравуются. Смотрят с жадным любопытством: «Еще ходит, а говорили, рак, совсем плох». Не надо так. Смотрят хорошо: с участием и симпатией. Не нужно поддаваться зависти и досаде.

Вот и наши комнаты. Наши. Даже сердце забилося: столько сюда вложено души, мечты, энергии.

Загляну в операционную. Знакомая, приятная картина: готовятся к опыту. Все тут? Поля, Коля Гулый, Толя, Валя. Вон Вадим наклонился над столом.

— Здравствуйте, товарищи!

Вадим бросается ко мне, хватает за обе руки, трясет, смеется.

— Ура шефу!

(Нет почтения.) Все меня обступили, трогают, улыбаются. И немножко смущены. Как вести себя? Здоровым всегда стыдно перед больными.

— Ну как? Как себя чувствуете? Может быть, рано вышли?

— Ничего не рано! В самый раз.

Это Вадим, конечно. Валя выбежала в коридор, побежала в соседние наши комнаты. Слышу, кричат:

— Девочки! Иван Николаевич пришел!

Тепло. Хорошие они все какие. Любят меня. Любят!

— Знаете, как без вас плохо? Совсем замучили нас начальники. Три опыта в неделю, допоздна сидим, а в свободные дни все считаем и чертим.

К Вадиму:

— Чего они чертят?

— Как чего? Характеристики, кривые. За опыт мы теперь получаем столько цифр, что ужас! Аналог-код щелкает быстро. Вот целые рулоны.

Да, действительно на окне бумажные катушки с цифрами.

— Ну хорошо, ребята, готовьте опыт, а я должен поговорить со старшими. Вадим, собирайтесь ко мне. (Морщится. Некогда.) Не бойся, я недолго.

Выхожу, провожаемый шумом. Потом, слышу, затихли. Наверное, говорят: «Ах, какой он бледный, худой!..» Ничего! Еще повоюем!

Вот он, мой кабинет. Здравуюсь, как с другом. Все на привычных местах: фотография Павлова, корешки книг в шкафу. Даже цветы поставили.

Очередность чувств: радость от встречи. Любят. Еще дальше маячит тоска: скоро придется расставаться. Теперь это чувство меня уже не покидает. Обострение заставило тело поверить в болезнь.

Ничего нового они мне не скажут. Каждый день кто-нибудь приходил и докладывал. Но, может быть, не все? Щадили. Сегодня посмотрю сам. Сверю с планами и внесу поправки. Сколько мне еще отпущено? Давид утешает, но разве можно верить? Упреки, что плохо лечился, много работал. Хочет, чтобы я почувствовал себя больным, прислушивался. Что же, он достиг цели: болезнь все время присутствует на заднем плане. Стал портиться характер, обида и зависть к людям. Сам вижу. Пока еще контролирую себя, но вот-вот сорвусь. Плохо.

Нужно торопиться с отъездом, иначе болезнь совсем меня скрутит. Вот опять голова кружится и тошнит. Кажется, и ничего такого не съел. Все ли я принял лекарства? Давид сказал, нужна пунктуальность. Может быть, лучше было бы еще полежать? Давид...

Слушай, ты. Пошли к черту Давида и лекарства. Сегодня важный опыт. Или уже ничего не осталось важного, кроме пилюль? Чтобы лишний день дышать, есть и мочиться? Понимаю, если бы мог что-нибудь еще... А это...

Все ясно. Нужно следить за мыслями, не позволять болезни завладеть собой. Лечиться, но в меру. Жизнь не самоцель. Почаще задумываться: «А для чего?»

Выстоять.

Как меня встретили хорошо! Нельзя их предавать. У каждого человека есть плохие мысли, все дело в их удельном весе. В доле воздействия на поступки. По ним нужно оценивать, по сумме поступков. Количественная оценка добра и зла. Критерии. Обсудить.

Входят все сразу. Значит, собрались заранее: обсуждали «платформу», как себя вести со мной. Хорошо, берегут, но плохо, что не будут откровенны. Расспросить отдельно. А может быть, кое-что лучше и не знать? Всегда есть достаточно неприятностей.

— Здравствуйте, Иван Николаевич!

Это Семен. Нормальный голос, а мне кажется, что он не так смотрит. Борьба за власть? Не надо подозрений.

Игорь такой же красивый. Юра и Вадим серьезные. Какие-то новые. Впрочем, я их видел на днях, но обстановка меняет.

— Садитесь, ребята. Я собрал вас, чтобы обсудить кое-какие вопросы. Положение, в общем, мне известно, если вы не утаивали от меня.

Смотрю им по очереди прямо в глаза. («Испытующе». Штамп!) Нет, не все ладно.

— Семен Иванович, прошу вас.

— Все было, кажется, хорошо. Как вы знаете, мы получили комнату, в которой будем монтировать саркофаг. Работали как надо. План, по-моему, выполняется. Правда, я не все знаю, они же мне отчетов не дают.

Замолк обиженно. Не слушались. Есть трещинка.

Вадим вскакивает. Нахмурен. Игорь делает жест: «Остановись». Заныло под ложечкой. Сейчас неприятности. Не хочу!

— Не делай мне знаков! Шеф не кисейная барышня.

(Сейчас даст. Может быть, сдаться? Уйти? Я больной.)

— Не все хорошо, Иван Николаевич. Ваша болезнь принесла большой вред, и впредь вы должны следить за собой строго. Нужно приходить в лабораторию и делать вид. Стоило вам лечь в больницу, как этот, грязная свинья (О директоре. Нет, не сделать тебе карьеры), начал нас притеснять. А ты, Семен, ему потворствовал! Да, это все знают. Не трогайте меня, я все равно скажу!

— Истеричка ты, больше ничего.

(Как неприятно все это! Болит под ложечкой. Тошнит. Болен я, не надо...)

— Рассказывайте, но только без эмоций.

— Отдел снабжения перестал нас снабжать: «Денег нет», «У вас аппетиты большие». (Передразнил Швечика. Похоже.) А нам, как нарочно, нужна масса всякой всячины для машины. С Юркой вообще не хотят разговаривать: ты, говорят, не наш. А комнату Василь Василич сам дал — «во временное пользование», я расписку писал. Она ему не нужна сейчас, потому что опытную установку демонтировали. Все, что сделали, — на энтузиазме и на воровстве. Сколько твои ребята повиносили с заводов деталей?

(Воровство. Еще чего?)

— Да нет, вы не бойтесь, там нам сами дают, только вынести через проходную нельзя открыто.

Это еще полбеды. Всегда прижимали, да и денег у дирекции в самом деле мало. Еще что? Жду.

— Не все еще. Этот тип начал нас вызывать к себе. Я не знаю, что он Семену говорил...

— Знаешь ты, я рассказывал!

— ...не знаю, что он Семену говорил, а у меня прямо спрашивал, что думаю делать, когда шеф умрет, как будет с тематикой... «Какого бы вы хотели заведующего?» Что нужно сильного, который бы защитил новое дело. Я так понял, что он сам хочет взять нашу лабораторию.

(Вот сволочь! Впрочем, чего от него ждать? Постой, а может, Вадим путает?)

— Он прямо сказал?

— Он-то не сказал, да я сам прямо спросил. Засмеялся он. «А что, вам будет плохо?» Знаете, как он своим добреньким смешком: «Хе-хе-хе... а?»

— Ну и что же ты ему ответил? (Ах, черт, нужно на «вы»!)

— Я ему ответил как надо. Повторять не буду. (То-то рожа была у Ивана Петровича!)

— Ну и зачем же ему это надо?

— Святая простота! Да ведь он павловское учение уже полностью выдоил, теперь на первом месте кибернетика. Чувствует, что его попрут скоро с кресла. А как же он без командных высот?

— Вадим, прошу вас без резкостей. Он все-таки наш директор, с его помощью мы стали на ноги. Семен Иванович, что вы скажете обо всем этом?

— Что он скажет! Он уже, небось, подрядился к папаше в заместители!

(Склока. Противно. Я еще здесь, а уже делят. Вадим — псих, мог преувеличить. Семен? Ненадежен.)

— Я ничего об этом не знаю, Иван Петрович расспрашивал о состоянии работ в отделе, о выполнении планов этого года.

— И все?

— Расспрашивал о вас. Как я оцениваю ваше здоровье, вернетесь ли вы к работе.

— Ясно. Нормальный директорский интерес. Игорь и Юра, вы что-нибудь можете сказать? Подожди, Вадим. Пожалуйста, помолчи. Не устраивай базар.

Эти ребята с трезвыми головами. Вот Юра.

— Отношение к нам плохое, это верно. Посмеиваются, что мы гениальные открытия делаем.

— Юра, это же несерьезно. Говори по делу.

— По поводу того, что сказал Вадим? Думаю, что весьма вероятно. Товарищ ловкий.

— Это тоже меня не интересует. Пока. Говори ясно, в чем заключается дискриминация лаборатории, чтобы я мог идти к директору.

Молчание. Что скажете? Знали бы вы, как противно идти к нему! Ага, Вадим!

— Я думаю, что вам пока не стоит ходить. Мы будем сами выбивать: «Шеф пришел, ругается». А вы только расстроитесь.

— Сам сначала подогрел, а теперь жалеешь?

— Я же знаю, как вы не любите ходить по начальству. Мы от этого сильно страдаем. Но что поделаешь...

(«Недолго осталось, потерпим». Нет, он этого не думал. Не злись.)

— Что еще скажете приятного?

Смотрю. Настроение неважное. Вадиму стыдно за свою выходку против Семена. Тот сидит, нахохлился. Справедливо обиделся, хотя директору продастся. Нет, сдастся, это разница. Слабость еще не подлость. А Игорек так и промолчал. Херувим.

Опять Юра. Видно, что стал основной движущей силой. Естественно: техника сейчас главное. Машины.

— К сожалению, есть и более неприятные вещи, с которых нужно было бы начать, если бы Вадим не выдал свои эмоции.

Замолк. Что еще? Бей, все равно радости от встречи уже нет.

— Дело в том, что мы теряем кредит. Институт кибернетики, заводы № 22 и № 13 быстро узнали, что вы в больнице, и затормозили наши заказы. Начальство от объяснений увильивает, но ребята мне говорят, что оно в нас, помощников, не верит. Впрочем, и сами ребята тоже не очень, поостыли.

(Значит, решили, что я уже умирать лег.)

— Ну и как поправить дело?

— Ну хотя бы вы позвонили Борису Никитичу и другим. А еще бы лучше... Но...

— Что?

— Прочитать бы вам по одной лекции у наших подрядчиков.

Скажи, пожалуйста! Я, оказывается, сила. Лекции мои, правда, всегда нравились. Умею. Приятно.

— Я готов. Только внешний вид у меня неважный. Не отпугнуть бы.

— Ничего. Вы побреетесь перед самым выступлением, мы вам яркую рубашку добудем, наденете светлый костюм.

— Не хватает еще косметики!

— Наука требует жертв!

Немного оттаяло. Все повеселели, даже Семен улыбнулся. А Вадим уже все забыл. Вот человек! Лекции я прочитаю. И костюм надену. Но насчет яркого ограничусь галстуком... Неловко.

— Теперь, может быть, коротко обсудим существо дела? Хотя вы мне и рассказывали, но я бы хотел услышать еще раз, чтобы вместе обсудить, как преодолеть отставание. Кто начнет? Как всегда, Вадим?

— Пожалуйста, я готов. Мой участок — структурные схемы функциональных в регулирующих систем. Они, в общем, готовы.

— По-твоему, готовы — это значит есть квадратики с названиями и стрелками между ними. А мне для технической схемы этого мало, нужны зависимости.

— Где я тебе их возьму? Из пальца высосу?

— Из литературы. Вон сколько медики написали — целые библиотеки. Написали, а установить, например, как сердце влияет на газообмен в легких, нельзя.

— Подождите, не ссорьтесь. Ведь мы договорились, что часть характеристик действительно придется брать с потолка. В этом смысл эвристического моделирования. Так вот, я хочу знать: что сделано в этом направлении?

Немного, видимо, они сделали. Не хватает фантазии. Хорошо, что я продумал за время болезни. Было время.

— Иван Николаевич, послушайте. Мы с Игорем нарисовали главную схему отношения между органами, обеспечивающими баланс газов в организме. Это сердце, легкие, ткани. Увязаны воедино механическая энергия, изменение O_2 и CO_2 в сердце, легких, в сосудах, в тканях. («Мы нарисовали». Это я давно рассказал.)

Юра:

— Ваши характеристики годятся только для здоровых — как организм приспосабливается к физической нагрузке, да и то без учета эмоций. Не больше. А как быть при патологии? Ведь характеристики будут совсем иными?

— Ну, кое-что мы дали тебе, не прибедряйся. Кроме того, работы в клинике не закончены.

— Хорошо, не спорьте. Потом мы специально обсудим этот вопрос. Я припас некоторые соображения.

(Все-таки забываешь о болезни, когда вот так занимаешься. Будто и нет ничего.)

— Семен Иванович, вам было поручено составление второй схемы водно-солевого баланса, регулирование кислотно-щелочного равновесия. Как обстоят дела?

(Я-то думаю, никак.)

— Схему мы с Вадимом и Юрой составили. Я могу ее показать. Есть и характеристики почек. Плохо с тканями: не удалась кооперация с институтом биохимии. А мы сами не улавливаем количественно, как обмениваются водой и солями ткани с кровью. Нервные воздействия на эти процессы совсем неясны.

— А связь с газообменом вы уже выяснили?

(Как субъективны оценки! Подсознательно я уже ищу подкоп к Семену. Никаких данных за предательство нет. Честно служит в меру сил. Наверное, каждый считает себя хорошим.)

— Нет, пока не установили. Вернее, не можем выразить это цифрами.

— А почему бы не поставить опыты с перфузией изолированных частей тела, например, ноги?

Мы долго обсуждаем разные технические вопросы.

Юра смотрит на часы. Поднимает на меня глаза. Шеф, ты нас задерживаешь! Вадим увидел.

— Иван Николаевич, нам нужно идти в операционную. Первый опыт, программа очень большая, без нас напутают. Можно, а?

— Да, да, конечно. Разговор закончим потом. Значит, мне можно не ходить к Ивану Петровичу? Как вы считаете?

— Может быть, стоило бы показаться после болезни, а, ребята?

Это Семен просит. Черт его поймет.

— Не надо. Пусть он приходит. Пошли, ребята.

Вадим категоричен, как всегда. Нравится, хотя и раздражает. У самого всегда не хватало.

Ушли. Дверь закрылась, а голоса еще звучат, и фигуры реют в воздухе. Были и нет.

Устал. Тело жалуется, а мозг должен заставлять: «Работай!» Не пойду к директору. Могу же я это позволить себе? По болезни. Вообще-то нет, нужно бы сходить. Дело требует. Дело требует ходить, кланяться этому дерьму. Слушай, не прибавляй. Обыкновенный человек. Наверное, думает: «Для развития этого важнейшего дела нужно сильное руководство, хорошая организация. Умрет Прохоров, все дело может пропасть». Не уверен даже, что потом добавляет: «И я что-нибудь получу...»

Прилягу на минутку. Слабость. Может быть, ее нужно пересиливать волей? Физическая тренировка — великое дело. Нужно соблюдать пропорцию: покой тренировка. Только как найти наилучшее соотношение?

Опять ты о болезнях. Сколько можно?

Хорошо полежать. Расслабить мышцы. Каждый орган шепчет: «Хорошо».

Приду к нему, скажу: «Не советую вам брать мою лабораторию. Кроме вреда для дела, это ничего не даст. Поставьте Юру, прошу вас». Губы будут дрожать. Он: «Хорошо, хорошо, Иван Николаевич. Вы не расстраивайтесь». А потом все равно сделает по-своему. Верить ему нельзя. Считает себя весьма важной персоной, самостоятельно мыслит: «Организаторы важнее кабинетных ученых...»

Не пойду. К черту! Нужно придумать другой ход. Заставить его сделать, как хочу.

Сегодня Люба должна прийти и Ленька.

Люба — это тяжело. Но она же врач, все понимает: болезнь, лекарства. Все равно стыдно. Любовницы годятся только для здоровых. Разве кроме... не было ничего? Было. Выбрось это из головы, и тогда снова будет хорошо. Она самая близкая, ближе всех. Даже Ленька не понимает всего, что Люба. Запутался.

Нужно идти. Проснется собака или нет? Необязательно. Цель опыта отработка программы, испытание аппаратуры. Но все же приятно, если бы проснулась. Пес большой, 26 килограммов. Бедный, не знает. Люди тоже часто не знают. Судьба. Детерминизм? Если мир ограничен, то должно быть все заранее предопределено. Брось, ты никогда не мог понять бесконечность.

Может быть, нам встретиться с Любой в парке? Даже лучше: нет условий! Ха! Комплекс неполноценности. Никто не требует.

Как они будут работать одни? Неужели этот... захватит? Разбегутся. Останется Семен и, может быть, Игорь. Это значит гибель лаборатории, дела. Человечество, конечно, не пропадет, но дела жаль. А кто же будет смотреть за мной? Просто нельзя без Юры в Вадима. Техника откажет, физиология не будет развиваться.

Пойти по начальству? Тогда все может сорваться. Запретят. Скажут: нужно обсудить с руководством. Там. (Жест вверх.)

А ловко я обдурил всех: «Установка для искусственного регулирования важнейших жизненных функций». Все приветствовали, когда утверждали план! Иван: «физиология дает выход в практику. Будем оживлять при клинической смерти, при шоке, инфаркте». Все это верно, будем. Будут. Может быть, даже гипотермия понадобится, чтобы сначала сложить из кусочков, а потом оживлять. Как в сказке, мертвая и живая вода. Многие инженеры на это дело клюнули: как же, кибернетике! Создание систем, управляющих организмом. И тоже верно: без кибернетики установка не пойдет.

Плохо, если на заводах начали охладевать к нам. Что сделаешь? Все затурканы. Планы, штурмы. Сначала размечтаются: «Поможем человечеству», «Приятно работать для жизни»... Потом, смотришь, остыли: «Знаете, если бы включить в план... У нас прорыв. Начальство жмет, ругает, дескать, игрушки делаете, благотворительностью занимаетесь...» Не осуждай! Все люди. Директора — особенно. Их, бедных, драят где только можно. Живо отучат фантазировать.

Так не хочется снова идти упрашивать! «Пожалуйста, Сергей Павлович, сделайте. Без вашей помощи не вытянем...» А он: «Ну что ж, профессор, нужно помочь медицине. Сделаем». Снисходительно похохатывает. Он туз, а ты кто? Червь. Он государству прибыль дает, а от тебя? Один разор.

Ну и что? А он прав. Вот целый институт, миллионы тратят, а толк? Статей, конечно, написано сотни, книг, даже диссертации защищаются исправно, а пользы — нуль. Ничего не дает ни для сегодняшней, ни для завтрашней науки. Бездарности со степенями во главе с директором.

Закреть? Закреть! Оставить одну твою лабораторию. Именно. Но, кажется, сие от меня не зависит... Не завирайся: есть еще несколько

человек. Есть хорошие лаборатории. Например, Левчук. Да, есть, но мало. Но другие институты... Да, конечно. Не задавайся.

Придется идти к директорам. И лекции прочитать. Все-таки кто-то, смотришь, зажигается, начинает мудрить. КПД невелик, не будем преувеличивать, но есть польза. Появляются энтузиасты. Потом приходят к нам на низкую зарплату. Юра так пришел когда-то, помнишь?

Тепло в груди. Хорош. Именно его нужно оставить. Вадим только кричит, а без Юры он ни одной схемы не составляет. Да и ты сам от него многому научился. Если поладит с Вадимом, все будет в порядке. Как их уберечь от ссоры? Уж очень он задирист, хотя и добрый. Терпение нужно иметь. Только при моем мягком характере... Тоже, мягкий! «Бритва в киселе». Неверно. Добрый.

Приятно полюбоваться собой. Такой ученый! Новые идеи, коллектив. Притом добрый, мягкий. Все отдает науке. А может быть, просто равнодушный? Выбрал себе самое приятное — думать. Домик построил и выглядываешь из окошечка, критикуешь. Попробовал бы, например, директором завода? Или совхоза? А?

Ладно. Раз дело дошло до критики, пойдем в операционную. Давно все взвешено, определено. Положительный герой с не очень высоким коэффициентом. Если вытяну, что задумал, то будет приятно перед смертью. Оправдаюсь.

Почему-то нужно оправдываться.

Операционная. Один взгляд: пришел в самый раз. Начинают наркоз.

— Стул Ивану Николаевичу!

Предупредительность Вадима.

— Давайте все, как намечено по программе. На меня внимания не обращайтесь.

(Я не буду вас дергать своими указаниями. Предположим, что меня вовсе нет. Я лежу на столе вместо собаки.)

Сажусь в угол к окну. Взгляд наружу: летний день в разгаре. Жара. Осматриваюсь: три группы. Посредине передо мной операционный стол с АИК. Физиологи Поля, Алла, Рита. Главный — Вадим. Справа весь угол контрольная и управляющая аппаратура. Инженеры Гулый, Толя, Юра. В углу у двери стол биохимиков. Валя берет анализы.

Игорь. У окна еще стол, лист миллиметровки — Леня и Петя будут вести упрощенный график основных показателей.

У каждой группы свои задачи, свой начальник. Общая команда — Юра.

Первый раз вижу установку целиком. Собрали, пока болел. АИК, теплообменник. Где же аппаратура для охлаждения и нагревания? Ага, вон шланги идут за дверь. Значит, поставили в соседней комнате. Здесь уже нет места.

Контрольный комплекс. Масса всего нагромождено! Не стоит вникать, — есть Юра, инженер.

— Сколько каналов записываете?

— Шестнадцать будем записывать, а периодически контролируем еще около тридцати показателей. Вот, пожалуйста, список.

Список: давление в обоих предсердиях, в аорте, сосудистый тонус, потребление кислорода легкими, АИКом, рН, напряжение кислорода в тканях. (Один канал с переключателем на шесть точек.) Напряжение O_2 в артериальной и венозной крови. Напряжение CO_2 . Производительность насоса АИК. Несколько точек температуры. Отдельно — электрокардиограмма, электроэнцефалограмма.

— Юра, поставили новый расходомер?

— Да, наконец-то наладили.

— А датчики напряжения газов надежные?

— Не скажу, чтобы очень, но мы предусмотрели периодическое определение газов крови по Ван-Слайку и на оксигеометре.

— Производительность собственного сердца не контролируется? Почему же не приспособили баллистокардиограф?

— Иван Николаевич, ну не могли же мы все сделать, не успели.

Это Вадим. Нотки раздражения: дескать, такой-сякой, еще придирается. Должны были успеть. Помолчи.

Вступается Поля:

— Косвенно можно судить о минутном объеме сердца по потреблению кислорода легкими. Мы же знаем газовый состав крови на входе и выходе. «Входы и выходы». Физиологи усваивают новую терминологию. Работа идет. Мила ловко ввела трубку в трахею, приключила наркозный аппарат, начинает дышать мешком. Свой анестезиолог, не хуже врача. (Но когда дело дойдет до настоящего, лучше пригласить Володю от Любы.)

Вадим с Полей начали обнажать сосуды на обоих бедрах для приключения АИКа и введения контрольных зондов. Достаточен ли будет венозный отток с верхней половины тела, от головы?

— Послушайте, Вадим, а ведь мы говорили, чтобы одна трубка была введена еще и через вену шеи. Что-то я не вижу, чтобы вы готовились к этому.

— Хватит двух катетеров из нижней полой вены.

— Нет, не хватит... Делайте, пожалуйста, как сказано.

Только посмотрел на меня зло. Еще немного — и взбунтуется. (Не поладят они с Юрой, нет.) Начинает брить собаке шею. Еще слушаются.

Юра возится с аппаратурой. Наверняка какие-нибудь неполадки. Очень нелегко наладить шестнадцать каналов. Игорь в углу у стола с пробирками. Он ответствен за биохимию. Да, вон он, список анализов. Читаю. Здорово. Даже адреналин, ферменты.

— Игорь, как же вы сумеете сделать столько анализов?

— А мы попросили биохимиков из других лабораторий и даже из клиник. Обе соседние комнаты заняли.

— Молодец!

— Стараемся.

А Семен явно не у дел. По расписанию ему вообще ничего не выделили. Зря. Нужно было мне вступить. Теперь поздно. Правда, его искусственная почка сегодня не приключается. Не готова, да и не нужна — опыт короткий.

Все заняты, один я свободен. Инвалид. Впрочем, это хорошо, значит, коллектив работает.

Здорово Юра поставил организацию эксперимента. Все расписано по пунктам: кто, где, что. Но он каждый раз жалуется, что система плохо управляемая. Много делают ошибок. Пока с собаками — это ничего, жалко только труда: человек двадцать участвуют в опыте. Физиологи никогда не ставили таких сложных экспериментов.

Работают спокойно. Даже Вадим не орет — подействовала проработка на собрании. Надолго ли? Вот характер! Сколько раз он мне грубил! Потом придет: «Извините, Иван Николаевич, не сдержался... Но и вы тоже неправы...» А все-таки я его люблю. Настоящий. Теперь слишком много равнодушных.

— Вадим, а ты научился дренировать левое предсердие?

(Это я нарочно на «ты», чтобы не сердился. Он это любит фамильярность!)

— А как же! В хирургию ходил целую неделю. Теперь лучше их делаю. Уже приглашали заведовать кабинетом зондирования. Говорят, когда со всеми переругаешься, приходи к нам, попробуем.

Собака вся пронизана трубками. В обоих предсердиях и в двух артериях тонкие зонды для измерения давления и взятия проб крови. В трех венах толстые трубки для оттока крови в АИК, еще одна трубка — от него в артерию. (Неужели и меня так придется? Бр-р-р...)

Нет. Пока все как-то нереально. Я на этом столе? Нет, не может быть! Если по-честному, то я все равно не верю, что решусь. Так на постели и буду умирать. Жалкий трус!

Сколько человек здесь работает? Раз, два... двенадцать. Да еще в тех комнатах есть. Ничего себе!

У каждого своя жизнь, своя судьба. Стимулы. Вот Лена, техник. Помнишь, как она вначале плакала над каждой собакой? Уходить хотела. Беседу провели: «Опыты нужны для людей». «Что люди! Они сами за себя отвечают. А животные? Это жестоко!» И теперь еще не привыкла. Хорошая мать будет. И внешность у нее: груди, таз. А Мила бледна и худая. Бедно живут девчонки, зарплата маленькая. Хорошо, если в семье, а не которые из деревни приехали, живут по углам. Одеться нужно. Экономят на каждом куске. Не принято об этом говорить.

Учатся почти все. Заочники, вечерники. Как начинаются сессии, так и работать некому. Вон Алла шесть раз держала экзамены, пока поступила. Мода? Стремление к материальным благам? Они невелики. Квалифицированная работница больше получает. Нет, видимо, это истинная жажда культуры. Пока они не очень культурны. Вот у Милы пятки грязные. Но их дети будут уже лучше. Будут ли? Люба жалуется, что Костя книг не читает.

Проблема культуры. Проблема молодежи. Всюду одни проблемы. А, бывает, слушаешь — никаких проблем, все решено. Молодежь поголовно стремится на стройки, тиражи книг растут из года в год. И хотя бы кто-нибудь попытался провести настоящий количественный анализ. Зачем? Выдержки из речей — самые веские аргументы. А ведь нужна, очень нужна настоящая информация! Без нее нельзя управлять ни одной сложной системой.

— Иван Николаевич, все готово к началу охлаждения.

Встаю. Голова немножко закружилась. Постоять. Прошло.

— Проверим? Дайте мне карту.

Программа опыта: датчики, анализы, состояние собаки к началу охлаждения.

— Игорь, биохимические показатели нормальны?

— Да. Щелочной резерв крови чуточку понижен. Вводим соду.

— Мила, усилие дыхание.

— Юра, твое хозяйство в порядке?

— Ну, идеального порядка у нас никогда нет, но прилично. Думаю, что все запишем.

— Я не про записи. Будет ли работать автоматика?

— Не знаю. Должна бы, но кто его знает? Первый раз включаем.

— Ну, начинайте.

Это значит начать поверхностное охлаждение, снизить температуру до тридцати градусов при собственном работающем сердце, а потом уже включать машину.

Собаку накрыли длинным футляром из оргстекла. На одном конце его змеевик, соединенный с холодильной установкой, и вентилятор. Он создает потоки холодного воздуха. Шерсть собаки обильно смочили водой.

— Мила, углуби наркоз и введи нейроплегики. Есть это в программе?

Это Юра. Так будет и мне командовать. Если решусь...

Включили холодильник, вентилятор. Крышка покрылась пылью тумана. Из дырок дует холодный воздух. Мороз пробегает по моей коже. Условный рефлекс.

Широкая бумажная лента медленно ползет в аппарате, и шестнадцать писчиков чертят свои кривые. Периодически включается аналог-код и записывает показатели цифрами на рулоне бумаги.

Охлаждение идет медленно. Шерсть мешает. У человека пойдет быстрее. Толя переключает датчики — везде одинаково: 35°, 34°, 35°. Нужно примерно один градус в минуту, но идет меньше. Ускорить нельзя.

А время идет. Приносят анализы, отмечают в таблицах новые цифры. Проводят линии на графиках. Добавляют лекарство, регулирующее тонус сосудов, сердечную деятельность.

— Какой минутный объем сердца, Вадим?

— Сейчас прикину.

— Что прикидывать — около полутора литров.

Это Юра. Быстро ориентируется в цифрах.

— Маловато. Может быть, нужно уже включить АИК? А то в тканях накопятся недоокисленные продукты.

— Температура — тридцать один градус. Давайте включим.

Остановили вентилятор. Подняли крышку. Холод прополз по комнате и растаял. Лето. Даже не верится, что там было всего плюс восемь градусов.

— Миша, у тебя все готово?

— Да, готово.

Миша — молодой техник, «машинист». По-научному — оператор АИКа. Работает под командой Поли.

— Включай. Проверь зажимы.

Послышался новый звук — мотор аппарата. Он все повышается, увеличиваются обороты. «З... з... з...»

Неприятно.

Крышку снова закрыли. Загудел вентилятор.

Как-то они будут работать вместе — насос и сердце? Эта модель АИКа не предусматривает синхронизации, но может давать почти постоянный ток крови. Однако это все равно плохо влияет на работу своего сердца. Нарушается регулирование.

Вадим и Юра внимательно рассматривают кривые на бумаге, ползущей по доске осциллографа.

— Производительность АИКа — 1500 мл. Потребление кислорода снизилось приблизительно до пятидесяти.

Это значит, что свое сердце «плохо тянет». Неважно, весь расчет на АИК.

— Юра, когда начнет работать автоматическое регулирование температуры?

— Да сейчас включим.

Переключает какие-то тумблеры на большом пульте. Это его гордость программное управление всей системой.

Машина работает на режиме охлаждения — скорость циркуляции определяется этим.

— Сердце фибриллирует!

— Товарищи, смотрите за давлением в левом предсердии. Сейчас решится, хорошо ли держат клапаны аорты, не будет ли кровь затекать в левый желудочек и растягивать его.

Все напряженно смотрим на кривые давления. Вадим кричит:

— Порядок! Давление в предсердии не повышается!

(Больше всего я боюсь этого момента. Порока сердца не было, а вдруг клапан закрывается неплотно? Тогда все кончено.)

— Ну, теперь переключайте насос на пульсирующий ток.

Мы полагаем, что это важно для организма — пульсация крови.

— Автомат ведет себя хорошо. Смотрите, какая линия температуры!

— Подожди еще хвастать, как будет дальше.

— Я и не хвастаю...

— Да, да, знаем вас... (Это, конечно, Вадим.)

Завидуют, наверное, физиологи Юре. И меня немножко ревнуют. Обижаются, когда я привожу инженеров в пример.

Культурный опыт. Все видно. Жаль только, что биохимия запаздывает. Когда и ее переведут на электронику, вот тогда будет дело!

Температура венозной крови — 16°. Она красная, как в артерии. Потребление кислорода снизилось в пять раз.

— Иван Николаевич, наверное, пора разводить кровь. Иначе есть опасность склеивания эритроцитов.

Да, да, это очень важно. Повышается вязкость крови, могут закупориться капилляры в мозге. Нужно спешить.

— Юра, можно остановить АИК?

Остановили, пережали шланги. Из оксигенатора слили половину крови и заменили ее плазмой.

Вадим:

— Пускай! Кровь поставьте в холодильник. Еще пригодится.

Сажусь на свое место. От начала опыта прошел час. Немножко устал. Смотрю.

Самая шумная группа — физиологи. Вадим. Поля всегда с ним препирается. Разумеется, они на «ты».

— Поля, смотри: течет из фланца!

— Это же ты затягивал. Мужчина! Ну-ка, Леня, подтяни.

Возня. Ничего.

Инженеры спокойнее. Красив этот огромный осциллограф. Шестнадцать каналов, шутка ли!..

Игорь сообщает, что возрос гемолиз. Ничего, теперь гемолиз уже не так страшен. Кровь развели вдвое, минут через двадцать совсем заменим плазмой. И производительность уменьшим. Да, но как будем нагревать? Тогда ведь машине придется работать гораздо дольше.

— Послушай, Вадим. Сколько вы заготовили донорской крови?

— Три литра. А что?

— Мало будет. В ходе нагревания придется менять кровь, потому что гемолиз превысит допустимый уровень. Может быть, можно взять еще? Есть собаки?

— Собаки-то есть, да не проверены на совместимость.

— Но ведь еще не поздно. Распорядись.

Молчит. Где бы сразу выполнить, так он думает.

— Вот сейчас кровь заменим, и тогда смогу освободить Полю.

Ага! Значит, убеждать не придется. И тем более приказывать. Так и не научился приказывать.

— Температура уже девять градусов!

Нужно посмотреть все показатели. Подойти к столу, к Лене.

— Давайте поглядим вместе. Игорь, дайте ваш лист.

Собрались у стола. (Почему нет ни одной женщины среди моих старших? Поздно думать.)

— Смотрите, Иван Николаевич, показатели просто прелесть: рН, напряжение кислорода в крови, в тканях. Это же главное!

— Калий низкий. Нужно добавить. А напряжение кислорода в венозной крови слишком высокое.

— Сейчас прибавлю воздуха к газовой смеси.

Температура теперь снижается медленно. Юра перевел автомат на другой режим.

Шесть градусов. Пять.

— Нужно совсем заменить кровь. Дальше охладим на плазме.

Расходимся по своим местам. Для разговоров времени нет. Я, пожалуй, здесь самый свободный. Сажу, смотрю. Все отработано хорошо. Юрина заслуга. Ни в одном заграничном журнале не читал про такой сложный опыт. Сила! (Как мальчик — «сила».)

Машину остановили. Только вентилятор шумит. Поля выпускает кровь из оксигенатора и заливает в него плазму с глюкозой. Делают без

спешки: при пяти градусах можно остановить кровообращение даже на час. Но лучше этого избегать.

Закончили. Снова загудел мотор АИКа.

Еще два-три градуса, и перейдем на стационарный режим анабиоза. Пес отправится в будущее. Нет, не вернется. Едва ли удастся разбудить. А было бы приятно.

Двенадцать часов. Нужно принять лекарство. Подождем. Скоро пойду отдохнуть, — два часа будем держать при низкой температуре. Полежу.

Чем это состояние отличается от смерти? Практически ничем. Электрическая активность мозга отсутствует. На энцефалограмме прямая линия. Сердце стоит. И все-таки какие-то молекулы сонно бродят в клетках, обмениваются электронами, выделяют энергию.

Свидание нужно бы отложить. Устану. Нет. Нельзя звонить. Конспирация. Унизительно. Скоро конец. Сегодня расскажу о замыслах. Несчастливая. Впрочем, подождем результатов. Если будет плохо, нет смысла расстраивать. Иногда кажется: скорей бы, устал. Но пройдет минута — и «зачем спешить»?

Настанет время, и изобретут сны. Умирать будет легко, приятно. Может быть, и все человечество так? «Мир безумцу, который навеет человечеству сон золотой...» Кто сказал? Не помню. Неважно. Как многое становится неважным!

Напряжение спадает. Теперь собака может перенести любые погрешности в опыте. Все благородные процессы выключены. Остались какие-то примитивные химические реакции. Как у самых далеких предков.

Хорошо холодит от крышки. Приятно в жаркий день. Язык у собаки не синий — верный признак достаточности кислорода в тканях.

Бедный пес. Где он жил? Как жил? Полукровка — похож на овчарку. Раз попал в собачий приемник, значит, не сладко жилось. «Собачья жизнь». Впрочем, в последние годы собаки не голодали. Но без ласки. Так, случайные связи. Как я. Нет, связей не было. Были две. После противно. Человеку нужно еще разговаривать. Наверное, не всем? Отвернулся и заснул. Оскорбительно для нее.

Можно просто смотреть, не думая. Дружат они между собой или нет? Романы? Любовь? Не веду таких разговоров, не знаю. Вадим понимающе посматривает на Риту. И она машет ему подведенными

ресницами. Он женат. Сколько лет ей? Двадцать семь, двадцать восемь? А Юру я видел дважды с какой-то незнакомой девушкой. Птичья физиономия. Наверное, читает стихи Гумилева.

— Юра, вы читали Гумилева?

— А кто это?

(Спроси свою барышню.)

— Это поэт. «Убежать бы, скрыться бы, как вору...»

— Нет, не знаю.

Покраснел. Другие переглянулись. Откуда он может знать? Не издавали. А впрочем, прочтешь десять страниц — и надоедает, как у всех поэтов. Только Люба читает целыми вечерами. Так же, как и современная зарубежная проза: по форме хорошо, а идеи нет. Когда одни идеи, — раздражает. Нет совсем тоже плохо. «Все люди — братья» — этого мало. Как это реализовать? Нужна наука.

— Ну, что там? Как температура?

— В оттекающей крови — два с половиной градуса. После машины — почти нуль. Юра, промеряй в разных тканях.

Жду. Юра переключает прибор на разные датчики.

— В пищеводе — два, в прямой кишке — почти три, в мозге — два и одна десятая. В саркофаге — близко к нулю.

(«Саркофаг». Тоже мне название!)

— Хорошо. Игорь, взяли анализы?

— Берем. Но результаты будут не раньше, чем через пятнадцать минут.

— Знаю. Мы не будем ожидать. Видимо, уже нельзя больше понизить температуру. Давайте на этом остановимся. Теперь, как мы условились, испытаем две программы: с периодическим включением на большую производительность и непрерывное прокачивание с малой объемной скоростью. По часу на каждый вариант. Что вы скажете, товарищи? Юра?

— Давайте начнем со второго. Я думаю, кубиков триста в минуту хватит?

— Да. Другой вариант, наверное, такой: пять минут — 800 мл, потом десять минут перерыв. Нет возражений? Принято. Тогда я пойду посижу в кабинете.

Иду по коридору. Бодрюсь, нужно делать вид. Наконец — дверь.

Устал. Совсем никудышный: два часа посидел на стуле, поволновался — и скис.

Лечь. Закрыть глаза.

Голова тихонько кружится. Музыка. Мыслей нет.

Проходит. Можно смотреть. Потолок с трещиной. Люстра. Пыль на ней. Портрет Павлова. Угол стола. Вот так бы и умереть: закружилось, тоненький звон. Провал.

Так не бывает. Вспоминается другое.

Ночи в больнице. Сухой, распухший язык. Жар, дышать трудно. Громкий разговор санитарок в коридоре. Какой-то Коля пьянствует и изменяет. «Пропадите вы с ним!» Позвать врача, пожаловаться. Неловко. Черт с ними, потерплю. Скоро улягутся на стульях и захрапят. Деликатность. Хорошо, что нас только двое. У соседа гипертонический криз. Тоже не спит. Головные боли. Вздыхает, ворочается. Молчим.

Разговаривают, проклятые!

Весь мир противен. Черствые, самодовольные врачи. Глупые, привередливые больные. Безграмотные сестры с подведенными глазами.

Говорят, что где-то есть лаборатории, населенные одержимыми учеными. Композиторы сочиняют нежную и героическую музыку. Есть любовь.

Все врут. Есть только одышка. Жажда. Толстый язык Селезенка, как большой камень, перемещается в животе при каждом повороте. Люди: поесть, переспать, помочиться.

Не хочу. Глупые бредни недоросля: какие-то модели, анабиоз. Зачем? Бог, дай мне подышать! И заberi меня. Нет, не в рай, не в ад. Просто никуда.

Не забрал. Доктора хорошие. И сестры милые, отзывчивые девушки. Цветы принесли, торт.

А сейчас мне отлично. Дышать легко. Приятная слабость делает тело вялым и легким. И мысли с чуть затуманенными переходами.

Опыт идет хорошо. Собака заснула без всяких патологических сдвигов в составе крови. Значит, в клетках за это время не накопилось вредных продуктов. Важное условие пробуждения. И левый желудочек не переполняется. Очень боялся. Мороки было бы...

Самое трудное впереди — оживить.

Будем постепенно нагревать на плазме. Потом добавим крови, как только в венозной жидкости будет мало кислорода. Боюсь, что сердце будет слабо сокращаться, а АИК плохо приспособлен для параллельного включения.

Много еще нужно сделать. Начать да кончить. Времени мало. Сил мало. Лежать бы вот так на диване. Слушать малиновый звон.

Малиновый звон — это не то. Это в церквах. Пасха. Детство. Целую неделю звонили на нашей колокольне. Я там бывал маленьким мальчиком. Удивление: мир, оказывается, такой большой!

Как это бесконечно далеко!.. Мама. Мамочка. Кажется, при жизни я ее так не называл. Сантименты не были приняты. Но все равно самое дорогое. Идеал. Хорошо, что не дожила. И вообще — что никого нет. Люба? Она отдельно.

Ты по себе судишь, черствый человек. Если бы умирала она, то ты бы все равно соблюдал приличия. Нашел бы причину.

Да, соблюдал бы. Чтобы дети ничего не узнали. Чтобы она осталась для них такой же мамой, как моя. Без пятнышка. А моя тоже могла бы завести роман. Сколько ей было? Тридцать, тридцать пять? Когда он бросил нас, отец?

Человек обязан держать себя в руках. Скрываться. На этом построено общество.

Нет. Ты просто бесчувственный эгоист. Всю жизнь дрожал за свой душевный комфорт. Мама звала: «Книжный червь». Потому и умираешь бобылем.

Хватит упреков. Меняться уже поздно. Хотя бы сохранить, что имел: думать о людях хорошо и поменьше утруждать их своей персоной.

Болезнь ужасно меняет психику. (Зачем «ужасно»? Не нужно сильных выражений.) Больные видят все через свои страдания. Безразличное становится плохим. Просто плохое — отвратительным. А хорошее не замечается. Все люди раздражают. Зависть. Эгоизм. «Доктор и сестры _обязаны_ быть отзывчивыми, хорошими. Деньги получают». Даже я ловил себя на этом.

Нет, не допускать. Все время следить за собой, не спуская глаз. Создать следящую систему, как в технике...

Стук. Подняться, сесть. Не показываться лежащим.

— Войдите! Ах, это вы...

Юра, Вадим. Свои... Пожалуй, самые близкие? Одни из самых. Есть Люба, есть Леня. И все? А что, разве мало? Многие ли имеют столько? Друзья — это редко.

— Да вы лежите, чего вскочили! Вот раб приличий!

— Про тебя этого не скажешь.

Это неверно. Только так, сверху. Мимоза, когда касается его самого.

Юра:

— Мы принесли вам кофе.

Верно: тарелка, что-то закрыто марлей. Как в лучших домах.

— Спасибо. Садитесь. Как там?

Пью с удовольствием. Именно то, чего мне не хватало.

— Ничего еще не случилось. Всего сорок минут, как перешли на стационарный режим.

— Как анализы?

— Напряжение кислорода в оттекающей плазме понизилось до сорока миллиметров ртутного столба. Температура в прямой кишке — плюс два.

— Какой обмен? Прикинули?

— А как же! Чтобы Юра да не сосчитал! Примерно около трех процентов нормы. Да, Юрка?

— Все-таки плазма с трудом обеспечивает доставку кислорода.

— Когда будет повышенное давление, тогда обеспечит. Много кислорода пойдет через кожу. (Это я так думаю, я так хочу.)

— Неизвестно, как еще это отзовется на тканях, которые будут в поверхностных слоях, с высоким парциальным давлением кислорода...

— При низкой температуре ничего.

(Но это нужно еще проверить. А успеем ли мы?)

— Моча есть? Я что-то не обратил внимания.

— Ни капли. Как только перешли на стационарный режим с низкой производительностью — как отрезало. Искусственная почка необходима.

— Это так и предполагалось. А что, ребята, не «отвыкнут» органы работать после долгой стоянки? Как вы думаете?

Молчат. Соображают, можно ли откровенно сказать. Мне предстоит это проверить — «отвыкнуть».

— Ну что скрывать — мы этого не знаем. Нужно, чтобы в целости сохранились сложные молекулярные структуры, которые обеспечивают специфическую функцию клеток — сокращение сердца, секрецию мочи.

(Спасибо — разъяснил.)

— Хорошо бы провести хотя бы несколько дополнительных опытов.

Это Юра говорит, задумчиво. (Хорошо ли?..)

— Мы не будем проводить этих опытов. Просто не успеем.

(Больница. Задыхаюсь. Нет. Проверите потом. Если не подтвердится, то просто выключите АИК.) Не нужно обсуждать этих общих вопросов. Давай детали.

— Скажите лучше, что нужно изменить и доработать.

Обрадовались:

— О, мы многое изменим! (Пауза, удовольствие на лице Юры. Творец.)

— Во-первых, у нас скоро будет мембранный насос с электромагнитным приводом, который обеспечит синхронную работу с сердцем. Во-вторых, налаживается автоматика к АИКу — регулирование производительности по потребности в кислороде в зависимости от давления в венах, артериях. Можно задать разные программы управления — включаться с перерывами или непрерывно.

(Все это я знаю, но молчу. Приятно посмотреть. Завидую: ему еще кажется, что он все может.)

— Хорошо, но каковы перспективы улучшения качества самого насоса и оксигенатора? Чтобы они не разрушали кровь?

— Для нового АИКа получим самый лучший пластик. Поверхности будут шлифованы по высшему классу точности. Почти такая же гладкость, как у собственной сосудистой стенки.

— Да, все очень хорошо. Но от сегодняшнего опыта до настоящей машины для анабиоза очень далеко. Очень!

(Не успеть. И они тоже думают, но молчат.) Вадим хмурится.

Юра:

— Не так уж далеко. Бочку для саркофага на авиазаводе заканчивают. Я был там позавчера — отличный цилиндр из толстого оргстекла. Выдерживает давление в пять атмосфер. Кондиционер для

камеры тоже скоро получим. Будет давать любую температуру и влажность. Новый АИК, автоматика...

— А почка?

— Почкой Семен Иванович заведует.

Назревает конфликт. Не зря он сегодня ходил в лаборатории, как чужой. Старался не мешать. Плохой? Нет, просто не тянет. И, может быть, не понимает этого.

— Вы бросьте эти разговоры. Семена можно использовать только для выколачивания заказов по почке, а не для ее создания, наладки или привязки.

Вадим вступается:

— Да это он так, треплется. Мы следим: почку делают. По тому проекту, который с вами согласовывали. Она мало отличается от стандартной малой модели, поэтому можно надеяться, что получим в срок.

(Позвольте, какой срок? Я, кажется, не назначал срока. Значит, советовались с Давидом. Неприятно. Почему? Логика. Нужно планировать.)

Кофе вкусный. Туман в голове совсем рассеялся.

— Кто это такой кофе варил?

— Н-ну! Вы не знали? У нас же есть теперь мощная кофеварка. Коля сделал в мастерской. Все к кофе пристрадались. Из других отделов ходят, заваривают.

— А что говорят о вашем анабиозе в институте?

— Об анабиозе ничего. Мы же делаем установку для оживления, для искусственного управления жизненными функциями.

— Вот еще и поэтому нельзя проводить длительных опытов.

Когда они все вместе, говорит всегда Вадим. Юра вообще молчаливый, редко его удастся раззадорить.

— А вы часто ссоритесь?

— Каждый день.

— Почему? Юра, пророни словечко.

— Вы же сами знаете, что с ним невозможно. Все оценки очень субъективны, действия непоследовательны. Тип с повышенными эмоциями. (Как книжно он выражается!) Но быстро миримся.

— Это я мирюсь. Он бы неделю дулся.

Приятно видеть их. Но им нужно идти. Опыт. Сейчас бы получилась хорошая беседа. Всегда так: когда хочется поболтать, — нет времени. Время есть нет настроения.

— Вам, наверное, пора идти?

— Что вы нас гоните? Мы всего десять минут сидим. Да, Юрка?

— Не беспокойтесь, Иван Николаевич. На новый режим будем переходить через пятнадцать минут. А до тех пор там справятся без нас.

— Надеетесь, значит?

Вадим:

— Не очень, чтобы очень, но в некоторых пределах. Знаете, какой народ теперь?

— Будто ты знаешь, какой был раньше?

— В книжках же пишут. Я книжки читаю. Короленко, например, «История моего современника». Чернышевский. Народовольцы. Идейные молодые люди были. А у нас? Чуть опыт затянулся — «Отгул давай!» или «Зарплата мала, уйду на завод». Это больше Юркины кадры — на завод. Моим податься некуда: физиологу везде восемьдесят рублей.

— Брось, Вадим. Работают, не уходят. Тоже с тобой им не мед. Сегодня одно делают, завтра, глядишь, новое придумал — сиди до ночи, переделывай. Потом вообще не появляешься, они без дела слоняются... Нет, не мед.

— Ты мне критику тут не разводи. Все равно не тот народ.

— «Вот были люди в наше время...»

— Знаю. Бородино. М. Ю. Лермонтов.

Увлеченные. Они оба увлеченные, но по-разному.

А молодежь, наверное, всегда была одинакова. Возрастные особенности психики накладывают отпечаток на убеждения. Молодость решительна. Зрелость осторожна. Нет, не все так просто. Произошли изменения в идеях, в культуре, в воспитании, и молодежь на это реагирует больше, чем взрослые.

Спросить:

— Скажи, Вадим, что тебя движет в жизни?

Вадим:

— Да ничего. Просто живу. Получаю удовольствие от работы. Мне нравится раскрывать, как вы выражаетесь, «программы» деятельности

клеток, органов, организма.

— А для чего?

— Ну просто нравится. Конечно, приятно, если врачи используют наши идеи и будут вылечивать больных. Но главное — это сам процесс искания.

Юра:

— А ты, Вадим, неразборчив.

— Ну и что? Верно, всеобщими теориями не задаюсь, как ты. Но правила в жизни у меня твердые: работай честно, на всю железку. И на ноги себе наступать не давай. В том числе и таким типам, как наш директор.

— Надеешься выстоять?

— Надеюсь. Знаю, знаю, что вы скажете: «Остынешь, сломают». Не сломают и не остыну. Вот!

(А я выстоял? Нет. Всегда был робок, чтобы не сказать больше. Но в общем-то и не сдался. Вот еще анабиоз выдам «под занавес». Глупо, бахвалиться...)

— Чем же ты объяснишь наших стилиг или этих иностранных битников, о которых в газетах читаем? Да я и сам их видал, это факт.

— Пороли их в детстве мало — вот и все объяснение. Бездельниками выросли.

— А ты, Юра, что скажешь?

— На сей раз я с ним согласен. Пороть, может быть, не обязательно, но с детства приучать к работе, чтобы были прочные рефлексy. Конечно, желательно привить интересы, но для этого их нужно иметь у родителей.

(У него мама имеет. И моя тоже имела. Немножко смешно слышать эти рассуждения от молодого человека, не знающего другой семьи, кроме мамы. А ты сам? Что ты понимаешь в вопросах воспитания? Имеешь сведения от Любы?)

— Иван Николаевич, вы знаете хотя бы одного из этих так называемых стилиг?

— Нет, не приходилось. А ты?

— Ну, я все знаю. (Вот нахал!) Знаю и ребят таких и девушек. Они все неумные. Если поговорить недолго, подумаешь: культурный парень. А потом оказывается обман! Нахватались из кино, из телепередач. Немножко из журналов — из кратких сообщений. Все

лодыри. И развратники. Их разговорчики о политике, науке, идеалах, о своем «протестантстве» сплошной блеф. Уверен, что и за границей эти битники такие, как наши, бездельники... Во какую я речь произнес! А что? Нас, молодых, эти вопросы интересуют.

— Конечно, вам их придется решать. Надеюсь, что вы не упрощаете и допускаете всякие переходные степени?

— А как же! Уголовники, стилиги (они же тунеядцы), потом прослойка благонамеренной молодежи и, наконец, мы, работники. Есть всякие переходные ступеньки. Колеблющиеся и примкнувшие.

— _Настоящими_ вы считаете только себя?

— Конечно! Только мы, молодые люди науки, можем построить будущее. Мы не обременены предрассудками. Только логика.

— Юрка, а ловко тебя шеф сегодня подкусил на этом, как его, Гумилеве? А? Как же это ты, такой интеллектual — и не знал? Я еще над Танькой посмеюсь...

Юра краснеет. Удивительная у него способность краснеть. Кожа очень белая. Смотрит на часы.

— Знаешь, нам пора. Сейчас будем на другой режим переходить. Мы пошли, Иван Николаевич. Вы можете не спешить, мы позовем, если что.

— Ну идите. Жаль, что некогда. Мы еще поговорим на эти темы. Как-нибудь приходите ко мне домой вечером. Ладно?

— Конечно. С удовольствием. А Лиду можно взять?

— Разумеется. И Таню.

Ушли.

Лида — это его жена. Приобщает к науке. Татьяна — это, значит, барышня Юры. Нос длинноват, и уж очень тощая. Внешние данные тоже важны в жизни. И не только у женщины. Сам испытал. Теперь все в прошлом. Но Юра, возможно, еще не понимает этого. Хотя едва ли. Все-таки он вполне земной, современный. Правильно рассчитывает всякие организационные ходы — что сказать директору, о чем умолчать. Вадим этого не понимает. Но у Юры ум, а не хитрость. Не хочу хитрости.

Интересно поговорили. Программы у мальчиков нет, но будет. Юра, во всяком случае, очень много думает о всяких вопросах. Нужно бы ему философией и психологией заняться, а не физиологией. Медицина

не составляет будущего человечества. Впрочем, может быть, он уже и думает об этом. За полгода он сильно изменился, повзрослел.

Интересно бы обсудить проблемы воспитания с Любой.

А зачем тебе они? Думаешь по инерции, будто еще собираешься десятки лет жить.

Живот заболел. Каждый день теперь. Говорят, спайки кишечника с селезенкой. Называется «периспленит». Кроме того, мелкие инфильтраты в кишечной стенке.

Тарелку забыли. Хороший кофе и булка с маслом. Чей-то домашний завтрак. Вадим? Жена завернула. Юра, наверное, завтраков не берет. Хотя есть мама, все еще считает мальчиком... Краснеет, как мальчик. Не думаю, что Вадим такой отчаянный, как представляется. Сказал: «Я все знаю» Ничего ты не знаешь, кроме своей науки! Живет он плохо — в большой семье. Мать сварливая. Потом может у меня жить. Временно, доверенность напишу. Я же не буду считаться мертвым. Квартиру забрать не могут.

— Слушай, а ведь ты можешь ловко обыграть должность заведующего лабораторией для Юры. Напиши официальную бумагу директору, копию — в президиум академии, еще копию — в обком.

Так, мол, и так. «Прошу оставить исполняющим обязанности заведующего лабораторией Юрия Николаевича Ситника, так как он единственный, кто может обеспечить эксплуатацию и совершенствование установки, поддерживающей состояние анабиоза»... моей персоны. Даже можно употребить «настоятельно прошу». Указать, что он автор проекта и главный исполнитель. И не «исполняющим обязанности», а прямо «заведующим».

Здорово придумал! Заявление сделают достоянием гласности, и тогда никто не решится отказать в моей просьбе. НИКТО. Но диссертацию он должен защитить до этого. «Кандидат технических наук Ситник, заведующий лабораторией моделирования жизненных функций». Вот только обрежет его Иван Петрович. Это такой жук! Ну ничего. Юра тоже не промах. Если не пройдоха (слава богу!), то, во всяком случае, «организатор». Ведь это он все организовал — машину, установку для анабиоза.

Как их с Вадимом связать покрепче? Чтобы работали вместе хотя бы несколько лет. Поговорю начистоту. «Вадим, заведующим будет Юра. Он лучше справится, чем ты. И с директором поладит. Прошу

тебя, не уходи из лаборатории. Постарайся не ссориться». Он пообещает. Трогательная сцена: «Ради вас, мой учитель...»

Но это не гарантия. До первой вспышки. А Игорь? Останется. Докторская диссертация начата, нужно закончить. Руководитель? Не проблема. На готовую работу всегда можно найти. Хотя бы тот же Иван Петрович. Неприятно. Но не будем мелочны.

Направление для лаборатории дано: моделирование физиологических и патологических процессов. Совершенствование искусственного управления жизненными функциями. С этими самыми установками.

Наконец, анабиоз. Чего от него можно ждать? Практическое использование неясно. Путешествия в космос? Смысл будет только при очень длительных — на годы. Иначе сама установка будет больше весить. Впрочем, если за нее возьмутся, можно сильно облегчить. Тридцать — сорок килограммов. Холода там не занимать. Выигрыш не только в весе — еще психика. Это серьезная проблема. А так будут себе спать, потом автоматы их разбудят. Все как в романах.

Интересно, разбудят ли меня? Брось фантазии! А чем черт не шутит? Столько сказок сбылось.

Анабиоз — медицина. Не знаю. Возможно, такая консервация будет полезна при некоторых болезнях. Допустим, микробы или вирусы могут подохнуть. Но они тоже сильно живучи. Если болезнь вызвала изменения структуры клеток, то от холода норма не восстановится. Это ясно.

Зато можно делать любые операции. Например, пересаживать органы. Однако обольщаться и тут не следует. Пересадка органов задерживается не техникой операций, а биологической несовместимостью тканей разных людей. Сомнительно, чтобы анабиоз в этом помог. Очень сомнительно. Скорее, нет. Петр Степанович говорил: только для сверхсложных операций.

Путешествие в будущее. Непривычно, наверное, будет там, когда проснешься через десять или сто лет.

Посмотрим. Отказаться можно перед самым опытом. Нет, тогда нельзя. Стыдно.

Чудеса науки сделают всех людей счастливыми.

Глупости. Счастье — это всего лишь возбуждение центра удовольствия. По разным поводам. Но никогда — стойко. Наступает

адаптация, привыкание, и от счастья остается только след в памяти. Она честно регистрирует самочувствие этого центра. Записывает на пленку. Чтобы быть счастливым, нужно несчастье. Страдание. Антипод. Впрочем, не обязательно много и долго. Можно найти оптимальный режим. Коротенькие встряски, чтобы человек не забывался и не начинал тосковать. Будущие кибернетики все рассчитают. Мой друг, ты имеешь шансы посмотреть.

Черта с два! Это будет не скоро. Мои молекулы не выдержат, рассыплются. Да и едва ли оно будет вкусно, это дозированное счастье.

Пойти в операционную? Скоро будем оживлять. Нет, еще рано. Вдруг наш пес встанет и пойдет? Я даже его клички не знаю. Черствость.

Выхаживать придется, как больного после тяжелой операции. Сидеть придется ребятам.

А, не загадывай! Еще дойдет ли дело до этого?

Хорошие все-таки ребята. Могли бы такие сыновья быть. Если бы тогда, в сорок третьем, не было этой бомбежки... Да брось, упустил бы все равно. Дело же не в женщинах и не в обстоятельствах, а в тебе. Ненастоящий.

Юра — интеллект. В хорошем смысле, без ругательства. Это слово совсем не предполагает бесчувственность.

Лежу. Отдыхаю. Немножко думаю. Каждый орган чувствую — какой-то коммутатор приключает его к сознанию. Сердце: тук... тук... тук... Потом перебой: тук-тук... тук-тук. Легкие. Вдох — входит воздух, расправляются альвеолы. Что-то мешает (лимфожелезы?), какой-то датчик раздражается хочется кашлянуть. Сдержаться. Это важно — задерживать кашель. Как и всякое чувство, неприятные эмоции. Живот. Кишки: одна, другая буль-буль... А селезенка большая, давит на них слева... Сердитый великан, тупой, толстый. Болей сейчас нет. Почти блаженство.

«...Уходят, уходят, уходят друзья...

Одни — в никуда, а другие — в князя».

Почему в князя?

Засыпаю... Как приятно заснуть...

Стучат в дверь. Сажусь. Халат мятый. Неловко.

— Войдите.

Лена:

— Юра послал за вами. Нужно начинать нагревание.

— Сейчас.

Как хорошо вздремнул! Часы — прошло сорок минут.

Иду в лабораторию. Мои органы еще не проснулись — не чувствую их. Здоров. Ненадолго.

Все мирно в этой комнате, как будто и не уходил.

Шумит вентилятор под колпаком. Гудит мотор АИКа.

Юра — у своего пульта в выжидательной позе.

— Иван Николаевич! Мы готовы начать нагревание.

— Ну, в добрый час! Будет работать автоматика?

— А как же! До сих пор все идет нормально.

Впереди час времени. Не знаю, правильно ли мы предположили кривую повышения температуры. Первая ступенька — десять градусов, вторая двадцать два. Потом — до нормы. На каждую — по двадцать минут. Может быть, этого мало? Ничего, мы придумали хитрую программу, — чтобы кровь была не очень горяча и не было большой разницы температур в разных частях тела. Сначала задается темп нагревания, а обратная связь его исправляет — может замедлить или ускорить. Посмотрим.

— Ну, начинаем. Коля, включай программу!

Когда-нибудь так скажут и для меня: «Включай оживление!» И я оживу из мертвых. Для чего? Есть ли у тебя запас желания жить? Оно от инстинкта самосохранения. Пока живой — жить. Но человек способен подавлять инстинкты. Зато у него прибавляется увлеченность. Удовольствие от исканий, работы. Хватит ли его на будущее? Какая она будет — наука? Любопытно. Страшит только одно: одиночество.

Оставим эту тему. Нужно смотреть.

Новая программа выразилась только усилением шума АИКа. Прибавилось число оборотов. Нет, немножко потеплел воздух под колпаком. (Названия никак не придумаем: «колпак», но он длинный, «корыто» — некрасиво. Неважно...) Воздух дует через щели на меня.

— Игорь, пожалуйста, берите анализы чаще. Важно проследить динамику, чтобы подрегулировать.

Зря вмешиваюсь. Все расписано заранее — и частота анализов и воздействия. Но нужно же что-то делать? Никак не привыкну к новой системе — когда опыт для каждого расписан, как ноты в оркестре. Физиологи привыкли к «волевому» руководству: план опыта в голове у шефа, и он изрекает его в виде команд.

Пойду смотреть на графики. Интересно, как автомат будет справляться с нагреванием. Только не нужно мешать ребятам.

Широкая лента ползет непрерывно. В периоды записей ее скорость увеличивают. Самое интересное сейчас — это графики температуры. Выше всех в пищевode. Вот дошло до восьми градусов. Прямая кишка отстала — только пять. Но включилась обратная связь — подъем пищеводной кривой замедлился. Разница с кишкой уменьшилась до двух. Снова обе кривые поползли кверху. Автоматика действует.

— Поля, какая производительность АИКа?

— Два с половиной литра.

Вадим явился. Прозевал торжественный момент. Уже что-то шумит. Ага: «Почему не позвали?» Сам должен думать. Поля: «Представь, обошлось без тебя». Что-то есть тайное в их пикировке. «Ищите женщину...» Как же, ты такой крупный спец в этом вопросе! Но Вадим может. Видно по его манерам.

Юра возится около аппаратуры. «Проверка нулей». Важно для кривых давления. Как-то ведет себя левый желудочек?

Вот в пищевode уже десять градусов. В прямой кишке — восемь. Это значит, что сердце даже теплее — через него проходит много крови, а температура ее уже семнадцать. Уже возможна некоторая электрическая активность. Посмотрим. Ничего определенного — то ли мелкая фибрилляция, то ли просто помехи.

— Иван Николаевич, наверное, нужно кровь заливать. Напряжение кислорода в оттекающей жидкости очень низкое — всего двадцать миллиметров.

Это Игорь. Вот что значит контроль.

— Давайте, Вадим, вы командуете по расписанию.

— Свистать всех наверх! Маша, остановишь машину. Рита, выльешь шестьсот кубиков плазмы. Поля, зальешь столько же в оксигенатор.

— Подожди, подожди! У нас же есть не цельная кровь, а разбавленная. Ее нужно использовать в первую очередь.

- Да, верно. Сколько в ней гемоглобина?
- А не меряли.
- Почему? Я же говорил.
- Не догадались. А ты ничего не говорил.
- Ну перестаньте препираться! Меняйте литр жидкости.
- Есть, товарищ начальник.

Это Юра возвысил голос. Вадим шутливо откозырнул, но за этим немножко видна обида. Всегда физиологи командовали, а теперь — инженеры. Ничего. Если умный, поймет.

Машина остановилась. Сливают плазму, вливают кровь. Быстрее нужно, копуши! Молчи, не мешай! Начальников и так много.

— Пускайте!

Мотор зашумел. Остановка длилась две минуты. При такой температуре это пустяк.

Язык у собаки немного порозовел. По сосудам пошла кровь, а не вода.

Температура в пищеводе — тринадцать градусов. Электрическая активность сердца и мозга пока не видна. Странно. Немножко беспокоюсь. Неужели была допущена гипоксия? Может быть, нужно раньше заливать кровь?

— Измерьте, пожалуйста, процент гемоглобина, Вадим. Юра, мне кажется, что нужно еще добавлять крови, только теперь цельной.

Юра:

— Может, подождем градусов до восемнадцати? Оснований для беспокойства нет. Вот, смотрите, показатели напряжения кислорода и углекислоты в тканях.

Да, верно. Эти приборы очень хороши и для меня новы. Я еще им не очень верю. Соглашаюсь.

Температура воздуха под колпаком уже двадцать пять. Теплопередача в коже плоха, приходится давать больше тепла.

Неужели не проснется? Сейчас эта мысль у всех. Глупости, должна проснуться. То есть мозг должен заработать (должен?), а вот как сердце — я не уверен. Если и запустим, то как будет сокращаться?

В конце концов это не так уж важно. Пока дойдет до меня, обработают параллельное кровообращение. Кроме того, камера должна помочь. Расчет простой: при давлении кислорода в две

атмосферы каждый кубик крови несет его вдвое больше. Следовательно, в два раза можно уменьшить производительность.

Но все-таки хорошо бы, если бы собака выжила. Настроение бы было у всех другое. Столько трудов затрачено!

— Смотрите, температура уже восемнадцать! А в прямой кишке — только четырнадцать. Юра, твоя автоматика подводит. (Это Вадим.)

— Подожди, подожди, сейчас выравниются. Видишь, замедлился подъем. Ты давай лучше кровь меняй.

«Лучше». Нехорошо. Не нужно показывать власть. Вадим стерпел.

Активность около АИКа. Нужно выпустить литр разбавленной крови и влить столько же цельной. Не будем вмешиваться: дело Вадима. Можно даже посидеть немного, что-то ноги устали. Времени — четвертый час. Сажусь. Во рту сохнет. В животе что-то тянет. Никудышный.

Для первого опыта идет хорошо. Столько аппаратуры, и все работает... Удивительно. Здорово Юра вышколил своих помощников. Да, чуть не забыл: нужно завтра позвонить его оппонентам. Поторопить с отзывами, с защитой (мало ли что случится!). Мое присутствие очень важно: постесняются клевать. Враги. Я такой тихий человек, а и на меня злятся. Не любят критики, даже самой академической. Не преувеличивай: никаких врагов нет. Семенов и Арон Григорьевич искренне не согласны с моделированием. «Качественное отличие физиологических процессов нельзя выразить формулами и электронными лампами». «Иван Николаевич со своими учениками глубоко заблуждается». «Мичуринская биология этого не допускает». Убедить невозможно.

Не ругайся. В общем, они люди порядочные. Против Юры голосовать не будут. Арон музыку любит, на виолончели играет. Из тех, старых интеллигентов.

Начальство не зашло взглянуть на опыт. Им глубоко наплевать. Все-таки немножко обидно. Переживем. Пойду посмотреть. Отдохнул.

— Глядите, Иван Николаевич, видна фибрилляция!

Верно, видна. Амплитуда зубцов еще маловата. Впрочем, температура всего двадцать пять. Правда, на сердце выше. Наверное, двадцать восемь.

Мозг тоже заговорил: на энцефалограмме видны хорошие волны. Значит, все живое. Хорошо. Так и быть должно.

Воздух под колпаком совсем теплый. Автоматика действует. Две минуты на градус. Наши главные заботы: снабжение тканей кислородом, удаление углекислоты, поддержание кислотно-щелочного равновесия. Производительность АИКа достигла двух с половиной литров. Выше не поднимается, — калибр вен мал, отток крови затруднен. Ничего сделать нельзя. Но, впрочем, этого достаточно.

— Мила, нужно дышать понемногу. Чтобы альвеолы расправились. Температура — тридцать градусов.

На электроэнцефалограмме глубокие волны, как во время сна. Собака вот-вот проснется. Все смотрим на нее.

Появились первые дыхательные движения. Значит, подкормка уже действует. Однако дыхание нужно выключить: оно мешает искусственному. Вадим командует:

— Введите релаксанты. Прямо в оксигенатор.

Ввели. Все тело обездвижено.

Нагревание длится уже целый час. Скоро прибавится беспокойство о гемолизе. Посмотреть, есть ли моча. Чуть-чуть, на самом дне. Почему-то почки плохо работают при искусственном кровообращении. Это и хирурги говорят. Какие-то рефлексy мешают.

В операционной тихо. Каждый занят своим делом. Посторонние разговоры шепотом.

Приближается важнейший момент — восстановление работы сердца. На электрокардиограмме видим крупноволновую фибрилляцию. Так и представляю, как дрожит поверхность сердца. Что бы ему стоило начать сокращаться? Нет, не хочет.

Дефибрилляция через грудную стенку не столь эффективна, как на обнаженном сердце. Но все-таки обычно удается.

— Готовьте дефибриллятор. Хорошо смочите марлю на электродах. Да, нужно шкуру побрить против сердца. Почему заранее не сделали? Вадим, это в вашем ведении?

— Мы не забыли. Примета плохая: если все приготовишь на конец опыта, то собака раньше помрет. Девушки, выстригите место под электроды. Живо!

Примета. Тоже мне — ученые.

Ждем. Температура — тридцать пять градусов. На сердце выше. Пора.

— Вадим, дефибриллируй.

Он надевает перчатки. Под ноги — резиновый коврик. К груди собаки приставляет плоские электроды, обернутые мокрыми салфетками. Коля заряжает конденсатор дефибриллятора. Напряжение — пять тысяч вольт.

— Отключите приборы!

— Все готово? Юра, можно? (Спросил начальство. Хорошо.)

— Гулый, давай разряд!

Все замерли.

Раздался легкий щелчок. Готово. Юра командует:

— Включайте приборы. Толя, переключи электрокардиограмму на большой осциллограф.

Смотрим на экран. Нет.

— Фибрилляция продолжается. Вадим, нужно повторить. Юра, сколько можно дать максимально?

— Семь тысяч. Заряжай, Коля.

Вся процедура повторяется. Как в романах о летчиках: «Контакт! — Есть контакт!..» Настроение понизилось: может не пойти.

— Даю разряд!

Щелчок. Собака судорожно дернулась. Здорово дали.

— Включайте приборы!

— Ура! Пошло!

Пошло. Видим редкие всплески сердечных сокращений. Теперь их нужно усилить.

— Введите пять сотых кубика адреналина! Прямо в машину! Мила, хорошее дыхание, глубокое!

Вот стало лучше. Раз, два, три... Двенадцать за десять секунд. Хорошо. Нужно дать ему нагрузку.

— Уменьшайте производительность АИКа до одного литра. Постепенно, за две минуты.

Теперь мы смотрим на кривую артериального давления. Юра переключил ее на большой экран.

Давление низкое. Зайчик едва достигает линии 70 миллиметров. Диастолическое высокое — 60. Это зависит от работы АИКа — насос равномерно нагнетает свой литр крови в минуту.

Эх, если бы параллельное кровообращение было хорошо отработано! Гоняли бы и гоняли машину, пока сердце совсем

восстановит свою силу. Но этого нет. А так, возможно, АИК мешает.

— Товарищи, а что, если мы попробуем остановить АИК?

Это ко всем. Молчат. Опыта нет.

— Игорь, пожалуйста, обеспечьте определение минутного объема сердца через каждые пять минут. Это очень важно. Возможно?

— Попробуем успеть.

— Тогда давайте останавливать. Поля, готово?

Машину остановили. Вот давление падает. Все падает. Остановились на пятидесяти. Мало. Но сокращения, кажется, хорошие. Продолжаем.

— Определяйте минутный объем, Игорь.

— Подождите немного, пусть установится режим.

Это Юра. Прав. Минут пять нужно ждать. Как раз пока меняют кровь в оксигенаторе. Потом можно подкачать свежей, если будет плохо.

Все-таки оживили. АИК стоит, а собака жива. Это уже успех. Очень рад. Нет, подожди. Она еще не просыпалась. Хирурги пишут, что главная опасность — мозговые осложнения. Закупорка мельчайших сосудов мозга сгустками из эритроцитов, потом его отек. Но у нас при низкой температуре была только плазма, закупорить нечем. Посмотрим.

Времени — четыре часа. Не так уж и поздно. Но я устал. Хочется лечь, а уйти нельзя. Еще могу принести пользу.

Отменить бы сегодня свидание. «Люба, я хочу сообщить тебе новость». Какую? «Хочу подвергнуть себя анабиозу». «Чего-чего?» Представляю лицо: недоумение и беспокойство. Выражение неудачное — «подвергнуть анабиозу». А как лучше? Не знаю. «Заморозиться?» «Законсервироваться?» Как замороженная клубника. В корзиночках. Нелепо.

— Ну как?

— Да ничего. Давление колеблется около 70–80. Венозное повысилось до 165. Сейчас минутный объем определяют.

Похоже, что удалось. Конечно, может еще упасть. Большие пертурбации во всем организме — в его регулирующих системах.

Просыпайся, пес! Проснись. Заклинаю!

Нет. Пока нет. Это всего три часа прошло. А двадцать лет? Невероятно. Я ученый, реалист — и вдруг такие фантазии. Как

мальчишка!

— Иван Николаевич, ребята! Просыпается! Смотрите!

Это Мила. Она помогает собаке дышать, поэтому все время смотрит на ее морду.

Все столпились. В самом деле: глаза открыты и взгляд осмысленный. Недоумение: «что со мной?»

— Как его зовут? Покличьте! (Черствый человек — даже не удосужился узнать кличку.)

— Дружок, Дружок!

Делает попытку пошевелить головой.

Проснулся пес! Проснулся! Два часа при температуре два градуса!

— Давайте уберем трубку? Она ему, бедненькому, сильно мешает.

Это сердобольная Лена. Юра протестует (как физиолог!).

— Нет, нельзя убирать. Дыхание еще неэффективное. Наоборот, мне кажется, нужно дать легкий наркоз, — например, закись азота. Пусть спокойно полежит, пока органы придут в норму. Да и записывать показатели будет удобнее, а то ведь он будет брыкаться.

— Можно увезти АИК? Нужно мыть аппарат, а то кровь присохнет, — Алла беспокоится о своем объекте.

— Да, конечно. Вадим, распорядись об удалении трубок из артерий и вен. Катетеры для измерений, разумеется, оставить.

Вадим занялся этим сам. Он настоящий экспериментатор, любит рукодействовать.

Еще раз смотрю на ленту с кривыми: все в порядке. Энцефалограмма показывает сон — высокие, редкие волны. Кровяное давление восемьдесят пять. Этого достаточно. Сердце частит: 140 ударов в минуту. Нужно попытаться замедлить. Есть лекарства.

В операционной шум. Разрядка. Открылся клапан. Прислушайся, о чем они? Вадим с Полей наклонились над собакой, заняты делом и мирно обсуждают дефекты опыта. Нужно было подольше погонять АИК. Проверить прерывистый режим — может быть, допустимы долгие перерывы?

Лена и Петя наносят на график цифры из таблицы. Сплетничают о ком-то: «...исчез и явился только к концу...». Наверное, о Семене. Он мне не нравится сегодня. Безучастный. Что-то за этот месяц произошло. Перессорились. Уже лагери, склоки.

Игорь и Рита ничего не делают, просто болтают и смеются. Да, о водных лыжах: «...как трахнется! Думала, не вынырнет...» Взгляды с тайными мыслями. Игорь тоже парень не промах. Пусть. Один Юра что-то сосредоточенно считает на карманной линейке и записывает в свою книжечку. У него там масса сведений.

Я завидую. Хочется вступить в один из кружков, смеяться, шутить, как все.

И не могу. Не умею, нет слов. И никогда не умел и всю жизнь страдал из-за этого. Ничего, переживем. Слабость. Боль в животе.

Домой можно бы идти, во еще хочется понаблюдать за собакой хотя бы часок. Чтобы чего-нибудь не пропустить.

Но и здесь оставаться не хочу. Стесняю. В кабинет. Поговорить с Юрой. Его можно позвать: выхаживание собаки поручено Вадиму.

— Юра, пойдемте в кабинет, обсудим кое-какие клинические вопросы. (Чтобы другие не ревновали.) Вы можете оторваться?

— Да, конечно. Теперь записи редки.

Идем молча. Каждый — о своем. Пропустил я чего-то в жизни. А может быть, и нет. Нельзя все — чем-то нужно жертвовать. Хотел бы ты изменить свою жизнь? Нет, но все равно жалко. Оставим.

— Юра, я должен поговорить с тобой об очень серьезном деле.

— Что такое?

— Я хочу назначить тебя своим преемником.

— Ну что вы! Кто же меня оставит? (Значит, «кто же», а сам согласен.) Да и сам я не справлюсь. (Догадался — скромность украшает. Не верю. Но это хорошо. Нужно дерзать.)

— Справишься. Давай без ложной скромности.

Думаю: настоящий работник не должен отказываться от дела, даже если оно несколько превышает его силы. Это стимулирует.

Снова молчим.

Пришли. Устал. Что, если лягу? Он свой. Питаю чувства. А не обманешься? Бывало такое в прошлом.

— Ты меня извини, я прилягу. Что-то утомился. Садись в кресло рядом. (Иллюзия близости. А для него, наверное, только шеф?) Молча садится, смотрит на меня. Хорошо смотрит.

— Ты знаешь, что я это делаю не ради личных симпатий. (Хотя и это.) Жалко, чтобы дело пропадало, а ты, наверное, сможешь. Но я хотел бы слышать, что ты будешь делать в своей лаборатории.

(Жесткие условия. Ничего, если есть мысли в голове, скажет.)

— Так прямо сейчас? Экспромтом?

— Не притворяйся. Ты, небось, думал.

— Думал, но не систематизировал. Не смогу хорошо изложить.

— Ничего.

— Тогда разрешите мне начать несколько издаleка?

— Пожалуйста.

— Сначала нужны общие принципы: познание — моделирование, мозг огромная моделирующая установка... Помните, мы говорили.

(Да, знаю. Модели из нервных клеток. Этажный принцип моделирования: модели звуков, слов, смысла фраз, глав, книги. Дополнительные модели, отражающие качества... Не будет же он рассказывать все это?)

— Человек имеет развитые двигательные программы, которыми он воспроизводит свои корковые модели физически — слова, рисунки, вещи. Модели вне мозга.

— А творчество?

— Есть программа творчества: создание сложных моделей из элементарных. Комбинации, приобретающие новые качества.

— Ну и что?

— Последние двадцать лет большой скачок техники — ЭВМ. Есть возможность создавать искусственные моделирующие установки, на которых строить сложные модели, и не статические, как в книгах или схемах, а действующие. Это важнейший шаг вперед. Целый коллектив ученых создает модель, и она будет умнее каждого из них.

(Конечно. Кора слабовата в этом плане — действующие модели. Но не нужно переоценивать машины. Возразить.)

— Этого пока нет. Многие оспаривают.

— Нет, так будет. Конечно, цифровая машина не фонтан, очень трудно составлять программы для моделирования сложных систем. Но и это совершенствуется за счет всяких вспомогательных машинных языков, вы знаете. Алгол и прочее. Кроме того, создаются специальные машины с объемным принципом переработки информации, как в мозге.

— Пока ничего реального нет.

— Но каждые три года скорость и память машин возрастают вдвое. Будет.

— Допустим. Но давай поближе к физиологии.

— Нельзя заниматься одной физиологией и не смотреть дальше. Для меня физиология интересна как первое приложение общих принципов построения науки. Если позволите, я сделаю попытку. Тут и ваших мыслей много.

(«Принципы». Мальчишка — и уже «общие принципы».)

— Валяй.

— Любая частная наука — это моделирование некоторой части мира, какой-то системы или нескольких систем, объединенных общностью структуры или функции. Например, цитология изучает клетку, а социология — общество. В любом случае создаются модели, отражающие особенности структуры и функции соответствующих систем. Точность науки определяется степенью совпадения моделей с объектом.

(Это бесспорно.)

— Можно наметить несколько периодов в развитии каждой науки. Первый период — наблюдения системы с помощью органов чувств, пусть вооруженных всякими телескопами, микроскопами. В результате создаются приблизительные модели в коре, отражающие общие сведения о системе. Потом они выражаются физически — в описаниях, рисунках, схемах. Это качественные модели, гипотезы.

Второй период — количественные исследования. Задачей их является цифровое выражение качественных гипотетических зависимостей в изучаемых системах.

Третий период — создание «действующих моделей», в которых отражена гипотеза о структуре и функции системы с количественными зависимостями. Я понимаю их как сложные электронные аналоговые устройства или программы для универсальных цифровых машин. Прототипом таких устройств, как вы понимаете, является создаваемая нами модель внутренней сферы организма.

(Хорошо, что вспомнил.)

— Четвертый период — это создание управляющих машин или программ. Они должны обеспечить такое управление системы, чтобы перевести ее из любого данного состояния в другое, которое нужно. Это и есть оптимальное управление. Конечно, можно управлять и приблизительно, сложные саморегулирующиеся системы, как,

например, организм, исправляют ошибки, однако до определенного предела. Пример — дефекты лечения.

Вот это общие принципы, Иван Николаевич. Согласны? Правда, тут ничего нового нет... Мне кажется, они приложимы к любой науке: везде нужны количественное, числовое выражение зависимостей и «действующая» модель.

(Нужно возразить. Иначе какой же я шеф? Да и по существу неправильно.)

— Это все верно, Юра. И принципы твои верны. Но есть «но». Я так понимаю, что любая модель только больше или меньше приближается к оригиналу. Иногда и не очень. Степень, я так думаю, зависит от возможностей математики, методов исследования, техники создания моделей или программ. Если система очень сложна, как, например, мозг, и нет хороших методов изучения ее структуры, то модель окажется примитивной. И пользы тогда не будет. Поэтому я и взял в качестве объекта внутреннюю сферу, фактически даже уже — только внутренние органы, без клеточного уровня. Здесь, мне кажется, сложность не чрезмерно велика и под силу современным методам моделирования.

(Передергиваешь: «Я взял». Вместе с Юрой выбирали. И идеи эти больше его, чем мои.)

— Но ведь, Иван Николаевич, техника совершенствуется быстро. То, что нельзя моделировать сейчас, можно завтра. К этому нужно готовиться. Действующие модели будут всегда лучше статических — в книгах. Модель мозга действительно создадут не скоро, потому что он труднодоступен для изучения и в нем много элементов. Но я думаю, что общественные отношения уже можно пытаться моделировать.

(Ишь ты куда метишь! Впрочем, я на твоём месте думал бы о том же... Но...)

— Но сначала нужно смоделировать поведение человека, хотя бы как «черный ящик», без претензий отразить конкретные нервные сети, которые его обеспечивают, Психологическую, а не физиологическую модель человека.

— Согласен. Этим сейчас многие занимаются.

— Послушай, если тебя привлекают эти далекие горизонты, то будешь ли ты заниматься физиологией? Стоит ли тогда хлопотать о

твоим назначением? Может быть, лучше выбрать человека, мыслящего попроще?

(Ты вильнешь хвостом и уйдешь на социологию, а кто же будет лелеять мой анабиоз?)

— Конечно, меня привлекают психология и социология. Но физиология база для психики. Я ведь еще молодой, почему мне не помечтать? Да и сами вы много раз говорили: «Медицина — это пустое дело, она не решает судьбу человечества».

Верно, говорил. Так и думаю. Но я уже не могу сделать прыжок в другую сферу. А раньше не хватало энергии, смелости. Не верил в свой ум. А он верит. Я в его годы был совсем дурак. Нет, не дурак, а необразован. Да и наука была не та. «Качественные различия» стояли как пропасти между науками.

— Как же ты расцениваешь состояние физиологии в смысле твоих периодов или стадий, как их там?

— Физиология находится в первом периоде или на границе второго. Одни только разрозненные гипотезы. Чуть-чуть начинается количественное моделирование. Как, например, у нас и кое-где в других местах.

— А медицина?

— Медицина живет на том же. Примитивное управление. Спасает саморегуляция.

— Ясно. Собственно, я знал это и раньше, мы обсуждали. («Тут есть и моя доля». Не скажу, я добрый, идей не жалею.) Давай вернемся на землю. Что ты намечаешь делать в своей, в этой нашей, лаборатории?

Смотрю на него: совсем юный. 27 лет, а выглядит моложе. Сейчас еще волнуется. Наверное, впервые в жизни ведет разговор как взрослый ученый.

— То же самое, что и теперь. Будем ставить физиологические опыты, регистрировать и выражать цифрами как можно больше факторов. По цифрам будем строить дифференциальные и алгебраические уравнения — характеристики органов и систем. Затем будем проигрывать их на цифровых машинах. После проверки — создавать специальные электронные модели органов, соединять их в системы, потом — в целый организм. Ну, то же, что и теперь. Только

главное направление будет нацелено в сторону регулирующих систем эндокринной, нервной. Чтобы подобраться к коре.

— И все?

— Нет, не все. Хотя, говоря откровенно, тут работы на всю жизнь. То, что мы создаем теперь — я говорю про машину, — это первый примитивный вариант. Вы сами это знаете. (Да, знаю. Учитываем только самые главные факторы. Но и это много! Умалает мой вклад, паршивец!)

Для решения даже главных задач нужно сто таких лабораторий, как наша.

— Это ты верно. Даже больше ста.

— Поэтому я думаю о другом. Нужно шире использовать клинику, наблюдения над больными. Кроме того, принципы эвристического моделирования создавать гипотезы, задаваться характеристиками, проигрывать их и сравнивать результаты с изменениями у больных людей. Вы это говорили, но мы сделали только робкие попытки.

(Спасибо, что вспомнил обо мне. Неужели через год после моей смерти он уже будет говорить: «Я предлагал, я думал»? А что же ты хочешь: «Наш покойный учитель...»? Давай по существу.)

Возразить:

— Для этого нужны хорошие врачи. Или всю лабораторию нужно перебазировать в клинику. Хотя в принципе ты прав. (То есть я прав, не будем мелочны.) Если физиологию переделывать заново, то нужно тысячу лабораторий. Однако эксперимент бросать нельзя. Может быть, во мне говорит физиолог, во в клинике всего не сделаешь.

— Почему? Я беседовал с врачами в клиническом городке, когда к вам ходил. Энтузиастов много. От нас они получают точную инструментальную диагностику состояния, а мы — материал для моделей.

— Иван Петрович не даст тебе этим заниматься. Он любитель «чистой» физиологии.

— А может быть, нам создадут новый отдел в институте кибернетики? Их интересует выход в практику, и мы его дадим.

— Что, что? С институте кибернетики?! Что же, ты уже говорил с Борисом Никитичем? Выходит, я напрасно пытался тебя облагодетельствовать? Ты уже сам устроился?

(Предал. Продал. Спокойно. Такова жизнь.)

— Нет, без вас я не говорил. Но разведку провел. Ключет. Вы на меня не обижайтесь, пожалуйста, Иван Николаевич. Я совсем не собирался вас бросать или предавать, но после того, как Вадим поговорил с директором, мне стало нехорошо. Дело бросать не хочу. А ваше состояние, помните, какое было? Теперь, когда вы поправились («Поправился!»), мы должны все это решить совместно.

(Немного полегче. Он прав: нельзя бросать дело из-за одного человека, даже если это учитель. Да полно, учитель ли ты? И не нужно обижаться.) Но он уже уходит. Грустно.

— Чего же решать? Идея правильная. Но тогда нужно добиваться, чтобы всю лабораторию передали в институт кибернетики. Академия же одна. Возьмет ли только Борис Никитич?.. Пожалуй, возьмет... А с помещением как? В клиническом городке тесно. Хотя там строят что-то. Ты не узнавал?

— Узнавал. (Все уже разведал!) Там будет городское отделение для реанимации. Но помещение там маловато. Однако институт кибернетики может сделать пристройку, эти недолго.

— Реанимация — это хорошо. В клинику поступают больные с тяжелыми, острыми расстройствами, с шоком, кровотечениями, инфарктом — многих можно спасти. И наш саркофаг можно использовать для лечения. Нет, идея хороша. Ты говорил с кем-нибудь?

— С Вадимом. И еще с анестезиологами из больницы и с кафедры.

— А мне не сказали ни слова. Ученики...

— Неужели вы думаете, что мы бы тайно сделали? Ждали, пока немного окрепнете.

— Чтобы потом, значит, трахнуть? «Ты, товарищ заведующий, оставайся, а мы будем создавать новый отдел».

— Ну зачем вы себя так настраиваете? Мы бы пришли и сказали: «Иван Николаевич, мы предлагаем вам перебазироваться со всей лабораторией в институт кибернетики. Вот такие-то и такие-то причины. Дело требует — раз. Начальство притесняет — два».

— Ну хорошо, хорошо, верю. (Действительно верю, хотя на душе и неприятно еще.) Пойдем к Борису Никитичу. Работа наша в самом деле ближе к технике и математике, чем к чистой физиологии. Если он согласится, конечно.

(Мой блестящий план, выходит, никому не пригодится. Хорошо, что я о нем не успел сказать, а то был бы в смешном положении. Хуже

всего быть смешным.)

Но я, Юра, сейчас не могу переезжать. Хлопоты эти мне не пережить. Кроме того, затормозится выполнение планов. Так что вы уже после моей смерти переедете. Или когда я буду в анабиозе.

(После смерти. После смерти.)

Кстати, как ты решаешь эту проблему? Саркофаг потребует постоянного обслуживания и совершенствования. С этим делом будет много возни.

— Я знаю. Все сделаю. Эта работа будет очень выигрышна для нашего отдела. (Все рассчитал и так откровенно говорит.) Для этого нам создадут условия, если все подать как следует. («Подать». Меня — «подать»!)

Морщусь.

— Иван Николаевич, вас шокируют такие рассуждения? Да? Вы думаете, мы вас мало ценим?

Молчу. Не хватало еще заплакать. Сантименты.

— Так вы ошибаетесь. Мы вас очень любим. И не забываем, что вы сделали для нас. И ваши идеи присваивать не собираемся. А то, что я изложил, — это же вам принадлежит. (Льстит. Все равно, что «подать».)

Промолчим. Вот он продолжает:

— Но во всем нужна организация. Помните, мы с вами обсуждали принцип: «Благородные цели могут достигаться только благородными средствами»? Поэтому мы не будем лгать, изворачиваться, подхалимничать. Но мы не собираемся вести себя глупо. (Это значит — откровенно?) Курс будет прямой, но с маленькими зигзагами, с маленькой политикой. Не поступаясь принципами. Допуская только молчание. Мы покажем работу.

Мне не по себе. Я скажу ему это.

— Юра, мне страшно от того, что я услышал сейчас. Такой рационализм, такая продуманность, граничащая, прости, с цинизмом. Может быть, мне кажется? Я еще не освободился от сентиментальности. «Выгодно» одно, другое. «Подать». Скажи мне, что за всем этим? Каковы стимулы?

— Стимулы самые благородные, даже сентиментальные. «Служение людям» это не устаревает. Будем строго следить, чтобы честолюбие нас не захлестнуло. Но делать дела мы будем разумно. Без

громких фраз. Расчет, кибернетика. Мы будем использовать имеющиеся возможности, пока не создадим другие.

Не знаю. Не знаю, что думать. Ясно, что у них будет «позитивная программа»: как организовать экономику, воспитание, человеческие отношения. Как рассчитать счастье и несчастье. Как построить коммунизм.

— Ты изменился за последние полгода, Юра.

— Я много думал после разговоров с вами. Вы знаете, я теперь за правило взял: каждое утро час думать. Просто думать о каком-нибудь важном предмете — о кибернетике, психологии, философии. Немножко записываю. Получается очень интересно: сначала ничего не ясно, потом предмет как бы уступает и медленно проясняется.

— Ну, ладно. Пойдем в операционную, посмотрим, что там. Потом мне нужно домой. Задал ты мне задачу. Все у меня сразу заболело.

Как все сложно в этом мире, угловато. Была жизнь, была лаборатория, работа, были помощники. Теперь все зашаталось.

Была еще любимая. Нет, там не было прочности. «А я думал, что ты Джиоконда, которую могут украсть»... Маяковский. Сегодня ее увижу. Домой. Успеть отдохнуть.

Идем коридорами молча. Почти все уже разошлись. Рабочий день кончился. Нет, в вашем отсеке жизнь бьет ключом.

Ого, какие перемены! Собака лежит на боку, уже без трубки. Дышит сама. Перехватил вопрошающий взгляд Вадима к Юре. Да, вот вы какие!

Подхожу к столу.

— В сознании?

— Да, вполне. Дружок! Дружок!

Открыл глаза, взгляд страдальческий: «Что вам еще нужно?» Усталый взмах хвоста: «Оставьте...»

— Дайте фонендоскоп.

Послушал над сердцем, там, где выстрижена шерсть. Тоны ясные.

— Покажите таблицу и графики.

Все хорошо. Артериальное, венозное давление, пульс, дыхание. В крови, однако, избыток недоокисленных продуктов. Насыщение венозной крови кислородом пониженное. Общий обмен тоже понижен. Видимо, есть некоторая эндокринная недостаточность. Гормоны еще не определены. Мочи маловато, но анализ ее хороший.

— Теперь нужен уход и контроль. Баланс газов, воды, солей, кислотно-щелочного равновесия. Записывать давление, периодические анализы выдыхаемого воздуха, электрокардиограмму делать. Собаке нужны наркотики, чтобы она не вырвала вам все датчики. Однако не слишком много, иначе дыхание ослабнет. Вадим, вам придется сидеть всю ночь. Оставьте себе биохимика, техника, чтобы записывал, ну еще лаборантов для помощи. Все нужно регистрировать по часам. Вечером мне позвоните.

Поглядел на всех: устали. Первая радость от успеха уже прошла. Теперь реакция. Хочется сказать теплые слова, но не умею. Все боюсь, что покажется казенно, что высмеют.

— Что же, ребята, потрудились вы хорошо. Опыт был чрезвычайно сложным, и все прошло гладко. Даже на диво гладко. Отличная работа. Теперь, наверное, могут идти домой, а, Юра?

— Пусть каждый закончит свою документацию, иначе до завтра позабудут. А потом, конечно, домой.

— В ресторан бы надо после такого дела! В «Поплавок» на реку! Это Толя. Говорят, выпить любит. Но вообще стоит отметить.

— Это мысль хорошая, я вам советую. Жаль, что мне нельзя с вами.

Я бы и так не пошел. Скучно мне в ресторане.

— Ну, будьте здоровы! Игорь, вы отпустили помощников из других отделов? Спасибо им сказали?

— Да, да. Все сделал. От лица службы.

— Так вы позвоните, Вадим. Пока!

На Юру не посмотрел. Не хочу.

Иду в кабинет.

Я еще заведующий этой лабораторией, во они уже не мои. Похоже, что мне в самом деле пора умирать. «Мавр сделал свое дело...»

Брось! Не строй из себя обиженную барышню. Жизнь идет своим нормальным путем. Все они тебя будут жалеть, поплачут. И ты должен радоваться, что есть такой Юра, способный взять лабораторию в крепкие руки и вести ее в правильном направлении. И хорошо, что он будет лучше тебя руководить делом.

Нет, мне не верится. Я — умнее, я — шире. Идеи, которые он высказал, от меня.

Неправда. Они носятся в воздухе. И Юра помогал тебе их придумывать. Притом он понимает их конкретно, как инженер и математик, а не так расплывчато, как ты.

Не спорь. Иди домой.

Вечереет. Длинные черные тени. Последние тени перед закатом.

Сажу на балконе в кресле. Жду Любу.

Обедал, спал. Приятная вялость после отдыха.

Просто смотрю на улицу почти без мыслей. Жизнь идет своим чередом. И без меня — тоже. Если только не бомба.

Опыт прошел хорошо. Приятно. И в то же время как-то грустно. Ищу почему бы. Это значит, что скоро должен собираться. Странно как. Если бы опыт не удался, можно было бы отказаться. «Зачем анабиоз — нельзя проснуться». Так можно маскировать свою трусость. «Поживу несколько лишних месяцев». Теперь — нельзя. Шансы на «проснуться» прибавились. Раз первый опыт такой, даже без камеры высокого давления, то можно добиться.

Почему ты не радуешься! Надежда на долгую жизнь!

Зачем она мне? Тем более когда-то потом, не сейчас.

Предположим, проснусь. Что буду делать?

Брось! Будем смотреть, путешествовать. Любопытно. Ты же ученый! Выступать на вечерах с воспоминаниями: «Была великая война. Я служил доктором в медсанбате...»

Люба сейчас придет. Кажется, лучше бы не приходила. Остаться одному, одному уйти. Начнет тормозить: «Живи, живи»!

Зачем я ей? Что может быть более нелепого — больной любовник? Только несколько раз было после начала болезни. И то — плохо. Сейчас чувствую все. Стыдно. Несостоятельность. И у нее есть муж. Раньше было мучительно представлять их вместе. Теперь кажется — все равно. Есть, так есть. (Вот что значит подавлены гормоны. Физиология.)

Предлагала: «Давай брошу все, перейду к тебе. Буду до конца». Может, лицемерила? Звала, что не соглашусь. Ни за что.

Брось! Сам дерьмо и других считаешь такими же. Трус и эгоист.

Прости меня, Любушка! Пожалуй, ты бы сделала.

Неужели могла бы? Но как же ей было бы потом? Как с детьми? Нет, так нельзя делать. Мать не должна так делать. И я бы сам перестал ее уважать. Да и не сделала бы она. Не может быть.

Когда ее нет, растет отчужденность. «У тебя есть дети, семья. У меня одна работа и еще помощники. Юра, Вадим, Игорь, Поля».

Помощники.

Очень важно сознавать, что ты нужен кому-то. Необходим. Вот почему мне грустно. Они выросли. Я, кажется, уже не нужен. У Юры ясная программа деятельности. Есть авторитет у подчиненных. Называют его на «ты», но все слушаются, никто не спорит.

Нужно собираться в дальний путь.

У меня нет зависти. Я по-честному рад, если он пойдет дальше и быстрее. Только хочется немножко теплоты. «Вы — наш учитель»... В самом деле — я все-таки вложил в них часть своей души. Водил за ручку по дебрям науки, путь показывал. Диссертации исправлял. Учил экспериментам. Вадим пришел прямо из университета, ничего не умел...

«Подайте Христа ради...»

Замнем. Довольно слез.

Что-то она не идет долго. Опять что-нибудь задержало. Побудет час и заявит «бежать». Как я ей скажу о своем решении? Или опять по слабости отложу? Нет, больше нельзя. Тем более после удачного опыта.

Бедная — какое это будет бремя!

А ребята, по-моему, не верят, что я решусь.

Да ты и сам не веришь.

Нет — решусь. Палата: синий ночник над дверью. Тревожная, подозрительная тишина. Горячая подушка. Задыхаюсь. В голове глухой, непрерывный шум: у-у-у, у-у-у... «Приди, смерть, я больше не хочу ничего...»

Чу! Ее каблучки стучат по асфальту. Она. Она!

Бежит, как девочка, стройная, тоненькая. Размахивает сумочкой. Смешная, милая походка. Немного подпрыгивает, голова закинута. Это она прибавляет себе значительности и роста. Решительный, серьезный доктор.

Вот увидел, и вся отчужденность сразу растаяла, как дым. Ты так нужна мне, моя милая, так нужна! Юра уже уходит, Вадим, небось, тоже. Не могу я оставаться совсем один, поймите! Постой, есть еще Леня. Но он такой колючий, а хочется немножко нежности. Только ты...

Побегу встречать. Да, цветы нужно поставить на стол. Любит, Самые ранние гладиолусы.

Каблуки по ступенькам. Сердце тоже стучит. Двери уже открыл. Жду.

— Здравствуй, милый! Дай я тебя поцелую.

Руки на плечи. Целует необычно долго. (Неужели я не смогу?..) Запах волос.

Обнимаю крепко. Платье тонкое. Чувствую всю, всю ее. Мою милую. Желанную. Да! Да! Да! О, как неожиданно хорошо...

Пьем кофе. Люба сама накрывала. Ей нравится хозяйничать у меня. «Это мой дом». Верно. Никто не бывал раньше. Крепкие, красивые ноги, еще не успевшие загореть. Приятная легкость, и голова немножко кружится. Удовлетворение. О, это извечное чувство мужчины! А раньше не понимал: «Фрейд врет!» Нет, это — сильно. Меньше, чем у Фрейда, но достаточно. Измерить. Все нужно измерить. Зачем? Важный фактор поведения человека.

— Ну рассказывай, как прошел опыт.

Рассказал ей вкратце. Внимательно слушала, не перебивала. (Нужно все-таки было попробовать тот, второй режим, с перерывами. В другой раз.)

Закончил. Помедлила.

— Не думаю, чтобы можно было применить эту штуку в клинике, по крайней мере в хирургии. Если поступает больной с шоком, то у него есть раны, и нельзя лишать кровь способности свертываться, чтобы приключить АИК.

— Вот уж это ты брось! Если бы хорошо отработать параллельное кровообращение, то можно лечить всех больных, у которых сердечная слабость. А разве таких мало? Когда с этим соединим камеру, почку и длительный наркоз, то это вообще будет революция в реанимации. Тоже мне, доктор, не понимаешь такой важной вещи!

(Ограниченность. Досадно.)

— Этого же еще нет. Хотя, конечно, гипоксия — главная причина смерти. Только очень уж сложно. Ты говоришь — участвовали двадцать человек? Значит, нужно такую бригаду держать? Да наш горздрав задавится — не даст. Представляешь: для круглосуточного дежурства сто человек!

— Что ты думаешь, так всегда и будет? Все упростится. Во-первых, будут автоматы. Во-вторых, часть исследований отпадет, так как будут выбраны самые необходимые. Но человек десять в смену, наверное, останется. Плюс помещения. Конечно, вещь не дешевая, зато и эффект будет: человек сто за год можно спасти в таком городе, как наш.

— И с инфарктами тоже?

— Конечно.

— Тогда начальство заинтересуется. Ты напиши докладную записку.

— Не смейся. Записку я писать не буду, но Юра тоже говорит, что это нужно «подать».

— Правильно говорит. Реклама — двигатель торговли.

Потом она что-то рассказывала о своем отделении. Какие-то мелкие факты, почти сплетни. А я не слушал, только смотрел и думал.

За что она меня любит? Мои научные идеи для нее не очень интересны. Она практический врач, не по должности, а по складу души. Науку оценивает через чувства: хорошо ли ее больным? Знает свое дело, читает, но на теории не реагирует. Жаль, конечно. Могла бы.

— Ты еще любишь меня, Лю?

— Зачем задавать такие вопросы? «Сердце, верное любви, молчать обязано». Песенка такая глупая была, во времена моей молодости. Ты помнишь ее?

— Нет, я мало тогда слушал песни.

— «Книжный червь». Твоя мама была права.

Опять болтовня о пустяках. Я люблю ее слушать, но сейчас не до того. Все время сверлит мысль: нужно приступить к главному. Или еще отложить? Нет. Давай.

— Знаешь, Лю, а ведь в нашей установке можно получить анабиоз. Тебе знакомо это слово, доктор?

— Ты меня совсем ни во что не ставишь.

(Она еще не подозревает, к чему клоню: «Обычные его фантазии».) Занялась букетом: компоует цветы.

— Я читала, что в Японии существует специальное искусство — составлять букеты. Вот бы изучить. Ты это для меня купил?

— Да, для тебя. А что бы ты сказала, если бы я провел этот опыт с анабиозом на себе?

Взрыв.

— Что?! До каких пор ты будешь меня истязать? Ты думаешь, мне легко сидеть, болтать с тобой о цветах, о твоей машине и видеть, как твое лицо становится все... Нет, так нельзя!

Вскочила, забежала по комнате. Лицо в пятнах. Губы сжаты. «Глаза ее метали молнии», — говорили в романах.

Молчу. Пусть успокоится. Град слов: «То-то-то».

— Ты думаешь, мне дешево дается эта любовь и твоя болезнь? Вон, смотри.

Сложила складку из платья на талии. Порядочно.

Чувствую, что с трудом удерживается от резких слов. О, она умеет ругаться. Эти бури мне знакомы. «Ты ничтожество! Эгоист!». И другие.

— Герой нашелся! Он «попробует анабиоз на себе»! Мне нужно, чтобы ты был живой, понимаешь? Нужно!

Она просто не поняла. Думает — обычный опыт — охладить и нагреть. Осторожно разъяснить. Нет, пусть еще побеждает немножко. Всегда хороша: когда смеется, когда злится, когда плачет. Не могу передать словом. Непосредственность? Искренность? Просто я ее люблю.

Остановилась у окна, смотрит на улицу. Барабанит пальцами по стеклу.

— Успокоилась?

Пытаюсь ее обнять сзади, за плечи. Не реагирует. Поворачиваю.

— Ну посмотри на меня, посмотри.

Брови нахмурены, во глаза влажные. В них еще отчуждение. Уже проходит. Я знаю их. Милые глаза.

— Я готов ради тебя умереть. (Врешь — это ты сейчас готов. Потом нет.)

— Не нужно мне. И вообще зачем глупые фразы?

— Но ведь смерть-то неизбежна. И — скоро. Ты помнишь, какой я был, когда ты заходила в палату?

(Я тоже помню тебя: губы сжаты до синевы, глаза растерянные. «Помогите!» Шепчу: «Уйди, уйди — не хочу при тебе...»)

— Не надо вспоминать. Теперь тебе уже хорошо.

— Лю, ведь ты доктор. Зачем тебе рассказывать о болезни? Пойдем сядем. Сядем рядком, поговорим ладком. (Сюсюканье.)

Уступила. Села рядом на диван. Держу ее руку: маленькие мягкие пальцы с короткими ногтями. Я люблю ее. И — немножко играю в любовь. Нужно ее убедить.

— Ты знаешь, как страшно умирать от удушья? Хорошо, если будет какой-нибудь другой конец, например, кровотечение. Тогда тихо потеряешь сознание. А вдруг — кровоизлияние в мозг? Лежать с

параличами, с потерей речи. Что-то мычать с перекошенным лицом. Потерять человеческий облик. Ты видела достаточно больных...

Она смотрит в пол. Наверное, думает: «За что?»

— Ты, конечно, смотрела историю болезни и говорила с Давидом. Новые обострения неизбежны, как бы я ни оберегался. Вопрос времени — и недолгого.

Я не просто хочу попробовать. Я хочу остаться в анабиозе многие годы. Пока не найдут средство против лейкозов. Как ты думаешь, скоро его найдут?

Механически отвечает:

— Не знаю. Давид говорит, что скоро должны бы найти. Может быть, через год.

(Обманываешь, этого Давид не мог сказать. Тем лучше — попалась.)

— Ну, вот видишь. Я пролежу год, два, даже три. Найдут средство, меня разбудят, вылечат. Видишь, как я здорово хочу обмануть смерть?

Думает что-то. Наверное, представляет: я в саркофаге.

— А как же буду я?

Поддается. Наступать.

— Ты будешь ждать. Будешь работать, растить детей.

(Спросить: «Или ты уже свыклась с мыслью, что я умер, а ты свободна от этой тяжести — лгать?» Нельзя. Жестоко.)

— Я понимаю, что тебе будет тяжело. Но обо мне тоже нужно подумать: это единственный, хотя и маленький шанс. (Никакого шанса нет. Средство самоубийства. Нет, очень, очень маленький — есть. Убеждать ее пользой для науки? Не подействует.)

— Вообрази, какой будет фурор: «Профессор проснулся после трехлетнего сна!»

Вырвала руку.

— На черта мне фурор! Мне ты нужен.

Это не действует. Слишком искренна. Или недостаток воображения? Но поддается.

— Ну хорошо, не будет фурора. Проснусь тихо, мирно, как сегодняшняя собака.

Молчит. Сейчас ее мучает совесть: «Как я могла подумать о себе, о своем спокойствии, если есть какие-то маленькие шансы на его спасение?»

— Прости меня, милый.

— За что? (Притворяюсь. Невинность!)

— Так, прости. И ты серьезно думаешь, что это... пробуждение возможно?

— Конечно, серьезно! (Как же!) Конечно, я не буду уверять, что гарантия, но ведь в моем положении и тридцать процентов — находке. Жить-то осталось полгода. (Не будем уточнять. Надеюсь — год.)

— Нет, я не могу себе этого представить. Что же, так и будет — как с собакой? И... скоро?

(Вот — сдалась.)

— Успокойся, еще не очень скоро. Еще нужно камеру приготовить, новый АИК, почку, автоматику. Нужно провести несколько длительных опытов. Много еще дела, Больше, чем я хотел бы.

Улыбнулась горестно.

— А я уже думала — совсем скоро. Какой ты все-таки фантазер!

(Договаривай: «Все умирают себе спокойно, а ты сопротивляешься».) А может быть, она это и не подумала? Не нужно ей приписывать свои мысли. Сколько раз ошибался. Она чище и проще.)

— Значит, договорились? Даешь согласие?

— Не надо меня обманывать, Ваня. Я ведь знаю, что ты и без моего согласия уже все решил. Я не преувеличиваю своего значения. Помнишь, как я собиралась развестись?

Помню, как же. Струсил тогда.

— А может быть, было бы хуже, Лю? Сейчас было бы тебе плохо — все видеть вблизи. И в перспективе — одна.

Гладит мою руку. Простила.

— Мой друг, не меряй меня по своей мерке. Разве ты знаешь, как мне тяжело издали? Ты представляешь, как мне было дома, когда ты лежал там, при смерти?

Представил: она, Лю, задыхается, лежит в больнице, около нее муж. Мне нельзя. Разве что пройти под окном. Плохо. Очень плохо. Прости меня, милая.

— Даже в этом ты меня обгоняешь.

(Не завидуй, это пройдет. К потере близких тоже привыкают. Но это же будет не смерть? «Там он лежит, в саркофаге»... Ужасно.)

— Дорогая, ты просто не имеешь права так думать. Есть еще Костя и Дола. Разве ты забыла?

— Никогда я не забываю. Ты этого и понять не можешь. Но временами мне бывает невогноту. И тогда я призываю смерть. Потом спохватываюсь: «Дети. Не надо, не надо! Чур меня!»

— Бросим этот разговор. Я умирать не собираюсь. Расскажи лучше, как ребята год закончили.

Улыбается чему-то своему, внутреннему.

— Отлично. Дола принесла грамоту. У Кости только одна четверка. Знаешь, как приятно? Нет, не знаешь.

И не узнаю. Еще полгода назад была какая-то надежда — узнать. Впрочем, это она меня настраивала. Внутренней потребности не было.

— Костя с отцом готовятся к летнему походу. Втроем поедут, они и еще один приятель. Я так боюсь отпускать: вдруг что случится? Ты ведь знаешь, я всего боюсь. Везде мне чудятся несчастья.

— Знаю — идея возмездия.

Задумалась. Трудно ей жить. Труднее, чем мне.

— Я пересиливаю себя и стараюсь быть твердой и строгой с детьми. Стараюсь прививать честность и благородство. И в то же время со страхом жду — вот Костя вспылит и скажет: «А ты сама какова? Знаю я твою честность!» Что мне после этого останется? Нет, ты представляешь? Ведь в городе о нас говорят...

Да, что стоит моя ревность, мое одиночество в сравнении с этим?

— Все кончится, Лю, скоро кончится.

— Ах, какой ты жестокий все-таки! Или ты просто не чувствуешь, черствый?

— Лю, милая, я, конечно, не такой чувствительный, как ты. Но я умом понимаю: со временем все забывается. Имея двух детей, можно перенести смерть... любимого мужчины.

(Не любит она слова «любовник». Говорит, что оно не содержит любви, одну постель. Пожалуй, правда.)

Грустная у нас сегодня встреча. Смерть пережить можно, а вот эту штуку — саркофаг — много труднее. Хотя бы с вей не случилось чего-нибудь плохого. Психоз? Самоубийство? Может быть, нужно еще раз подумать? Не знаю... Отвлечь.

— А Дола что делает?

— Читает романы. Редко таких детей теперь встретишь. Многие вас с мужем осуждают, во все-таки я считаю, что ограничивать ее чтение не стоит. Она же остается нормальной девочкой — вышивает, даже играет в куклы. С подружками ладит. Как ты думаешь?

— Я не знаю. Ну, что она, например, теперь читает?

— Прочла «Дон-Кихота», сейчас — «Айвенго». Перед тем — «Два капитана». Список большой, все в этом духе.

— Такие книги повредить не могут. У нас печатают много дряни, но вредных книг я не встречал. Впрочем, я сейчас мало читаю. Нет времени, да и интерес пропал.

— А я читаю. Не могу без книг. Даже плохие читаю.

Встала, прошла по комнате. Провела пальцем по письменному столу. Показала с улыбкой: пыль. Неважно. Думает о чем-то своем.

Уже сумерки. Девять часов. Что-то мне не звонят ребята? Значит, все в порядке.

— Трудная это штука — детей воспитывать, Ваня.

— Да, меня это тоже интересует. Хотя и с других позиций — как будет развиваться общество? Только сегодня у меня был разговор с ребятами...

Рассказал ей. Села напротив. Слушала внимательно. Сумерки изменили лицо: контуры стерлись, глаза ввалились и потемнели.

— Мы с мужем (все время «мы»!) и друзьями много обсуждали эти проблемы. Три врага: обеспеченность и чрезмерная любовь родителей, дух неверия и критиканство и, наконец, телевидение.

— Что же вы делаете, как боретесь?

— Прежде всего — труд. Чтобы меньше свободного времени. И, конечно, идеалы. Сначала простые, так сказать, официальные, а потом нужно расширять их до общечеловеческих понятий — служение людям, гуманизм. Потом наука... И еще нужно бороться с распущенностью, правильное сексуальное воспитание.

Мне немного неприятно. Кажется, что она говорит чужие слова — Павла, его друзей. Хочется поспорить, но нет доводов.

— Ну и как ты думаешь — удастся? Особенно с идеалами — дело довольно трудное.

— Почему? Молодежь осталась столь же чувствительной к примерам, как и раньше. Нужно только их найти. И суметь подать. (Раздражение.)

— И ты тоже — «подать». Последнее время слишком много думают об этом «подать».

— Прости, слово в самом деле неудачное. Но согласишься, что оно хорошо отражает суть воспитания. И «подавать» — это еще не значит лгать.

Телефонный звонок. Вадим. Неужели сдохла? Тогда нормальный конец. Для Лю лучше. А мне?

— Извини меня.

В прихожей уже темно. Трубку — на ощупь.

— Да?

— Иван Николаевич, это я, Вадим. Докладываю: Дружок совсем проснулся, даже молочка изволил попить. Все показатели измеряем и записываем. Кровяное давление понижено — около восьмидесяти. Видимо, есть сердечная слабость, так как венозное давление выше нормы, и в легких прослушиваются застойные хрипы. Моча идет. Мы все стараемся регулировать, но все-таки есть гипоксия.

— Перечисли мне все данные подробно.

У кого-то требует таблицу. Жду. Люба стоит рядом, света не зажигает, почти не видна. Но я ее чувствую. Хотя — не до нее. Потом он называет мне цифру за цифрой. Дела не блестящи, но катастрофы нет.

— Пожалуйста, не переливайте много жидкости.

Люба шепчет: «Только белковые препараты. Строфантин. Кислород. Не надо давать пить».

Опытный доктор. Я повторяю все это Вадиму.

— Все поняли?

— Да, все. Но мне еще нужно что-то сказать.

Слышу: «Валя, пойди погуляй».

— Юрка рассказал мне о вашей беседе. Вы его простите, он просто болван. Получилось так, будто мы заговор устроили и уже вообразили себя невесть чем. Представляю, как вам было неприятно. Небось, подумали: «Ну и ученички!»

— Конечно.

(Люба зажгла свет. Любопытная — хочет читать по лицу.)

— Так вот, это все не так. Мы вас любим и уважаем. Никогда, слышите меня? Никогда мы вас не предадим... Конечно, ничего, ну никакой реорганизации без вас мы бы не стали делать. А план, о

котором он рассказал, мы вместе обдумывали. По-моему, хороший план? А? С этим подлецом работать нельзя. Так вы не будете на нас сердиться?

— А Юры нет с тобой?

— Нет. Он меня послал одного. Ему стыдно. (Так ли?)

— Ну ладно. Не подлизывайся. Великие комбинаторы. До завтра.

— Так вы обещаете не сердиться? Мы хорошие! Все!

Повесил трубку. Я так и вижу его возбужденную физиономию. «Мы хорошие!» Я верю. Приятно верить.

— Все-таки они неплохие ребята, Лю!

— У вас что-то произошло?

— Да, да. Я не успел тебе рассказать. (Мне просто не хотелось рассказывать, неприятно было. Теперь — другое дело, легче.)

— Ну, расскажи, да мне пора идти. Видишь, уже темно.

Уже пора. Появится, посветит и — исчезнет. А может быть, и лучше? Поэтому и любовь не проходит.

Сесть не захотела. «Нет, не хочу. Тороплюсь».

Я рассказал ей очень коротко о плане «завещания» (поморщилась), о разговоре с Юрой, об обиде.

— Ребята придумали правильно. Если будете при больнице — так, может быть, какую-то пользу принесете.

Мнение, как всегда, категорично. (Откуда у нее эта самоуверенность? От профессии?) Обидно. Будто они, врачи, сами по себе, мы — сами. Возразить.

— Нет, нет, и не возражай! Восемнадцатый год работаю врачом, но ни разу не почувствовала я пользы от физиологов. Химики — дали, бактериологи дали, а что получили от вас? Молчишь?

Затрещала! Досада.

— Подожди, подожди, не трещи. Ответь мне, как может существовать без физиологии анестезиология, реанимация, проблема искусственного кровообращения?

— Отвечу. Есть разная физиология: чистая и прикладная. Чистая — это вы. Никакого толку. Прикладная — это врачи, которые исследуют больных, ну и иногда ставят эксперименты. От врачей пошло искусственное кровообращение, реанимация, искусственная почка, все. Я за такую физиологию.

— Но ведь твоя врачебная физиология питается от нас, от чистых теоретиков!

— Может быть, когда-нибудь и питалась, а теперь что-то там копаешься со своими собачками, а мы лечим больных. Да вот пример: один ваш физиолог, я забыла фамилию, на кроликах изучает изменение кровообращения и дыхания после удаления легкого. Беседовал с нами. Я ему говорю: зачем губить кроликов, приходите ко мне в отделение, изучайте больных! Те же пробы можно проделать, если вам интересно. Нет, говорит, это не то, А почему ответить не мог. Докторскую диссертацию пишет — ты представляешь?

Я знаю этого товарища. Физиолог чистой воды.

— Что же, значит, закрыть физиологию?

— Всю, наверное, закрывать не надо, какие-то сугубо теоретические вопросы есть. Я не знаю. (Спасибо!) Но большинство бездельников нужно разогнать. Пусть работают вместе с врачами.

Сам знаю недостатки, но когда вот так нас порочат — задевает. И, главное, ведь она не понимает сути... И многие врачи так думают.

— Что же, по-твоему, нервную клетку, мозг тоже в больнице нужно изучать?

— Не в больнице, а рядом с больницей. Чтобы чувствовали, на кого работают. В общем, ты меня не убедишь. Поэтому переезжайте к нам в клинический городок. Оплодотворяйте нас своими идеями.

(Конечно, тебя не переспоришь. «Оплодотворяйте». Тоже — слово! Смолчу.)

— Ваня, хотя ты и запретил мне спрашивать о болезни, но все-таки скажи, как себя чувствуешь?

— Ничего, день пережил. Как видишь, (Намек поняла.)

— Я пойду.

Жалко отпускать. Хотя бы раз осталась на ночь! Чтобы не спешить, разговаривать, спать... Все поняла. Видно по мне.

— Нужно. Ну-ж-но. И — нельзя. Поцелуй меня.

Целую много раз. В щеки, в глаза, в губы. Обнимаю нежно. Ощущаю ее всю, мою милую. Без страсти, только нежность.

— Пусти меня, иначе я не уйду.

Пустил. Не удержать.

Ушла. Двери закрылись, и каблучки простучали по лестнице. Затихли.

Выбежал на балкон. Белая фигурка растаяла в теплой полутьме. Не оглянулась. Мысли ее уже там, дома.

А я остался один.

Опять один.

Так плохо, когда она уходит. Я еще вижу ее здесь, разную... Пальчиком провела по столу. Показала с улыбкой — пыль. Спорит: глаза блестят, лицо жесткое. (Ограниченность!) Потом вдруг улыбнется — ямочки на щеках. Как ребенок. И еще одна — страсть. Белые руки, закинута за голову, полузакрытые глаза. Влажные губы. Вся — как струна. Звенит. Не нужно вспоминать. Не хочу. Достаточно ощущать ее здесь. Чувствовать запах волос.

Ушла.

Попросить бы получше — осталась. Но мучилась бы. А зачем она — с муками? Еще хуже.

Одиночество обступило со всех сторон.

Странная мысль, уже много раз: залезть под письменный стол. Сидеть там, скрючившись между тумбами, отгородиться креслом. Кажется: недоступен. Все меня ищут, черные мысли — тоже, а я сижу, притаился. И Смерть пришла, не увидела. И Любовь. И Дружба. Всякие заботы, обязательства. А потом уснуть...

Нет. Нужно делать что-нибудь. Делать. Иначе — с ума сойдешь. Тоже неплохой выход? Нет, не хочу. Помню: студент, занятия по психиатрии. Дантов ад. Голые тела. Станные позы. И — глаза, безумные. В некоторых ужас, в других — нечеловеческое страдание. Не хочу.

Убрать со стола. Потом заняться делом. Вадим оставил свои новые схемы регулирующих систем. Посмотреть.

Или, может быть, лечь, почитать? Есть новый роман.

Нет. Начинал уже этот роман — казенный оптимизм раздражает.

Юра. Казалось, все ясно в нем, никаких тайн. И вдруг — опять незнаком. Взрослый человек, твердо знает, что делать. Возможно, вынашивает честолюбивые мечты. А может быть, из тех подвижников, только на современный манер. Кибернетик. Нужно пойти с ним к Борису Никитичу, уговорить взять лабораторию к себе в институт. Настоящая современная физиология и настоящая физиологическая кибернетика, а не те декларации, что сейчас печатают. Мой вклад. Как же, гений!

Приятно, что Вадим позвонил. Так страшно обманываться в людях. Предательство учеников. Измена возлюбленной. Лицемерие друга. Тогда — и жить нельзя.

А что если позвонить Ленке? Приглашу? 9:30. Еще не поздно. Так хочется поболтать с ним... Последний раз мы виделись в больнице на тон неделе. Были люди. Мешали.

Но нужно ж просмотреть схемы Вадима. Несколько глав его диссертации, одна — Игоря. Захочет ли Игорь перейти с ребятами? Наверное, да. А Семена они сами не возьмут. Ни к чему. Надоели эти диссертации. Правда, наши интересные. Характеристики сердца. Модель регулирующих систем. Защищать они уже будут без меня. Года два, три пройдет, они уже станут на собственные ноги. Если не перессорятся. Вадим, кажется, покорился Юре. Он — хороший. Одна беда — плохо воспитан: мало выдержки, такта, Оставлю ему свою квартиру. Доброе дело. Но не скрою — жаль. Мои книги, вещи, все куда-то денется. Вещи — они как живые: жили-жили, а теперь убирайся в чужие люди.

Ну, что, позвоним? Посидим часок, другой. Если он еще не пьян. Стоит ли мне утруждать себя диссертациями под конец? Не так много удовольствий осталось. В конце концов сегодня я уже заработал отдых. Опыт удался. После Любы никогда не работается.

Иду звонить. Восстание.

— Марина Васильевна? Леня дома? (Говорит, что дома. Даже почти трезвый. Занимается. Позовет.)

— Леня, может быть, ты придешь навестить болящего друга? Да, немножко есть. (Это о коньяке.) Марина пусть не беспокоится, много не дам. Просто у меня нет. «Маленькая» одна. Приходи. Расскажу об опыте. Реальная возможность увидеть будущее. Жду. Привет Витальке.

Все. Грехопадение совершилось. Вечер пропал. Беда в том, что потери времени невосполнимы. Что не сделаю сегодня, уже не сделать через годы.

Смотри, цветок так и остался на столе. Она составляла букет (как в Японии!) и потом забыла. Поставить его в воду. Бедный. Сантименты. А почему? Он чувствует жажду. Границы жизни — в растениях. Сложные структуры, со своими программами, которые обеспечивают рост, развитие, размножение... И — умирание. Нет, это уже от нарушения программ. Старость — накопление помех. Между

клетками, в клетках в течение жизни собираются какие-то «нестандартные» атомы, молекулы, загромождают, мешают. Машина работает все хуже и хуже, пока не остановятся какие-то важные агрегаты, например, сердце. Смерть.

Старость — неизбежна. Только вопрос времени. Раньше — позже. Конечно, можно над этой машиной поставить другую, более сложную. Она будет моделировать первую, учитывать накопление в ней помех, оказывать воздействие с целью очищения от вредных примесей. Это во многом удастся, жизнь удлинится. Но в этой, высшей машине тоже будут накапливаться свои помехи, и она тоже будет стареть... И так — без конца. Бессмертие организмов как биологических систем невозможно. В принципе невозможно.

А вид? Только насильственная смерть? От конкуренции других? Наверное, да. «Помехи» могут накапливаться и в генетическом аппарате — уменьшится приспособляемость к внешним условиям. Если полезные мутации своевременно не изменят вид в благоприятную сторону.

А социальные системы? Еще сложнее. Спросить Леньку. Мои болезни сегодня совсем утихли. Интерес. Можно забыть даже о смерти. Человеческая кора мощная штука.

Леня скоро придет. Здесь близко. Марина, наверное, не очень довольна моим приглашением. Уже был дома — значит, в безопасности от соблазнов. Трудно ей жить. Алкоголизм — разрушитель семьи. Нет, он не гуляет. Как я и помню — был равнодушен к женщинам. Потом взял и сразу женился. Наверное, не был счастлив. Может быть, оттого и пьет? Этот вопрос не обсуждаем. Мужское «табу». О Любе — тоже. Знает, но говорим редко.

Все-таки подсознательно Люба хочет моей смерти. Писатели и психологи очень наивны: всегда изображают человека в одном плане. Будто он хочет чего-нибудь одного. В действительности — сплошные противоречия. Сейчас одно, через минуту — другое. Или еще — одновременно и то и то. Или только у меня? В чужую голову не влезешь. Нет, наверное, это у всех.

Она уже настроилась. Как пожар: сначала масса мучений, все гибнет на глазах, любимое. Потом — пепелище. Апатия. А затем построить закуток и собрать в него, что уцелело. И постараться найти что-то, чтобы жить. У нее есть. Работа. Заговорила о диссертации.

(«Что я, глупее других?») А раньше, когда предлагал, «зачем мне? Слишком много ученых!».

Дети. «Мы решили, мы обсудили». Павел — разумный. И как мужчина — не чета мне. Видный. Чутьочку полноват, пожалуй. Дело вкуса. (Не будь циником.)

Как вырождается любовь! Раньше влюблялись и все бросали. Пренебрегали запретом церкви, презрением общества. Оставляли детей, положение. А теперь? Пожалуйста — расходись. Но — нет. У меня наука. У нее — дети, их интеллектуальное воспитание. И тоже — работа. А для любви кусочек «от сих до сих».

В новом обществе семье ничто не угрожает. А свободной любви не будет. Это хорошо. Поздно испытал, но думаю, что нельзя выпускать страсти на волю. Это может стать угрозой для собственного интеллекта и для общества.

Сейчас она подавлена. Нужно создавать все заново: как будто нет смерти (хорошо!), но нет и освобождения от лжи. Впрочем, она будет свободна. На свидания ходить не нужно. Только этот саркофаг — как немой укор. И еще немного страха: а вдруг проснется и заявит права?

Сложная проблема, а мне плохо и так и так.

Походим. Семь шагов туда, семь — обратно. Эстампы нужно сменить надоели. Зачем? Попался: не веришь в смерть? Может быть, не отдавать квартиру? В институте кибернетики Вадиму могут дать. Все-таки я — герой, отправляюсь в будущее, как в космос. Прости — не совсем. Космонавты молоды и здоровы. И Вадиму квартиру не дадут: у них площадь в семье достаточная. В правилах пока не предусмотрено предоставление квартиры для спасения от тещи. И на обмен эта мамаша не пойдет.

Придется отдавать.

Чудак — что стоят эти цацки: бюстик Толстого, глиняная вазочка для карандашей? (Толстой — от мамы!).

Теперь я понимаю, почему у древних в могилы собирали любимые вещи: человек не верит в смерть. И теперь не верит.

Но я-то знаю, что там НИЧЕГО НЕ БУДЕТ.

Чего он не идет?

Мог бы позаниматься. Ничегонеделание — это удовольствие. В молодости не понимал. Каждую свободную минуту — книга. А теперь могу ходить или лежать и думать, думать о всякой всячине.

Звонок. Пришел. Поцеловались. Кто бы видел — не поверил. Ленька, такой насмешник, — целуется!

— Здравствуй. Проходи. Садись вот тут — в кресло.

— Пепельницу давай. А это — убери. (О цветах. Притворяется?)
Неустойчивая штука, упадет, зальет.

Ставлю ему пепельницу. Большую. Иначе все засыплет пеплом.

— Ты молодец, держишься, не куришь. Железная воля. Как твоё здоровье?

Раздражает — «как да как».

— Поди к черту. Зачем ты меня спрашиваешь об этом?

— Это ты брось. Мне важно. Помрешь, большой кусок души уйдет с тобой. Без мала тридцать лет — не часто бывает.

— Ты, кажется, сегодня трезвый? Удивительно.

Смеется. Похож на монгола — скулы, глаза. Морда насмешливая. Принимает ли он что-нибудь всерьёз?

— А знаешь, что я сейчас читал? Хемингуэя. «По ком звонит колокол». Здорово. По-моему, самое лучшее. Потому что всюду звучат социальные ноты. Мы ведь, сами того не замечая, привыкли к общественной оценке всякого произведения. Ты заметил?

— Это верно. Одни любовные истории и картинки природы — не звучат. И что же Хемингуэй — «за» или «против»?

— Насколько я понял, «за». Вот послушай, я тебе перескажу эпиграф, я запомнил:

«Нет человека, который был бы как остров, сам по себе. Каждый человек есть часть материка, часть суши, и если волной снесет в море береговой утес, меньше станет Европы, и так же если смочит край мыса или разрушит замок твой или друга твоего. Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я один со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе. Джон Донн. XVI век».

Сильно, правда? Каждый человек отвечает за все, что делается в этом мире. Конечно, не все у него совпадает с нашими представлениями, так что за беда? Неужели мы не сумеем разобраться?

— Так что же ты предлагаешь? Печатать все без разбору?

— Брось. Всякое дело нужно разумно организовывать. Нужно переводить книги настоящих мастеров — они воспитывают вкус у читателей и у писателей.

— Это верно. И вообще — не нужно печатать плохие книги. Смотреть — не только «о чем», но и «как».

— Значит, ты за умеренную регламентацию?

— Я за разумную. Еще за доверие. (Сейчас я его поймаю.)

— Скажи мне, друг, а можно ли и как определить меру регламентации? Конечно, она необходима в каждой системе управления: это те пределы изменения некоего фактора, показателя, за которыми должны вступать регулирующие воздействия. Но как?

— Вопрос правильный. Есть ли мера измерения свободы или, например, порнографии, которую, по-моему, печатать не надо.

— Ну зачем ты смеешься? По существу.

— Давай по существу. Есть целый ряд понятий, которые можно определить как социальные. Они имеют качество, чем и отличаются от других, и количество — степени внутри качества. Я думаю, что степени можно определить методом простого опроса. Это вид социального исследования, который совершенно недостаточно применяется у нас.

— Очень запутанный вопрос. Нужен какой-то общий подход к решению подобных задач. Бессмысленно решать голосованием узкоспециальные вопросы, в которых голосующие ничего не понимают. Конечно, еще более рискованно решать это одному.

— Наука в условиях свободы обсуждения — вот единственно надежный критерий выбора правильного решения.

— Знаешь, друг, служители науки уж очень субъективны. Тоже ошибки будут. В тех загибах, что у нас были, ученые сильно виноваты.

— А для того, чтобы этого избежать, нужны количественные критерии. Цифры. То, что вы у себя в лаборатории делаете, — математическое моделирование. Это же можно распространить на все области наук.

(То же говорил Юра. Да и я это знаю.)

— А не кажется ли тебе, Леня, что в основу всего этого — оценки информации, решений — нужно положить еще что-то очень важное, какие-то общие принципы?

— Вот что, Ваня, ты меня совсем заговорил, а коньяк не ставишь. «Все Жомини, да Жомини, а о водке ни полслова...»

— А я-то думал, что за интеллектуальными разговорами ты совсем забыл об этом деле.

— Черта с два! Давай ставь. Мозг нуждается в питании.

Алкоголик. Марина говорила, что пьет каждый день. Спрошу. Скрытный, не любит откровенничать. Вылечить может только сильная встряска, например, болезнь. Инстинкт самосохранения обычно очень силен. Но в данном случае я не уверен.

— Так ты, Ваня, говоришь, нужны принципы? Попытаюсь. Еще не говорил тебе — свежие.

Цель: рациональное общество. Главное требование: счастье всех людей. Заблуждаться, однако, мы не будем — полное счастье для всех невозможно. Мы уже говорили как-то: центры приятного и неприятного, адаптация. Значит, вопрос об оптимуме счастья.

Компоненты его тоже известны: инстинкты — еда, семья, отдых, тщеславие. Сложные рефлексy: свобода, любопытство, труд для достижения цели. Есть такой рефлекс, физиолог?

— Говорят, что есть. Рефлекс цели. Еще Павлов признавал.

— Раз Павлов — значит, все в порядке. Кроме этих животных источников счастья, есть еще общество. Удовольствие от общения — лучше с коньяком. (Не паясничай!) Творчество. Искусство. Благородные поступки самоотверженность. Может, и еще что-нибудь, не вспомню. Не так уж часто встречается.

— Неправда.

— Хорошо, пусть неправда. Значит, источники — разные. И противоречивые. Часто один человек получает удовольствие за счет другого. Вот психологи вместе с вами должны проделать такую работу — составить «баланс счастья». Найти варианты у разных типов людей. Можно это сделать? Есть у вас, физиологов, методы объективной регистрации состояния счастья и несчастья?

— Есть. Не то чтобы уже есть, но возможны. Возбуждение центров удовольствия имеет отражение в функции внутренних органов. Правда, сложно, но, наверное, можно создать аппараты и методы.

— Хорошо, не отвлекай. Можно — значит можно. Я забыл еще сказать вот что: путем тренировки коры удовольствие от всех животных чувств можно усилить во много раз. И тогда любой из инстинктов может стать пороком. Инстинкт питания даст жадность, половой — разврат, самосохранения эгоизм, властолюбие. И так же можно развить хорошие. Любовь к детям даст доброту, любопытство

создаст ученых, рефлекс цели — волю и, наверное, творчество? Я еще не думал.

(Хорош Ленька, когда в меру выпьет. Фантазия, красноречие, обаяние.)

— Второй вопрос — это воспитуемость детей. И взрослых, конечно. Насколько можно подавить вредные инстинкты и привить полезные общественные программы? Что-то я не знаю таких исследований, а без них — нет базы. Это только утописты говорили, что в каждом человеке заложен ангел. Возможности воспитания, небось, большие, но их нужно количественно определить. Вез этого — нет фундамента. А может быть, ты знаешь о таких научных работах?

— Я? Нет. Я специально этим не интересовался.

— Конечно, ты же профессор. Изучаешь только от одной точки до другой. Не больше.

— Отстань. Давай дальше, энциклопедист.

— А я, пожалуй, им завидую. Какой-нибудь Гельвеций мог знать почти всю науку своего времени. По крайней мере все важное. А теперь немыслимо. Вот дали бы мне институт — я бы провел изыскания по всем этим вопросам. Жаль, не дают. Не понимают.

(У него тщеславие есть, только перед собой.)

— Ну, продолжай.

— Продолжаю, коли есть охота слушать. Так вот, сначала установим компоненты счастья, потом нужно изучить организацию. Как реализовать возможности, заложенные в человеке? Как создать точную систему, чтобы обеспечить оптимальное счастье? Я вижу три главных направления: организация труда и материальной жизни, организация воспитания и, наконец, — управление.

— Слушай, а не пахнет все это крамолой?

— Ничуть. Только научный подход к построению коммунизма на современном уровне. Наука сильно двинулась вперед, этого забывать нельзя. Можно продолжать?

— Конечно. В конце концов я не эксперт в этих вопросах.

— Начнем с труда. Нет, лучше с воспитания. Для этого опять же нужно ввести некоторые принципы. Например, такие: минимум насилия. Это не то чтобы непротивление злу, но минимум. В крайнем случае. Второе — уважение свободы других людей. Третье — привить потребность к труду. Потребность, а не по принуждению. Это

возможно. Четвертое — уважение к семье. Строгость морали. Пятое — ограничение честолубия. Не полное его уничтожение, но ограничение. Количественная мера. И шестое — бороться с чрезмерной приверженностью к вещам — с жадностью.

Молчу. Интересно. (Ему нравится проповедовать. А кому не нравится?)

— Я, конечно, понимаю, как это трудно — проблема воспитания, но без ее разрешения никаких надежд на лучшее общество нет. Этот вопрос особый и трудный. (Ты, теоретик! Парня своею не воспитал, как нужно. Это — плохо. Вон Люба, у нее теории мало, но она твердо ведет линию. Тоже принципы выдвигала. Везет мне сегодня на принципы!)

— Труд прежде всего обязателен. Это у нас правильно. Дальше. Есть оптимум обязательного рабочего дня, разный. Излишний досуг — он вреден для очень многих людей. Тоже нужны специальные исследования. Главный вопрос чтобы люди хорошо работали, на совесть. Радикально это решит воспитание, а пока нужны временные меры, «пети-мети», но в разумных пределах. Нельзя давать обогащаться, иначе вреда будет больше, чем пользы. Опять нужна наука — сколько платить.

— Слабовато это выглядит у тебя.

— Сам чувствую. В одном уверен — нужно поощрение, хорошая организация труда и воспитание, но не отступление к тельцу. Голый энтузиазм так же не годен, как и голые деньги.

— Ясно. Количественные критерии для сознательности и стимулирования.

— Да. И еще одно замечание — нужен научно обоснованный оптимум благ, чтобы не чувствовать лишений, но и не поощрять жадности. Начальство, конечно, должно показывать пример. Наша гигиена может «запросто» решить эту задачу вместе с психологами. Комната на человека, простая питательная пища, удобная одежда. А зачем лишнее? Нужно прививать новое отношение к вещам. Они не самоцель.

— Может быть, до этой пропаганды сначала нужно достичь определенного уровня, а потом предлагать ограничения? Как ты думаешь?

— Мещанин ты! Уровня нужно добиваться, верно, но высказать определенные взгляды на этот вопрос — тоже необходимо. И сейчас! Иначе какие же мы коммунисты?!

— Не знаю, не думаю, чтобы это было своевременно.

— Хорошо, оставим. Третий пункт: сфера управления. Это самое важное: организует труд и воспитание, обеспечивает устойчивость существования и развития общества. Два аспекта — система и аппарат. Система должна строиться по общим принципам управления: обратная связь, способность к саморегуляции и совершенствованию. Аппарат должен сочетать стабильность и сменяемость. У старых работников — опыт, но у них же обязательно развивается честолюбие, оно искажает функции управления. Все эти вопросы, между прочим, тоже вполне доступны науке.

(Совсем незаметно, что он выпил. Только глаза блестят и щеки порозовели. Привык. Это для него, как курение. Но все, что сказал, — это «вообще». Я не возражаю, ни это рассуждения. А реализация? Возможно ли? Кибернетика?)

— Ну, допиваю последнюю каплю. Горючее иссякло, машина не пойдет. Ты мне об опыте хотел рассказать.

(Врешь — тебе интересна критика. Попытаюсь.)

— Все очень интересно. Я согласен. Нужен научный подход к воспитанию, организации труда, управлению. Только наук пока таких нет. Психология, социология — они пока находятся в стадии накопления фактов и качественных гипотез. Я считаю, что без кибернетического метода, без моделирования эти науки не много помогут практике.

— Ты все правильно говоришь, профессор. Тут мы давно договорились. Моделирование, действующие модели и т. д. К сожалению, до сознания многих не доходит даже сама постановка вопроса — научный подход к этим трудным проблемам. Между прочим, ты заметил? Сам вопрос о моделировании полезен: ученым мужам приходится по-новому оценивать свою старую науку. Отказаться от общих рассуждений и переходить к строгости. Ну, а машины — пока ерунда.

— Ты все-таки ужасно самоуверен, Ленка. Как ты берешься судить о таких сугубо специальных вопросах?

— Преимущество дилетанта. Дилетант, он сам берет себе право обо всем судить. Специалисты смеются, но иногда дилетанты бывают правы. И потом я высказываюсь только за рюмкой. Это не страшно.

(Уже хватит. Пить хочу. Нужно закругляться. И об опыте еще хочется рассказать.)

— Леня, наша сегодняшняя беседа, как интервью знаменитого ученого газетному журналисту. Давай кофе пить. Главные проблемы решили.

А ведь я, возможно, увижу это будущее. Не очень отдаленное, но мир развивается быстро. Хотя я и не заметил, чтобы люди изменились за мою жизнь. Нет, изменились. Стали лучше. Правда, мир может погибнуть. Остается только надеяться на силы мира и на науку. Счастье людей измерят и систему, дающую оптимум, определят... Но как? И почему не удалось до сих пор? Только с помощью машин. Будущих машин. Леняка прав — пока они слабы.

Интересно будет посмотреть: структура общества? Системы управления? Роль машин? Человек?

Пошел ставить чайник. Может, дать ему вина? Коньяка нельзя. Явно. Нет. Пусть пьет чай. Марина обидится. Не понимаю, что хорошего? Для меня — одна горечь. Еще не успел опьянеть, а уже тошнит и рвет. Защитный рефлекс. Интересно, что он скажет об опыте, о перспективах. Он все знает. Неглубоко, так широко.

Он меня или совсем не жалеет, или хорошо притворяется. Даже обидно. Ты лицо мер: просишь, чтобы не выказывали жалости, а когда так делают неприятно. «Не любят».

Кофе готов. Подожду чая. Чтобы вместе. Печенье дать. Не буду особенно подробно расписывать опыт. Поскромнее. Как-то там собака?

— Скоро ты придешь, хозяин? Гость скучает.

— Сейчас. Посмотри там газеты.

Закипает. Сильная штука — газ. Помнишь, в детстве согреть самовар целая проблема. Угли, лучина, раздувать. Зато на столе было уютно. Впрочем, это я так, повторяю за кем-то. Все равно.

Все готово. Заварим покрепче, чтобы прояснило мозг. Настаиваться будет там.

Сидит за письменным столом, читает что-то.

— Ну, давай, садись чаевничать.

— Любопытно пишут в «Литературке» о генетике. Я думал, уже забыли старые грехи, а они еще вспоминают. Читал?

— Нет, еще не было времени. Перед сном.

— Ну, теперь давай опыт. Любопытствую.

— Ничего нового я тебе сообщить не могу. Обычная гипотермия, какую применяют хирурги, только температура значительно ниже. Больше двух часов было два градуса в пищеводе. (Это я притворяюсь скромным...)

— Что же, это неплохо. Какой вы получили обмен веществ в отношении нормального?

— Что-то около двух процентов. Еще точно не сосчитано.

— Один день жизни — пятьдесят дней гипотермии?

— Приблизительно да. Впрочем, других расчетов пока нет. Похваляюсь собака проснулась хорошо и вечером была жива. Все сделано по высшим стандартам.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Качество регулирования внутренней среды. Все показатели не выходили за границы нормы.

— Расскажи подробнее, с начала до конца. Это интересно.

Рассказываю не очень подробно, но достаточно. Второй раз, как автомат. Попутно наблюдая за реакцией. И где-то стороной — сознание — думаю о разных вещах. А еще где-то чувствую боли в животе.

Слушает молча. Внимание сохранено — не опьянел. Что за человек? Чуть не тридцать лет дружим, а по-настоящему не знаешь. Философский склад ума. Еще в институте был главный спорщик. А к людям он равнодушен. В семье холодок. Мать — сын, он отдельно. Может, скрывает? Все одни смешки. Не видел в трудных ситуациях. Впрочем, воевал хорошо. Несколько орденов.

Рассказываю о нагревании. Как были все напряжены! Будто один организм.

Ему и на меня наплевать. Не замечал, чтобы проявлял сентиментальность. Не суди. Что за обидчивость? А сам каков? Тоже — равнодушный. Сказать о Юре?

— Как ты думаешь — имеет смысл переводить лабораторию в институт кибернетики? (Рассказал о планах, приукрасил немного, скрыл обиды: высмеет.)

— Ребята твои придумали разумно. Там им будет легче. Этот Юра, видимо, толковый. (Он уже меня списал в расход. Первый раз за вечер проговорился.)

Расхваливаю Юру. «Вот посмотри, есть активные философы. Не боятся замахиваться на большое».

А Люба, наверное, все думает и думает. Сживается с новой ситуацией. Может быть, и не будет еще ничего? Нет уверенности, что не отступлю в последний момент. А хорошо бы чего-нибудь случилось: р-раз — и готов. Чтобы и подумать не успеть.

Конец рассказа. Собака проснулась. Что скажет?

— Ваня, ты еще не оставил своей фантазии об анабиозе? (Напрасно я ему рассказал тогда...)

— Нет. А почему я должен ее оставить?

— Да так. Все это сильно смахивает на дешевый роман.

— Знаешь, друг, разные взгляды. Поставь себя на мое место, все прикинь, потом скажи.

— Да уже ставил. Конечно, ты придумал здорово, но как-то нескромно. Как каждое самоубийство.

— А мне наплевать на приличие в таком деле. И совесть моя чиста никому ущерба не нанесу. (Не совсем — Люба. Ты, конечно, перенесешь.) И с каких это пор ты проникся таким уважением к приличиям?

— Пожалуй, ты прав. Привыкнешь к некоторым понятиям и даже не думаешь, чего они стоят. Действительно — кому какое дело? В системе в целом мораль нужна, но с позиции каждого гражданина — она фикция. Осуждение самоубийства — что это такое? От религии пошло, а у нас? Долг. Непорядок, если каждый будет плевать на свои обязательства и уходить, когда захочет.

— Как ты, например, со своим пьянством. Почему-то это ты считаешь приличным.

— Сдаюсь! Уточни: в какой степени серьезны твои расчеты на возможность проснуться? (Ответить откровенно.)

— Знаешь, до чего паршиво мне было в больнице? Прямо чувствовал — вот умру. Страху не было, но, когда тебя душит, — ужасно. Я все еще под этим впечатлением. Конечно, если бы сказали, что умрешь без мук и без предупреждения, я бы примирился. Зачем в самом деле поднимать шум? Я тоже не люблю громких фраз.

— Вот, вот. Но все-таки о «проснуться» — выскажись.

— Я думаю, что шансы есть. Но, конечно, доказательств у меня мало. Вот достроим камеру, усовершенствуем АИК, тогда проведем длительный опыт.

Задумался. И я молчу. Что он скажет?

— В будущем, конечно, эту проблему решат. Только я думаю, что физических факторов маловато. Химия должна помочь: ингибиторы, средства, тормозящие жизненные процессы. Ты слышал, конечно, о поисках гормонов у зимнеспящих? Может быть, уже нашли?

— Нет, не нашли. Иначе просочились бы какие-нибудь сведения в печать. Мы следим.

— Ну что же, «ехать так ехать», сказал попугай, когда кошка тащила его под кровать... Ты все-таки не торопись. Можно еще потянуть, если лечиться правильно. Мне говорили, что ты злоупотреблял работой.

— Еще ты будешь призывать меня к осторожности! Говоришь это зря, по инерции.

Что-то он погрустнел. Хмель, видимо, проходит.

— Да... Пожалуй, ты прав. Все правильно решил. Ну, не будем горевать! Выпить бы сейчас! Бездарность ты все-таки, что не держишь запаса. (Все равно не дам. Но — охота дать. Нет.)

— Придумал уж ты, что будешь делать на том свете? Судя по твоему условию, тебе придется мерзнуть не менее двадцати — тридцати лет.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что для полной победы над лейкозом нужно расшифровать структуру клеточного деления. В деталях, на атомном или еще ниже уровне. Какой смысл тебе просыпаться раньше времени? (Циник ты. Или опять притворяется? Одно время промелькнула грусть.)

— Смысла нет. Где двадцать, там и пятьдесят. А с другой стороны, я бы еще живых современников застал. Учеников, например.

— Сомнительное удовольствие. Все равно они умнее тебя будут. Машины всякие создадут. «Умножители умственных способностей». И вообще задумывался ты над этой проблемой: что делать, когда проснешься?

— Ты сегодня как нанялся меня дразнить. Да! Задумывался! Не в восторге. Одиноко будет, неуютно. Но я и теперь не разбалован обществом и вниманием. Может быть, люди будущего будут снисходительнее? Как полагаешь — идет к идеалу или нет?

— Вопрос трудный. Но все-таки — идет. Отец рассказывал, что в его время были много грубее: жен били, матерные слова писали на

стенах.

— Ну, это еще и мы с тобой застали. Помнишь, ехали с Дальнего Востока после войны? Ходили специально читать на вокзалы в уборные? «Народный эпос» — ты называл.

— Хорошее время было, Ванька. А? Мечты: мир, люди хорошие, наука. А кончилось для меня коньяком. Ты еще имеешь шансы прогреметь этой штукой.

— А ты что, жалеешь, что не прогремел?

— Знаешь, как-то странно: по инерции честолюбивые мысля всплывают. Потом спохватишься, одернешь себя: «Дурак, зачем тебе это?» Все поставишь на свое место и снова живешь спокойно. Нет, я не честолюбив.

— Так я надеюсь, что, когда проснусь, люди будут лучше и приютят меня, пригреют. Я не думаю, чтобы к тому времени все стали гениальными, а я один буду дурак. Я же не рассчитывал на большой срок. Биология меняется медленно.

— Между прочим, «когда» — это уже будет зависеть не от тебя.

— А что им тянуть дольше необходимого? Ученым всегда будет интересно разбудить. Посмотреть, что получилось из опыта.

Помолчал.

— Хватит, потрепались. Сомнительный юмор. Пойду я домой. Завтра опять на кафедру, студенты, лицезрение коллег. Потом библиотека или забегаловка. Тоска. Плохо ты меня угостил. Пошел.

Встал. Я не задерживаю. Уже поздно, устал я. Умные разговоры надоели за целый-то день. И все у меня опять заболело после этой беседы. Каждый орган чувствую.

— До свидания. Ты все-таки не сильно нажимай на работу. Торопиться ведь нет смысла.

— Да, да. Буду стараться. Еще массу дел нужно сделать.

Ушел. Шаги по лестнице тяжелые, как у пьяного. Но он протрезвел.

Спать.

А может быть, позвонить в институт? Телефон в коридоре, далеко, не услышат. А вдруг?

Набираю номер. Длинные гудки. Буду ждать до десяти.

Ту-у-у. Раз... (Не подходят.) Девять, десять. О!

— Это я говорю, профессор Прохоров. Кто говорит? Валя? Позовите Вадима или Юру.

Ответила: «Сейчас».

— Добрый вечер, Иван Николаевич. Не спрашивайте, как дела, не спрашивайте. Погибла собака.

Вот те на! Как же так? Где же планы, сборы? Дураки, хотели смерть пережить... Жалкие черви!

Пусть расскажет!

— Расскажи. И почему сами не позвонили?

— Не хотели вас расстраивать. Все равно помочь нельзя — завтра бы узнали. Погибла час назад. Показатели медленно ухудшались, но еще оставались приличными. Давление восемьдесят, пульс сто двадцать семь, последняя запись. Сознание ясное. Хотя насыщение венозной крови понизилось и увеличилась одышка. Потом внезапно — короткие судороги и смерть. Остановка сердца. Все делали: массаж, дефибриляцию, адреналин, пока зрачки не расширились. Минут тридцать. Безрезультатно.

— Ну, спасибо.

Повесил трубку. Не хочется разговаривать. Ничего к этому факту не добавишь.

И вообще — какая разница? На черта нужна эта суета? Спать хочешь? Иди спи.

Лекарства? На... Давай люминал. Чтобы спалось.

Стелю постель. Думать не хочется ни о чем.

Длинный какой день. И такой конец.

Не нужно думать. Зубы почистить. Таблетку.

Прохлада с балкона. Не смотреть. В постель, как в омут. Фразер!

4

Сегодня мой последний полный день. Завтра в это время я уже буду в состоянии анабиоза. Я бы хотел отложить еще, но уже нельзя, так как состояние катастрофически ухудшается. Уже трудно ходить, процент гемоглобина снизился до тридцати пяти. Не буду перечислять симптомы и доказательства скорого конца — это никому не нужно. Все решено.

В последние два дня я перечитал свои записки. Сейчас все выглядит наивным и смешным. Сначала я думал только об одном — высказаться, уменьшить душевную тяжесть. Но потом увлекся. Стил записок претендует на литературу, и там есть искажения истины. Некоторые разговоры были разделены во времени. Значит, в подсознании была тщеславная мысль прославиться. Что-нибудь вроде: «История героического подвига ученого». Но суть — правда.

Довольно об этом. Времени мало. Отдам записки Любе, пусть хранит. (Нет, подумать: как крепко сидит в человеке тщеславие; я даже сейчас тихонько думаю — «потом опубликуют».) В общем, там написана правда.

Я должен еще раз объяснить причины своего поступка. (Опыт.) Откровенно и без всякой рисовки, чтобы потом не было кривотолков.

Устал болеть и боюсь страданий перед концом. Пережил три тяжелых обострения и больше не могу. Здесь же ничего не угрожает.

Это будет интересный опыт. Научный «интерес» очень прочно вошел в мою натуру. Конечно, я не сравниваю себя с настоящими героями, ставившими на себе рискованные опыты, иногда кончавшиеся смертью. Я болен и обречен. Но интерес есть.

Мне любопытно проснуться и посмотреть, что будет в мире спустя несколько десятилетий.

Эксперимент может принести пользу для людей. Я не переоцениваю значение, но кое-что даст.

Видимо, есть некоторый элемент тщеславия.

Редко поступок человека определяется одним мотивом. Обычно их несколько, причем даже не все осознаются. Не знаю, в каком порядке нужно расположить перечисленные пункты. Наверное, важно также и то, что у меня мало личных связей на земле. Я люблю Любу, но в последнее время и от нее отошел. На всех теперь смотрю как бы со стороны, даже на себя. Видимо, если бы было очень жалко кого-нибудь покидать, то стал бы тянуть до конца.

Чувствую себя виноватым перед Любой, что этим опытом причиню ей новые страдания. Но поступить иначе не могу. Видимо, я действительно нехороший человек. (Хотя, как, наверное, всякий, в глубине души не верю в это. Уже не могу объективно разобраться.)

Есть надежда, что опыт закончится удачно, и я проснусь. Шансы очень невелики, потому что многое совершенно неясно и мы не имели

времени проверить. Я для себя их оцениваю примерно в десять процентов. Понятно, что эта цифра бездоказательна.

К сожалению, подготовка к опыту не закончена, и это увеличивает его риск. Нужны бы еще несколько месяцев, но их нет. Ни один опыт с собаками полностью не удался. Из пяти три проснулись, но погибли потом от разных причин. Нужно длительное параллельное кровообращение; которое мы пока освоить не могли. К сожалению, мы не смогли и проверить действие камеры высокого давления, так как обе последние собаки, которых мы пробуждали в камере, умерли от случайных ошибок.

Меня все это не очень беспокоит, потому что мои ученики еще могут отработать пробуждение потом. Одно ясно: нужна автоматика, которая бы полностью управляла жизненными процессами, так как при ручном управлении риск ошибок непомерно высок, как и во всяком сложном деле.

Довольно об этом. Ну к чему сейчас писать о технике и науке? Времени слишком мало. Придут ребята — нужно еще много обговорить об опыте. Кроме того, я очень ослаб от болезни и подготовки.

Хочется подвести какой-то итог жизни, но чувствую, что ничего умного сказать не могу.

Самым главным была наука. Не знаю, как у других (по всей вероятности разные степени), но для меня было большим наслаждением искать, разгадывать, создавать. И сейчас с удовольствием вспоминаю чудное настроение после удачных находок. Возможно, что я стал таким потому, что другие стороны жизни сложились не очень удачно.

В свое время прекрасные слова писал Павлов к молодым ученым. Кажется, он начинал так: «Дерзайте...» Дальше забыл.

Забавно, что мне хочется агитировать молодежь за науку. «Перед лицом смерти я вам советую!» Всегда замечал некоторую склонность к фразам.

Наверное, творчество является самой человеческой чертой.

Только не нужно поддаваться первой попавшейся иллюзии. Всякое творчество доставляет радость, сам процесс творчества, но ученые должны помнить — «зачем и для чего». Очень большая ответственность сейчас лежит на ученым.

Я много думал, беседовал с коллегами, с друзьями о направлениях науки. Все они важны, но, может быть, в разной степени, учитывая, что мир находится перед реальной угрозой. Наверное, нужно больше изучать психологию и социологию, чтобы научиться управлять людьми и обществом. Возможно, удастся найти источники ненависти и недоверия, раздирающие человечество. Методы кибернетики необходимы в этом деле. Но нужно создавать новые машины, на новых принципах, соединяющих аналоговые с цифровыми. Они должны в большей степени, чем сейчас, имитировать мозг. Впрочем, это я говорю с чужого голоса.

Нужно продумать принципы поведения человека так, чтобы они обеспечивали минимальную угрозу для свободы других людей. Нет, я не проповедую всеобъемлющую любовь или непротивление злу. Наверное, путем специального анализа можно найти количественное выражение понятий морали и этики: доброта, ненависть. Их можно заложить в модели. Ученые должны думать об этих вещах, так как обычные люди живут сегодняшним днем и только смотрят со страхом на небо: боятся бомбы. Ученые создали угрозу миру, они и должны найти выход. Однако это дешевые фразы, легче сказать, чем выполнить. Мне хотелось бы заняться этими делами. Надеюсь, что Юра, Вадим приложат к ним руки.

Перед концом у меня появилась неодолимая потребность поучать людей, как жить. Пусть меня простят, я знаю, что это смешно. Сам жил плохо и неправильно. (Но этого уже вернуть нельзя. «Поздно осознал!») Хотел перечислить мои советы живущим, но получаются банальные заповеди, и я не буду. Агитация за них всеми религиями пользы не принесла. Видимо, сама организация общества не способствовала этому. Теперь дело зашло слишком далеко, раз под угрозой само существование жизни на планете. Нужно искать не то, что разъединяет людей (а также народы, государства), а то, что их объединяет.

Если подходить без предвзятости, то общего в идеалах гораздо больше, чем различий. Во всяком случае, эти различия не столь велики, чтобы из-за них угрожать миру.

Идеи понятны всем. Стоит вопрос — КАК их реализовать. На этот вопрос должна ответить наука.

Больше мне нечего сказать. Да я и не чувствую за собой права давать людям советы.

Нужно кончать, хотя мне просто страшно ставить точку. Как будто заколотить гвоздь в собственный гроб.

Я перечитал, и мне стало немного стыдно: напыщенный стиль, поучения. Тоже мне — пророк. Больше не буду.

Самое хорошее — кончать. В общем — я готов.

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ...

От заведующего лабораторией математического моделирования

жизненных функций Института физиологии проф. Прохорова И.Н.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Учитывая полную безнадежность своего состояния, я решил подвергнуть себя длительному анабиозу, воспользовавшись установкой для искусственного регулирования жизненных функций, созданной в нашей лаборатории. Я не пытался попросить разрешения на этот опыт заранее, так как боялся, что не получу его. Все участники опыта — мои помощники, а также врачи из клинической больницы обещали мне хранить тайну на весь период подготовки. Они ни в чем не виноваты, так как только уступали моей просьбе.

Надеюсь, что этот опыт принесет пользу науке. Длительный анабиоз понадобится для больших космических путешествий. Возможно, он окажет терапевтический эффект при некоторых тяжелых заболеваниях. Пока трудно предвидеть все возможности этого метода.

К сожалению, мы вынуждены начинать опыт на незаконченной установке. Откладывать больше нельзя из-за быстрого прогрессирования моей болезни. В связи с этим прошу запланировать продолжение работ в следующих направлениях:

а) Полная автоматизация управления.

б) Создание и апробация программ и аппаратуры автоматического управления, введения в анабиоз и выведения из него подчиненных целей поддержания оптимальных условий внутренней среды организма.

Ответственность за эти работы можно возложить на главного конструктора установки Ю. Н. Ситника.

Обслуживание установки требует некоторого штата, поскольку автоматизация еще не полна и не надежна. Я прошу предусмотреть для этой цели небольшое число работников в составе лаборатории моделирования, которая несет ответственность за проведение опыта.

Общее направление работ лаборатории по созданию большой аналоговой машины, моделирующей функции и взаимоотношения внутренних органов в условиях нормы и острых расстройств, считаю весьма перспективным и нужным для практической медицины. Поэтому рекомендую планировать эти работы на последующие годы, увязывая их с практическими запросами клиники. Руководство этой лабораторией прошу возложить на Ю. Н. Ситника, оставив В. П. Пляшника его заместителем. Прошу окончательно решить вопрос о передаче лаборатории в институт кибернетики и перебазировании ее на территорию клинического городка.

Я прошу поддерживать меня в состоянии анабиоза вплоть до открытия и проверки метода эффективного лечения лейкозов. Конечно, президиум может прекратить опыт в любой момент, но прошу учесть мое настоятельное желание, чтобы при досрочном прекращении опыта меня не подвергали пробуждению.

Квартиру мою прошу передать во временное пользование В. П. Пляшника, а библиотеку — лаборатории.

Проф. ПРОХОРОВ.

5

Я прочла его записки, и, видимо, я просто должна описать тот последний день. Это очень трудно, так как мне никогда не приходилось ничего писать, кроме нескольких статей, писем и историй болезни. Но я сделаю попытку. Напишу, поправлю, перепишу, но читать никому не дам. Как выйдет, так и ладно.

Может быть, он проснется и прочитает?

Мне страшно. Это чувство не покидает меня в те несколько дней, что прошли после воскресенья, дня операции. Человек живой — и человек мертвый. Трудно понять и примирить эти понятия.

Я хожу на работу. Я занимаюсь с детьми, разговариваю с мужем. Может быть, он и подозревает что-нибудь, так как знает, что я принимала участие в операции, но ничего не говорит. Бог с ним. Мне уже все равно. Трудно привыкнуть к тому, что сейчас он лежит в этом саркофаге. Сегодня я заходила туда днем, так же как и каждый день. Лежит совершенно белый. Никогда не думала, что человеческая кожа такая белая, что теплый цвет придает кровь...

Там толпились корреспонденты. Каждый день приезжают все новые и новые, наши, советские, и иностранные. Вадим дает интервью. Это ему сильно надоело, поэтому он сочинил бумагу и вручает каждому новому. Но им не нравится так, им подавай человеческое слово. Спрашивают, что и что, чем жил. Я постояла минуту, подумала: «Я знаю больше всех». Иван Николаевич Прохоров стал знаменитостью. Все-таки он был честолюбив больше, чем мне казалось раньше. (Это я поняла по запискам.)

Вот пишу какие-то незначащие слова, которые никому не нужны. Впрочем, ему будет интересно прочесть о реакции публики и ученых мужей.

Я пишу так, потому что не хватает мужества перейти к главной теме. Хотя как будто ничего страшного и не было, все шло по плану. Я врач, достаточно видела всяких картин: операций, кровотечений, смертей. Видела, как оперировали и с гипотермией, сама ассистировала Петру Степановичу, чувствовала под пальцами холодное тело. Но тогда проходил час, и жизнь возвращалась. Нет, тоже бывало разное. Тоже не хочу вспоминать.

Видимо, страшно потому, что сейчас это касалось близкого человека. Мне как-то неловко писать «любимого». Как будто к нему уже и не подходит это слово. Все очень сложно. Как теперь будет, не знаю.

Я бывала у него каждый вечер в последнюю неделю. Приходила на час-два, разговаривала, готовила к операции. Все было засекречено, число участников минимальное. Из врачей участвовали я и наш Володя, анестезиолог. Ему сказали только накануне, мы с Вадимом ходили домой вечером. Он согласился. Давиду не сказали — «избыточная информация», как говорил Юра. (Он потом очень обиделся на меня и на Ваню.)

Подготовка была довольно сложной, разрабатывали вместе с ним. Нужно, чтобы кишечник был пустой, совсем пустой и, по возможности, стерильный. В хирургии живота существуют такие методы — я это знаю хорошо. Диета, антибиотики, слабительное, клизма, переливание крови и плазмы. Готовили целых пять дней, он сильно ослаб, передвигался с трудом.

Эти свидания были очень тяжелы для меня. Стыдно сознаться, но иногда думалось: «Скорей бы!» А потом мучилась, что я такая плохая. Я здоровая, у меня есть Костя и Дола, работа и впереди еще пока не ограниченная жизнь. Он как приговоренный к смерти, когда казнь уже назначена. Впрочем, не совсем так. Он измучился своей болезнью, обострениями, лекарствами, почти возненавидел медицину. Конечно, он подавлял в себе раздражение, был со мной нежен, какой-то особой нежностью, робкой, стыдливой, виноватой.

Он был очень стеснителен, всегда боялся обидеть чем-нибудь. Впрочем, себя тоже не позволял обижать. Была в нем какая-то отчужденность, которая ограничивала людей. «Я вас не тропу, но и ко мне не подходите». «Комплекс неполноценности», — как он говорил. Действительно, ничего не умел: ни танцевать, ни плавать, даже на коньках и на велосипеде. И с женщинами ему не везло, как я поняла по некоторым словам. Это чувствовалось.

Так вот эти свидания. Комната, к которой я привыкла за многие годы («Многие» — подумать только!) и которая на глазах становилась чужой. У него всегда было чисто, только на письменном столе беспорядок. А теперь стало даже как-то прозрачно. Вдруг исчезли бумаги со стола. Полированная поверхность его отчужденно блестела.

«Прибирается», — подумалось, но ничего не сказала. Книги все расставил на полки. Письма мои отдал потом вместе с записками. (Я все заперла пока в своем столе в больнице. Дома даже негде спрятать — дети могут случайно найти. У меня не так много бумаг — я же просто врач.) Сказал, что массу черновиков и всякой научной макулатуры сдал в утиль, соседские школьники унесли. Все дельное собрал на нижней колке в шкафу и запер. «Будет дожидаться меня», — так сказал и улыбнулся. Передо мной всегда бодрился, что много шансов проснуться, но я не верила, чувствовала, что обманывает, что это почти самоубийство. А кроме того, прочитала за этот год много об анабиозе. Теперь тоже могу диссертацию писать.

И все-таки он меня заразил надеждами. Одна собака была в анабиозе четыре дня и проснулась. Правда, скоро погибла от кровотечения в просвет кишечника — просмотрели, можно было бы спасти. Ваня тяжело это переживал. Ошибки. Не умеют физиологи выхаживать больных.

В общем, он зря думал, что я бы предпочла нормальную смерть. Бывали такие мысли, но очень редко. Для меня он уже погиб при всех условиях. Я и не хочу, чтобы его пробуждали при мне, потому что буду уже старуха, страшная, поглупевшая. В жизни ничего для себя не жду, а стареть все равно не хочу. Как посмотрю на жалкие локоны старух каких-то странных цветов, на неестественно покрашенные губы и улыбки, претендующие на кокетство, так даже вздрагиваю от неприятного чувства. Я еще ничего. Костя говорит, что мама молодая. Но седые волосы стали пробиваться за последний год.

Прочитала и ужаснулась. Как будто о себе писать собралась. Ваня рассказывал о нескольких планах, в которых одновременно идет мышление. Он мне много рассказывал умных вещей, и я, наверное, от него поумнела. Впрочем, в некоторых вещах я понимаю больше его, например, в литературе, вообще в искусстве. У него не было времени читать последние годы — все наука да наука.

Чем теперь заполнится это место? Ловлю себя на мыслях: «Спросить у Вани», «Сказать Ване». Так горько становится после этого.

Не могу воспроизвести наших разговоров при последних свиданиях, когда дата опыта была уже назначена. Наверное, нужна профессиональная память, чтобы запоминать слова или хорошо

придумывать их заново. У Вани в записках это получилось неплохо — разговоры. Пожалуй, он в самом деле мог бы писать. Даже его стиль мне кажется вполне современным. Но то, что будто бы говорила я, мне кажется, он придумал неудачно. Что-то я не помню таких слов. Может, забыла?

Один вечер мы просидели хорошо, часа, наверное, три. Павел с детьми ушел в театр. Я осталась дома, сказала, что голова болит. (Слава богу, больше не нужно притворяться!)

Я принесла несколько бобин с магнитофонными пленками (ими теперь интересуется Костя), журналы с новыми стихами. Читала ему вслух, некоторые были хорошие.

Потом он читал Есенина и Маяковского наизусть. Оказалось, что много помнит, даже не ожидала. Затем пили кофе и слушали магнитофон. Симпатичная песенка «...Страна Дельфиния и город Кенгуру...»

Тут же попались современные ритмы, американские. Сморщился: «Выключи, пожалуйста». Не любит. А мне ничего, танцевать под них приятно. (Мы с Костей теперь танцуем — так забавно водит, старается.)

Как обычно, говорили о детях. Я же не могу не говорить о них. Он всегда интересовался проблемами воспитания и «молодежным вопросом», но очень научно, а для меня это — кровь и сердце. Поспорили немного о его помощниках. Вадим мне не нравился до последнего дня, казался нахальным, самоуверенным. Как можно ошибиться в молодых! Они часто только прикрываются бравадой и грубостью. Вадим оказался очень душевным. Юра гораздо суше, я его не пойму.

Помню эти прощания, когда уходили. Мысли: «Подлая, что бросаю его одного... Пренебречь всем, остаться». И другие мысли: «А дети? Как объяснить? Как выдержать взгляд? Нет, не могу!»

Да и так ли это нужно — лечь в постель теперь? Или даже сидеть около него? Ведь он все равно знает мои мысли, что мучаюсь и боюсь...

Может быть, ему лучше одному? Чтобы можно не играть роль? Он такой... Не знаю слова. Наверное, сдержался бы под пыткой, только чтобы не показаться смешным и жалким.

В общем, я уходила. Может быть, и не права была, не знаю. Он ни разу не задержал.

Это писание на некоторое время будет для меня хорошим делом, — и отвлекающим и напоминающим. Я пишу в больнице, у меня ведь есть свой маленький кабинетик, как у порядочной заведующей.

Но сейчас уже нужно идти домой к своим чадам.

Вчера не писала: некогда было. Целый вечер провозилась с тяжелым больным. Острый холецистит, повторная операция, тучный, старый. Потом был коллапс, дыхательная недостаточность, чуть не умер. Вот бы где камеру высокого давления нужно. Юра говорил тогда (нужно же было о чем-то разговаривать!), что через полгода будет камера в нашем клингородке. Посмотрим.

Заходила туда, даже дважды. Я теперь подружилась с ними, хорошие ребята и девушки, особенно эта Полина. Правда, она порядочная язва. Вадиму жизни не дает, но, наверное, он в чем-нибудь провинился. Я чувствую это. Забавно наблюдать за ними, за всеми молодыми, с высоты сорока своих лет.

Все идет нормально. Юра мне рассказывал, что мотор АИКа греться перестал, что-то он там нашел, я не поняла. Температура +2°, поддерживается устойчиво. Давление в камере около одной атмосферы. Датчики показывают, что гипоксии нет, а в поверхностных тканях даже избыток кислорода. Юру это немного беспокоит, и он будет уменьшать давление. Он лежит такой же. Бледный, серьезный. Волосы на лице не отросли, говорят, что будут брить раз в месяц или, может, реже. Один раз в полчаса автомат делает ему одно дыхание. Он хорошо придуман, а то было бы неприятно, если бы торчала трубка изо рта. Почку за все время включали четыре раза — так медленно накапливаются шлаки.

Боюсь, что с плазмой будут трудности, пока не переедут сюда, в клинический городок. Станция отказала сегодня, хорошо, что у меня было припасено, я знаю их. Придется устроить скандал. Попрошу вмешаться Петра Степановича, они его боятся. (Тоже обиделся старик, что ему ничего не сказали. Не понимает, что такое «избыточная информация» и «утечка информации». Я обижалась раньше, что он меня «выдвинул» из клиники на заведование отделением, а теперь, пожалуй, довольна. Никто науку не требует, занимайся одними больными.)

Но возвращаюсь к главному.

Чем ближе приближалось воскресенье, тем напряженнее становилась атмосфера. После того вечера с магнитофоном и стихами больше ничего приятного вспомнить не могу. Иван Николаевич был задумчив, суховат. Темы для разговоров не находилось. Кроме того, его раздражали процедуры по подготовке, особенно высокие клизмы. Ему трудно было справляться одному, а мне не разрешал. («Еще чего скажешь! Любовник, которому ставят клизму!») Милый! Ему было стыдно, что он уже не любовник. Как мужчины все-таки глупы в этом! Женщины — тоже люди, но чувственная сторона любви может совсем уйти, без остатка...

В общем, мне были неприятны эти посещения. Иногда вдруг вспомнит какое-нибудь из наших свиданий. «Помнишь, как мы с тобой ходили в горы, когда были в санатории? Я тогда здорово шел, тебя за руку тащил». Улыбался так хорошо, я обрадовалась, прильнула к нему. Но улыбка вдруг сошла, лицо потемнело, вздохнул. «А теперь вот лежу как колода, ноги опухли...» И мне стало так неуютно около него. Я, наверное, немного отодвинулась, он заметил, снова улыбнулся, нежно. «Тебе, наверное, плохо со мной, Лю? Знаешь, я не могу сдерживать досады на все, на весь мир». Так, кажется, говорил. Потом просил, чтобы я не обижалась, что ко мне у него, кроме нежности, нет никакого чувства. Руки целовал тихонечко, чуть-чуть. Губы сухие. Опять задумался, хотел что-то говорить, махнул рукой, дескать: «Не поймешь!» Я встала, начала что-то делать. Он лежал, хмурился. «Иди уж домой, Люба. Тебя, наверное, ждут». Я потом бежала по темным улицам, плакала от обиды. Дола заметила, что я не в себе: «Что с тобой, мамочка?» Такая нежная девочка, все чувствует. Что-то я ей отвечала, не помню...

Так было все три последних дня. Ребята приходили к нему, предлагали ночевать, но он не соглашался. Леонид приходил тоже каждый день. Говорил Ваня, что бывал пьян сильнее, чем обычно. Вот тоже странный человек, судя по рассказам. Я как женщина думаю, что, наверное, у него с женой неполадки... Ваня отрицает. Но он может и не знать. В общем, он вызывает во мне какую-то неприязнь. В воскресенье пришел на операцию, простился, посидел угрюмый, пока Ваня уснул, и ушел, прямо убежал, не сказав ни слова. Трезвый был, кажется, а может, я не разобрала, не до того было.

Каждый вечер были слезы. Я бы могла и дольше у него пробыть. Павлу я не объясняла, куда иду. «Мне нужно уйти на некоторое время». Он не спрашивал. Тоже трудное дело, но об этом говорить не стоит...

Последний вечер. Он очень ослаб от подготовки, потому что уже два дня через рот не получал ничего, кроме чая, кофе и немного бульона. И без того был худ, а тут живот запал до самого позвоночника, только селезенка выпирает в левом подреберье. Было странно видеть его, когда слушала сердце: такой знакомый, а теперь изменился. Он стеснялся, а у меня навертывались слезы. Я даже не знала прежде, что такая слезливая.

Ваня лежал на диване в пижаме под одеялом, как настоящий больной. Разумеется, настоящий. А какой же? Столик подвинут вплотную, на нем газеты, журналы. Когда я пришла, он что-то писал на папке, опертой на колене. Меня поразило, что они такие острые, торчат через одеяло.

Я поцеловала его, как всегда. «Посиди минутку, я кончаю свое завещание». Я сидеть не стала, знаю, что не любит, когда смотрят на него во время писания. Раньше не раз говорил, что не может работать в моем присутствии. Спросила, пил ли чай, и пошла готовить на кухню. Сама тоже была голодна, но в шкафу и в холодильнике ничего не было. Я не поняла: куда девалось? Смолола кофе и включила кофеварку. Еще подумала о ней: «Отдал бы мне» — и устыдилась: такая мелочность. Он довольно быстро закончил и позвал меня: «Лю!» Мне нравилось, когда он так звал. Это бывало не всегда.

Я вошла, он улыбается. (Подумала еще, помню, что улыбка стала еще милее.)

— Все земные дела закончил. — (Я уже пытаюсь писать диалоги, как писатель.) Потом прочитал мне вслух свое завещание, спросил: «Как?» Я одобрила, хотя мне показалось, очень сухо, но я плохо понимаю в официальном стиле. Докладные записки, объяснения, что приходится писать заведующему отделением, мне всегда трудны. Но порядки в отделении у меня хорошие, это не только комиссии говорят, но и больные. Опять хвастаюсь, но ведь у каждого человека должна быть гордость за свое дело.

Кофе вскипел, я убрала газеты и накрыла на этом столике. Он пожалел, что нечем меня угостить. Еще смеялся: «Выбросил все в

мусоропровод, боялся, что не утерплю. Была ветчина и рыба копченая». Просил налить покрепче кофе, но я не согласилась: боялась, что не уснет. (Снотворное я не принесла.)

Трапеза ваша кончилась быстро. Я выпила очень сладкий и крепкий кофе, голод мой утих. Беседа шла спокойно. Ваня держался хорошо. Все время смотрел на меня, за руку трогал, как бывало раньше, не хмурился и не замыкался. Я была рада, что он такой собранный. Говорил: «Я как будто перед отъездом: дома все надоело, завтра сяду в поезд, одноместное купе, засну и проснусь на новом месте».

Может быть, и не совсем те слова, но смысл помню. Потом добавлял со смешком: «Ну, а если ночью будет крушение, то я не проснусь!»

Говорил, что больше всего жалеет оставлять меня. Но, наверное, лицемерил, я почувствовала. Хотел сделать приятное. Он всегда хорошо ко мне относился, мягко, ровно. Уже когда болел, говорил: «Спасибо тебе за теплоту. А то б так бы и умер несогретым».

В тот последний вечер мне не хотелось говорить об операции, но Ваня упорно возвращался к ней. Все уже было обсуждено, роли распределены, и вообще менять что-нибудь уже поздно... Беспокоился, как бы не раскрыли тайну и не помешали. Но это было маловероятно. Участников предполагалось всего семь: Юра, Вадим, Поля, Игорь, я, Володя-анестезиолог и еще одна лаборантка Валя. Разумеется, вся лаборатория готовилась, но не знали, для чего. Было объявлено, что в понедельник утром начнется опыт с гипотермией, которая должна длиться много дней. Под этим предлогом проверялась аппаратура, стерилизовалось белье и инструменты, заготавливались растворы, медикаменты и реактивы. Даже собаки были выбраны.

Три литра плазмы и кровезаменителей для заполнения АИКа заготовила я в своем отделении. Целую неделю выписывала со станции по одной-две ампулы.

Вся подготовка планировалась на специальных совещаниях, узких — с Юрой и Вадимом, и более широких, когда приглашались я, Поля, Игорь. (Странно было приходить в эту квартиру по делу и держаться как чужой.) Володя и Валя ничего не знали до конца.

Долго обсуждался вопрос: может быть, испросить официального разрешения? Вадим на этом настаивал: «Неужели они не поймут?»

Под «они» понималось академическое начальство. Все-таки решили молчать. Испугались, что как начнется «согласование», так может продлиться несколько месяцев, никто не захочет взять на себя ответственность, сказать «да» в таком необычном деле. В конце концов что они нам могут сделать? Дело сделано по настоянию пострадавшего.

(Интересна была первая реакция в понедельник утром. Иван Петрович вызвал Семена, Юру, Вадима, сначала кричал, потом горестно закатывал глаза: «Как могли вы решиться участвовать в этом деле? Убили человека, убили блестящего ученого!» Потом снова: «Будете отвечать по всей строгости закона. Я этого дела так не оставлю! Я из-за вас в тюрьму садиться не буду!» И так далее. Отправил их и тут же начал звонить в обком. Но Юра не стал ждать, и утром же двинул туда сам с копией завещания. Важно сразу дать делу правильное освещение. В общем, все обошлось, и в понедельник уже было дано первое сообщение в печать. Иван Петрович важно принимал в своем кабинете журналистов и позировал перед фотоаппаратами. Послушать, так именно он создал Прохорова и подготовил проведение операции. Но Юра тоже не зевал и уводил гостей в лабораторию, а там директор был явно несостоятелен. Командовал Юра. Началось обыгрывание «подачи». Всем было очень противно, но новый некоронованный шеф — Юра — сказал, что так надо. Может быть, и надо, но все равно противно.)

Потом мы говорили о другом. Я рассказывала разные истории о больных, о детях. Обсудили последний кинофильм, который он, конечно, не видел, только читал отзывы. Я уже не помню всего. Знаю только, что оба старались друг перед другом показаться спокойными и веселыми. Так бывает в вечер проводов перед долгой разлукой. Мама рассказывала, как провожала отца на войну. Мне было десять лет, и я в самом деле думала, что все веселые.

Наконец в десять вечера Ваня сказал, что он устал и что мне пора домой. Сложные у меня были при этом чувства. «Вот, последние минуты, запомни их. Вот они уходят». И в то же время: «Хорошо, что пора домой». И тут же стыд, что должна остаться, и нет уверенности, что он этого хочет.

Он встал с постели, слегка пошатываясь, подошел к письменному столу (пустой стол блестел) и достал из ящика папку.

— Я последний год писал кое-что. Вот возьми, храни. Может быть, когда-нибудь проснусь, любопытно будет. Показывать не нужно никому... До тех пор, пока ты сама не решишь. Сегодня утром написал последнее. Прошу тебя: не читай сегодня, мне неприятно. И вот еще пачка твоих писем.

Старался говорить спокойно, и, пожалуй, это ему почти удалось. Я тоже держалась, как могла.

Потом предложил мне взять на память что хочу, а я никак не могла сообразить что. Какие-то подлые мыслишки: «А вдруг узнают?» Так въелась эта конспирация. Выбрала несколько фотографий, которых у меня не было. Они и сейчас здесь, я каждый день смотрю и представляю, как он рос, учился, о чем думал.

Еще я взяла маленький чугунный бюстик Толстого. И все.

И все. Поцеловала и побежала. Слышала еще, как сказал: «Прости меня, Лю». Дверь захлопнулась. Спускалась по лестнице, а в голове: «Конец. Конец. Конец...» Опять плакала дорогой и всю ночь тоже. Представляла, как он чистит зубы, принимает лекарство, ложится. Наверное, еще по привычке читает газету... Опять терзалась: «Как могла его одного оставить?» Плохо мне было.

Больше сегодня писать не могу. Расстроилась совсем. Нужно идти домой. Соскучилась по своим милым. Что бы я делала без них? Так и слышу щебетание: «Мамочка, мамочка пришла!» А Костя басит с претензией на солидность: «Ну, наконец!» А потом забывает и целует меня, как раньше, когда был маленький. Нужно еще зайти посмотреть тяжелых больных перед уходом. Не хочется, а не зайти не могу. Почему это?

Вот я и подошла к самому главному — к описанию воскресенья. Иначе, как по имени, я не могу назвать этот день. Опыт? Эксперимент? Разве эти слова годятся, когда вот такое было сделано с человеком?

Я должна набраться мужества и описать все как было.

Начало операции было назначено на девять утра. («Операция», пожалуй, самое подходящее и привычное для меня слово.) Я немножко заснула перед утром, но в семь уже была на ногах. Нужно выполнить свои обязанности: приготовить еду для семьи, прибраться. Обычные утренние воскресные разговоры: «Костя, вставай», «Дола, кончай чтение», «Павел, вот тебе чистая рубашка»... Впрочем, зачем я все это пишу? Разве речь обо мне?

Ушла в полдевятого, сказав, что мне нужно в больницу и раньше обеда я не вернусь. Павел ничего не ответил, вошел и посмотрел довольно зло. Видимо, он подозревал, куда я хожу по вечерам. Он знал о тяжелой болезни Вани, они были знакомы, и я ему говорила (так, между прочим).

Шла, торопилась. Представляла: вот уже Вадим подъехал к его дому на такси. Поднимается по лестнице. Ваня готов, побрит, выпил кофе. (Это было предусмотрено планом.) Убрал постель: он аккуратист, ее похож на холостяков. Вадим говорит что-нибудь веселое, вроде: «Ну, шеф, приехали!» Какую-нибудь банальную фразу, за которой скрываешь боль и растерянность. Лицо Вани я представить не могла, что он говорил, — тоже. Наверное, что-нибудь незначительное: «Ты на такси? Легко нашел?» Вот он надевает в прихожей пальто. (Оно и теперь висит на вешалке в кабинете, и ни у кого не поднимается рука определить его куда-то, на постоянное место. Довольно потертое зимнее пальто, он его носил, как я и помню. Говорил: «Привык, да и зачем мне форсить?»)

Потом Вадим рассказывал: так и было. Он оделся в прихожей, вернулся в комнату, оглядел ее еще раз: все ли в порядке или хотел проститься. Сказал «Живи здесь на здоровье, я не скоро вернусь». (А подумал, небось: «Совсем не вернусь». Оценивал шансы в десять процентов.) Потом сказал: «Присядем на дорожку». Сели кто на что. Какое странное положение, даже трудно себе представить: человек уезжает в будущее. Вадим говорит, что было полное ощущение отъезда, глаза сами искали чемодан.

Утро было хмурое. Народу на улицах еще мало, падает редкий снежок. Подумала: «Март, а весной и не пахнет. Сухо, нужно было надеть туфли». Спихватилась: какое это имеет значение? Для Вани? Чтобы он запомнил на ту, вторую жизнь? Так он и раньше не замечал, во что я одета.

Пришла, еще их не было. Приехали только через полчаса: Вадим не мог найти такси. Правда, все остальные участники уже были в сборе, я пришла последняя. (Было немного стыдно; «Не могла встать пораньше!»)

Все были заняты делом: Юра что-то возился около блока регулирования автоматики (я уже знала, что это такое), Поля заполняла плазмой оксигенатор АИКа. Володя присоединял шланг наркозного

аппарата к кислородному баллону. Игоря в операционной не было: он со своей помощницей был в лаборатории, рядом.

Все здесь я уже знала — меня приглашали на последние опыты. Описывать установку не буду, потому что для этого недостаточно квалифицированна. Кроме того, подробное описание скоро появится в журналах, путешествие в будущее не засекретили.

В комнате было тесно и не очень чисто. (Юра говорил, что уже принято решение в Президиуме построить для их лаборатории небольшой дом и что там будет зал для саркофага со всей механикой. Но когда это еще будет? Я знаю, как академия строит. Впрочем, если сверху нажмут, то, может быть, и быстро. А это возможно: ретивые писаки уже называют «гордостью советской науки». Неприятно слушать это. Ваня представляется теперь какой-то вещью. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, а Юра не видит в этом ничего плохого. Говорит: «Это на пользу науке». Только бы он не соединял это с пользой для себя.)

В центре стоит саркофаг — такой большой цилиндр, наполовину сделанный из плексигласа, так что все видно, что внутри. Обе крышки его были открыты. Впереди — стол-каталка, на котором будут давать наркоз и присоединять всю механику: шланги и АИК, зонды для измерений давления в сердце, датчики. Потом стол этой каталки прямо задвигается в камеру, а все шланги и провода проводятся через специальное окно, которое закрывается герметически.

Выглядит все это очень внушительно, но враждебно. Кроме камеры, все остальное грубо и некрасиво. Торчат трубы, провода, какой-то хаос. Юра говорит: «Макет установки». Будто бы скоро будет иначе — обтекаемые формы, красивый цвет... Но мне уже все это как-то напоминает ограду и памятник на кладбище. Может быть, мне стыдно, потому что доктор?

Мои обязанности в операции были необременительные. Я так думаю, что Ваня их специально придумал, чтобы я могла быть при нем в последние минуты. А может быть, и нет. Все-таки врач нужен: мало ли что может случиться еще в самом начале операции. Я должна сначала помочь Володе при наркозе, так как его обычных помощников — сестер — мы привлечь не захотели: потом в роли ассистента и операционной сестры помогать Вадиму приключать АИК и вводить катетеры в сердце. Одной Поли для этого мало.

Разговаривать никому не хотелось. Я вымыла руки и занялась накрыванием стерильного столика, подготовкой шлангов и сердечных зондов. Дело нетрудное, — все было заготовлено в биксах, только разложить.

Они приехали, когда я уже кончила. Оставалось только развести гепарин.

Поля выглянула в окно и сказала: «Привезли». Сердце затосковало, исчезли последние надежды — отложить. Где-то в подсознании, видимо, была такая мысль: а вдруг неполадки в технике или он заболит? В лаборатории я уже видела, что все готово, а теперь и он приехал, значит, будет. Только почему «привезли»? Как будто он не сам, уже лежащий больной.

Юра сразу все бросил и ушел встречать. Мне тоже хотелось, но я уже была стерильная. Неужели так и не удастся обменяться хотя бы одним словечком? Нет, так нельзя. Ему плохо, нужно поддержать. Я быстро все закончила и закрыла столики стерильными простынями. Помоюсь снова. Была договоренность «не тянуть», — и, может быть, мне не стоило так делать, но я не могла.

Пошла в кабинет по пустым коридорам. Сердце билось, в ушах стучало. Мысли в голове отрывочные. Всплыл какой-то ритмичный мотив: «...Лестницы, коридоры... тихие письма...» Почему? Не знаю.

Двери в кабинет были открыты. Ваня лежал на диване, очень бледный, нос вытянулся и посинел. Подумала: «Какой он плохой». Он сел, как только увидел, что вхожу. «Здравствуйте, Люба». Не решился назвать на «ты», но отчества не прибавил. Значит, и я так должна держаться — официально. Значит, только голосом, только взглядом.

— Иван Николаевич, может быть, отложим?

Так хотелось, чтобы он сказал: «Да, отложим». Никаких других тайных мыслей не было, только жалость совсем сжала сердце.

— Нет, что вы, Любовь Борисовна! Если не сегодня, то уже никогда.

Я так и знала. Самолюбие этого человека беспредельно. Подумал, наверное: «Приехал, а теперь обратно — струсил. Нет!»

Теперь я лучше его представляю, когда прочитала записки. Он очень боялся.

Взяла его за руку. Я же доктор, мне нужно пощупать пульс. Пульс очень частый, около ста двадцати. Это от волнения, как у всех больных перед операцией. Видимо, мои лекарства не подействовали. Спросила, спал ли ночью. Ответил, что да, спал. Я его снова уложила на диван. Тут только заметила остальных: Юра, Леонид Петрович, Вадим. Все стоят. Челюсть у Вадима дрожала, и глаза влажно блестели. Я в первый раз подумала о нем хорошо. Юра и Л.П. были подчеркнуто спокойны. «Чурбаны», — я подумала.

— Ну, что же вы приуныли все! Идите и занимайтесь своим делом, только не тяните. Долгие проводы — лишние слезы.

Сказал он это с досадой. Наверное, воля у него была на исходе.

Юра ответил за всех:

— У нас все готово.

Конечно, и у меня тоже. Можно обнажать сосуды, чтобы приключать машину. Поля ее уже заполнила плазмой. Значит, нужно вводить морфий и начинать наркоз. Никаких поводов для отсрочки нет, да, наверное, и не нужно.

— Ну, тогда нужно вводить морфий. Юра, когда пойдете, скажите Володе, чтобы пришел, сделал инъекцию.

Это я сказала, хорошо помню Потом мне сразу сделалось неловко, будто я взяла на себя инициативу, когда другие еще сомневались. Вид у меня, наверное, был виноватый, потому что Ваня взял меня за руку и поблагодарил:

— Правильно, Люба, нужно начинать.

После этого Юра и Вадим вышли. Леонид Петрович взглянул на Ваню, на меня и тоже ушел молча. Он все про нас знал.

Подумалось: есть минут десять для прощания. Что мне делать?

Хотелось броситься к нему, обнять, целовать губы, лоб, глаза, плакать. А я стояла... Нельзя! Это будет ему тяжело, непереносимо так прощаться.

— Мой милый! Держись, мы встретимся...

Не устояла, прильнула на секунду, поцеловала. Чувствую, что слезы подступили.

— До свидания!

Убежала, не могла больше. Не слышала, что сказал в ответ, взгляд только запомнился — жалкий, беспомощный...

Леонид ходил по коридору, курил. Видела, он пошел к его двери. Так и не использовала свои десять минут, не сумела удержаться. До сих пор казнюсь. Я их проплакала в уборной на подоконнике. Потом умылась, вытерлась платком и пошла вниз, в операционную. «Вот теперь уже совсем все. Совсем», подумала. Как же буду жить без него?

Вот живу. Хожу на работу, готовлю обеда. Вчера стирала. Оперирую. Английским занимаюсь вместе с Долой. А душа как замерзшая до сих пор.

И что это такое — любовь?

Нужно продолжать. Все страшное уже позади. Я уже двигалась после этого как автомат, разговаривала даже о посторонних предметах, но не помню, о чем.

Когда я пришла в операционную, то Вани и Володи еще не было. «Значит, Володя его приведет сам. Хотя бы не упал на лестнице. Полагается везти на коляске».

Я начала мыть руки. Больше уже не смогу его потрогать. Как всегда, эта процедура меня немного успокоила: я вступила в сферу привычных рефлексов. Мы мылись с Вадимом вместе, над одной раковиной, в соседней комнате, выполняющей роль предоперационной. Мылись молча, говорить не хотелось, у каждого свои мысли. Я боялась, как бы сердце у него не остановилось раньше времени, как бы не наступило перерастяжение левого желудочка: вдруг клапаны аорты держат плохо? Что тогда делать? Вскрывать плевральную полость, массировать сердце и срочно нагревать, отказавшись от анабиоза? Только, наверное, это ему уже не нужно, лучше умереть под наркозом, чем мучиться, умирая от лейкоза. Я рассуждала об этом здраво, я ведь доктор, привыкла оценивать жизнь. Но все равно придется на это идти — на оживление — так требуют наши врачебные каноны, до конца.

Вадим сказал, что боится: вдруг не сумеет обнажить сосуды? Руки будут дрожать. Я его успокоила, обещала, что помогу, что сделаю сама, если нужно. Пусть он только проведет катетер через межпредсердную перегородку, в левое предсердие. Поделилась с ним своими опасениями и, наверное, напрасно, так как он совсем пал духом. Не помню, что он говорил, но было видно, что он любит Ваню. Это приятно.

Мы помылись и начали одеваться в стерильные халаты. С хирургической точки зрения операция пустяковая — обнажить две вены и артерию. На совете решили, что дренировать вены шеи не стоит: охлаждение в камере с кислородом не требует высокой производительности АИКа.

Почему-то они долго не приходили, и Поля пошла узнать, в чем дело. Но сразу же вернулась: «Идут!»

Вот и они. Ваня очень бледный, идет медленно. Л.П. поддерживает его под руку. Улыбнулся вымученной улыбкой, поздоровался: «Здравствуйте» (Игоря, Полю и Валю он еще не видел). Переодет в пижаму — это тоже было предусмотрено планом. Я видала эту пижаму, даже промелькнули какие-то картины из прошлого.

— Ну что ж, Иван Николаевич, ложитесь, будем начинать.

Какие это жестокие слова: «Ложитесь, начинать»! То есть они обычные, неизбежные, но приобретают страшный смысл, когда их говорим больным перед тяжелой, рискованной операцией. И все-таки сейчас это было еще страшнее, они звучали как сигнал к началу казни. «Ложитесь, будем начинать». Это сказал Юра, и мне было неприятно: как будто подгоняет.

— Давайте прощаемся стоя. Подходите, я вас расцелую.

Первым подошел Юра. Ваня что-то тихо ему сказал, я не расслышала, уже потом узнала. «На тебя вся надежда». (Мы потом сидели и вспоминали каждый жест, каждое слово.)

Поле: «Замуж выходи, плохо одному». Мне это было неприятно. Разве он один? И разве замуж — такое уж счастье?

Игорю: «Держитесь дружно, пожалуйста, не ссорьтесь».

Володе: «Вы меня извините, что втравил вас в такую историю». Тот что-то пробормотал вроде: «Что вы, что вы, не стоит». Отвернулся к стене. Наверное, такие выражения лиц раньше бывали после исповеди и причастия: каждый смотрит внутрь себя.

Вале просто сказал: «Будь здорова».

Мы с Вадимом были в стерильных халатах, поэтому подходили осторожно, и он целовал нас в лоб издали, чтобы не запачкать.

Вадиму он сказал: «Будь сдержан с людьми. А в пауке, наоборот, нужна смелость. Я вот не был достаточно смел и поэтому сделал очень мало».

Мне только прошептал: «Держись, Лю». Очень тихо, так что даже я плохо слышала. Для меня это было уже все равно.

Л.П. прощался последним. Они обнялись. Леонид старался рассмеяться, во получилось плохо. Но Ваня улыбался хорошо.

— Прощай, Леня, прощай. Долго мы с тобой дружили, по всему приходит конец. Ничего тебе не завещаю, знаю, что бесполезно.

Тягостная это была сцена, я описать не умею.

— Ну, теперь полезу. Помогите, ребята.

И он начал забираться на стол. Володя ему помогал. Выглядело это неловко и как-то жалко. Было видно, что тело плохо слушается его. Я пыталась представить, что он думает: наверное, главная мысль была: «Убежать». Но он держался и, кроме неловкости движений, ничем себя не выдавал, разве что растерянным выражением лица. Я тоже держалась, тем более, что маска была натянута до самых глаз. (Ресницы я не красила уже неделю.) Сидя на столе, снял пижаму. Очень худой — кожа да кости.

Лег и на несколько секунд зажмурил глаза. Испугалась: слезы? Все замерли, было абсолютно тихо. Видимо, он собирал все свои силы, все мужество. Лицо постепенно как-то успокоилось, глаза открылись, он улыбнулся. Перед нами был снова Иван Николаевич Прохоров, для меня — Ваня.

Оглядел всех по очереди, улыбнулся, немножко страдальчески, немножко иронически.

— Ну, до свидания. Встретимся лет через десять.

Подставил Поле руку для инъекции: она должна была ввести внутривенно наркотик для вводного наркоза тиопентал, а также релаксанты. В вену она попала сразу, я еще подумала: «Молодец». Потянула поршень, кровь показалась в шприце. Поля взглянула вопросительно на меня, как будто я здесь главная. Я кивнула, значит: вводить. Он смотрел в потолок с безучастным выражением лица, как будто его уже не было среди нас.

Поршень задвигался, и через несколько секунд глаза закрылись. Он заснул, и мы все тихонько вздохнули с облегчением: тягостная сцена прощания кончилась. Теперь оставалось каждому хорошо сделать свое дело. Однако тишина еще стояла в комнате некоторое время.

Я устала, конечно. Целый вечер пишу без перерыва, исписала целую тетрадь. Его уже нет, теперь остался только отчет. Напишу в

другой раз. Куда теперь спешить?

Целую неделю не бралась за писание. Главное уже написано. Прошлый раз я его как бы вторично похоронила. Но все-таки я обязана закончить.

Сегодня пятница, почти две недели с момента. Захожу каждый день, как ходят вдовы на могилы первое время. Потом перестают ходить, и я, наверное, перестану. Такова жизнь. Хочется протестовать, удержаться, а не могу — сама замечаю, что уже не все время думаю, что отвлекают другие дела.

Буду продолжать.

После того, как он заснул и дыхание почти прекратилось от действия релаксантов, Володя быстро ввел ему трубку в трахею, приключил аппарат с закистью азота и начал ритмично раздувать легкие с помощью дыхательного мешка, как всегда делают при операциях.

Сняли пижамные брюки и трусы, и он остался голый и одинокий. Впечатление, что группа врачей-злодеев собирается совершить преступный опыт, как это было во времена фашизма. Я потом спрашивала — многие думали об этом, о преступлении. Мне было неловко и другим тоже. Наркоз уже налажен, а мы чего-то медлили. Юра сам напомнил: пора.

Тогда Поля побрила его волосы в паховых областях, а мы с Вадимом смазали йодом место операции. Разрезы нужно было сделать очень маленькие, так как трудно рассчитывать на заживление в анабиозе. Мы начали оперировать: обнажать сосуды. Вадим оказался несостоятелен: руки у него дрожали, пришлось взяться мне. Оперировать было просто: подкожной жировой клетчатки почти совсем не было, артерии и вены лежали близко. Перевязали кровоточащие сосудики вплоть до самых мельчайших, до полной сухости раны. Подождали несколько минут и ввели гепарин, чтобы кровь перестала свертываться. После этого по плану нужно было присоединить АИК, чтобы можно было включить искусственное кровообращение в случае преждевременной остановки сердца во время проведения зонда в левое предсердие. Так и сделали: приключили на левую бедренную вену и артерию, а через правую вену Вадим начал вводить специальный зонд в сердце. Это сложная процедура, а Вадим был в таком состоянии, что я боялась, не

справится. Не знаю, что бы мы делали, я этого не умею. Пришлось бы рисковать, начинать анабиоз без контроля давления в левой половине сердца. Но все обошлось благополучно: минут через десять мы получили из зонда ярко-алую кровь, значит, конец его прошел в левое предсердие. Вадим вытер лоб рукавом халата: рефлексy стерильности у него непрочные. После этого я ввела трубку во вторую бедренную вену, и процедура присоединения АИКа была закончена. Опыты на собаках уже определили необходимые датчики («объем информации»), и ничего лишнего мы не присоединили. Даже артерию не вскрывали, довольствуясь определением кровяного давления по пульсу. Повышенное давление кислорода в камере надежно обеспечивает хорошую оксигенацию тканей. Важно иметь данные о насыщении венозной крови, для этого в правое предсердие проведен еще один тонкий зонд.

На грудь и живот укрепили стальной каркас, прикрытый тонкой пластиковой пленкой. Это устройство для искусственного дыхания: периодически под каркасом создается разрежение, грудь поднимается и в легкие входит воздух.

Итак, все было закончено, можно вдвигать больного в камеру и окончательно присоединять АИК и контрольную аппаратуру. Юра отпустил какие-то защелки, и крышка стола плавно вошла в цилиндр на свое постоянное место. Все шланги и провода от датчиков пропустили через специальное окно и присоединили к АИКу (он тоже находится в кожухе, позволяющем повышать давление, как в камере) и к сложной машине, ведающей измерением, регистрацией и автоматическим управлением (забыла, как называется).

Володя вынул трубку, положил в рот маленькую сеточку — воздуховод, чтобы не западал язык, и закрыл рот. Включил грудное искусственное дыхание.

Мои дела закончились, но Юра попросил меня вести журнал опыта (операции!). Все другие были заняты: Поля у АИКа, Вадим и Юра наблюдали за регистрирующими приборами и кондиционером, за выполнением программы охлаждения, Володя следил за наркозом, Игорь с помощницей обеспечивали биохимические анализы. Хотя объем исследований был гораздо меньше, чем в опытах на собаке, потому что они преследовали только практические цели, но и людей тоже было мало.

Вот эти записи:

23.03. 11:00. Закрыли крышки камеры, начали охлаждение, включили кондиционер и вентилятор.

11:20. Температура в пищеводе 30°. Приключен АИК на параллельную работу с производительностью 1 л/мин.

11:23. Начали повышать давление в камере.

11:40. Давление две атмосферы абс. T — 26°. Частота сердечных сокращений — 56 в минуту. Ожидается фибрилляция. Есть опасения переполнения левого желудочка.

11:52. Фибрилляция. Давление в левом желудочке не повысилось!

12:00. T — 16°. Начали снижать давление в камере для замены крови.

12:24. АИК остановлен для замены крови.

12:40. АИК включен с производительностью 2,5 л/мин. T — 13°. Повышается давление в камере.

13:00. T — 8°. Производительность уменьшена до 1,5 л/мин. Давление — 2 атм. абс.

13:50. T — 2° в прямой кишке. Период охлаждения закончен. Начали отрабатывать постоянный режим.

Снова был перерыв в писании. Прошлый раз меня прервали. Сегодня вторник, 11 апреля; прошло шестнадцать дней. Шумиха, слава богу, улеглась. Энтузиазм тоже уменьшился. Если сначала дежурили по пять человек добровольцев было сколько угодно из лаборатории и из института кибернетики (инженеры и техники по наблюдению за машинами), — то теперь уже начались пререкания, кому дежурить. Бывало, что Юра сам оставался. Может быть, формально это и нехорошо: у заведующего днем много работы, но беды я тоже не вижу — он много получил от Вани.

Какое глупое женское сердце: мне теперь кажется, что его уже забыли, что помощники хотят завладеть его славой. Я даже ловлю себя на жалостливой мысли: «Только мне одной ничего не нужно и ничего не осталось». Я ведь не жена, и никаких прав на Ваню не имела, а тем более на лабораторию; теперешние новшества в ней для меня как личное оскорбление.

Но заставляю себя быть объективной, и тогда оказывается, что мне не за что упрекнуть Юру. В конце концов нельзя же требовать, чтобы

все в лаборатории оставалось, как раньше. Конечно, Поля передает мне сплетни, что-де многие недовольны Юрой, а когда я пытаюсь вникнуть, так оказывается: просто он требует дисциплины. Иван Николаевич никогда не отличался строгостью, и многие этим пользовались. Семен тоже был мягкий человек. Кстати, он ушел в отдел к директору, как и ожидалось, но ведет себя хорошо. Даже Вадим сказал: «Он не гадит, а мог бы».

Сейчас все силы брошены на усовершенствование этой установки, ее называли АНА-1. (Дурацкое, по-моему, название, но я в это дело не вмешиваюсь. Перечитала и спохватилась: «Еще бы, вмешалась!»). Ваня все учил меня быть объективной, но так и не выучил. Слишком я женщина. Правда, такие уроки даром не прошли: я стараюсь за собой наблюдать, как со стороны. Но не всегда удается. Наверное, поздно начала учиться.

Конечно, установку нужно довести до толка, чтобы работала надежно и чтобы можно было обойтись одним дежурным. Хорошо, что Юра не любитель гулять, а барышня у него такая же, «синий чулок»: все стихи читает; так они сидят себе дома, и он в любое время дня и ночи является чинить поломки.

(Ваню уже называют «Спящий красавец». Мне это обидно до слез.)

Газеты сильно помогли, как говорит Вадим. Юра жмет вовсю, использует момент, пока не остынут и директора, начальники и просто энтузиасты. Энтузиазм тоже нуждается в питании, а где его взять? Вадим выступает с лекциями, но эффект, конечно, не тот, что был у Ивана Николаевича. (Мне теперь все у него кажется идеальным, а сколько раз я ругалась. Есть какие-то законы у психики на этот счет? Не знаю.)

Нужно писать дальше. Мне это уже немного надоело, и вижу, что получается неважно. Но я как бы взяла обязательство — написать, для Вани написать. Поэтому должна.

Выбор режима представляет сложное дело, потому что хотя температура оставалась постоянной, в организме продолжались изменения. «Стационарный режим» (все чуждые для меня слова) был достигнут только через неделю.

Задача состояла в подборе давления и соотношения периодов работы АИК и остановки так, чтобы содержание O_2 и CO_2 в тканях не выходило за допустимые пределы.

В течение отработки режима было много свободного времени, и мы начали разговаривать, чтобы не было так тягостно. Правда, Юра больше возился с машинами (начал греться мотор насоса), а Игорь делал анализы, но нам с Вадимом, Полей и Володей делать было нечего.

Мы сидели около АИКа и грустно разговаривали. Было странно — он лежит здесь, — и мы понижали голоса. В лаборатории было сравнительно тихо, так как кондиционер стоял в соседней комнате, двери закрыли.

Такое же впечатление, как сидят близкие около покойника накануне похорон. Я это испытала, когда умерла мама.

Нет, пожалуй, нам было хуже. Почему-то нас не покидало чувство вины как соучастники преступления. Поля сказала об этом первая, и все подтвердили. Обсуждали: почему? Идея и инициатива его, но, может быть, нам нужно было отговаривать, даже отказаться. Почему я этого не сделала? Пыталась отговаривать, но он обиделся: «Понимаю, что было бы лучше, если бы я лежал на кладбище...» Что-то в этом роде. Вынуждена замолчать. Не участвовать я тоже не могла: это было бы предательство.

Вадиму первый рассказал Юра, еще по секрету от шефа. «Меня увлекла чисто научная сторона идеи». Так он, кажется, говорил. Только когда дело дошло до самой операции, он подумал о преступлении. Но отступить уже было поздно.

Поля сказала: «А разве я могла отказаться, если он сам меня просил?» И я бы не могла.

Потом она все спрашивала, сколько бы он пожил без «этого». Я отвечала, что, может быть, полгода, а может быть, месяц. Плохо то, что ему стало опасно переливать кровь из-за реакций. Я хирург и верю в кровь больше, чем в лекарства. Три-четыре раза и месяц свежая кровь — это очень хорошо, иначе анемия бы его сгубила. (Сколько я ему крови перелила! Наверное, литров двадцать...)

Я тоже задала вопрос в лоб: верят ли они в возможность оживления?

Вадим начал что-то мямлить: «Да знаете ли...» А потом махнул рукой и сказал: «Не верю». Поля на него накинулась: «Так зачем же ты... Да как ты смел...» — и т. д. Я тоже удивилась, попросила объяснить. Он сказал примерно следующее: если бы его сейчас начать будить, он бы проснулся, но через годы не могут не произойти изменения в молекулярных структурах, ведающих теми функциями клеток, которые сейчас не действуют. В это время подошел Юра (он, видимо, прислушивался краем уха) и очень резко сказал: «А откуда тебе все это известно? Разве были проведены специальные исследования? Их нет или они недоказательны. Анабиоз простых животных факт, неудачи в получении анабиоза высших животных объясняются трудностями методики оживления. Клетки и органы гибнут потому, что до сих пор не могли искусственно обеспечить надлежащие условия на период восстановления. Иван Николаевич предложил принципиально новый подход: циркуляция плазмы и камера, а мы создадим хорошую технику с идеальным регулированием. И тогда посмотрим!»

Я очень хорошо запомнила смысл его речи, за которую была благодарна. Вадим сидел, как школьник. Потом Юра добавил так же резко (как начальник), чтобы мы перестали копаться в собственных чувствах. «Шеф проявил героизм для науки и человечества». И что мы обязаны сделать все для успеха эксперимента, как бы об этом ни говорили.

Сильно он нас отчитал, но как-то легче стало после этого. Даже Вадим не вспылал и не стал спорить. Я все больше замечаю, что он посматривает на Юру с некоторым почтением, пожалуй, так не смотрел и на Ивана Николаевича, вечно дерзил и спорил. Но он очень хороший.

А вот Юру я понять не могу. Возможно, что у меня просто ума мало для этого, потому что не могу же я отрицать у него ум! Он обращается со мной почтительно, как со старшей, и мне даже неловко. Конечно, он обо всем знает, возможно даже, что Ваня ему сам сказал в последние дни. Я чувствую это. Только вот зачем он допустил эту показуху и даже сам немного позировал? Почему так торопился с реорганизацией лаборатории, с передачей ее в институт кибернетики? Неужели нельзя пока управлять именем покойного шефа так, как раньше, а не заводить эти строгости! Неужели он просто карьерист? Не похоже. Это я теперь так думаю, тогда сомнений не было.

Разговор больше не вязался. Группа наша распалась: у всех нашлись свои дела. Юра вообще куда-то ушел, наверное, в мастерскую: слышала, говорили.

Я села к окну и смотрела на улицу. Падал снег, но на дворе было сыро. Неприятная погода, под стать настроению. Мысли пошли в другую сторону: что же, если пробуждение возможно, то мы бы совершили предательство, отказавшись? Я уже запуталась.

Помню, такой безнадежной представлялась жизнь в тот момент. Даже дети: Костя уже по телефону с девушками разговаривает подолгу. Правда, пока обо всем мне рассказывает, а может быть, уже и не обо всем? Поди знай. Дола пока полностью моя, хотя она очень любит отца, и я еще не знаю, кого бы она выбрала. Будут вырастать и будут отдаляться, это закон природы. С мужем едва ли наладится близость (во всяком случае, тогда мне казалось, что нет). Вот с Ваней я была бы счастлива до старости, уверена. Остается еще хирургия... Но какой я хирург? Так, заведующий отделением городской больницы. Грыжи, аппендициты, резекции желудка. Изредка легочные операции, я их делаю хорошо, но больные предпочитают идти в клинику. Над средним уровнем я не поднялась. Старики хирурги есть, их любят и уважают до смерти, но что-то я не видела старух хирургов. Или женщины вышли на арену только после войны и не успели состариться? Перевалило за сорок, начну толстеть, сесть, незаметно стану противной старухой, милой только для внуков. И буду только вспоминать эти несколько ярких лет. В них было, правда, больше страданий, чем счастья, но одно без другого немыслимо.

А ОН будет лежать и лежать в это время? Или мне еще суждено пережить встречу с ним потом, когда со мной уже все будет кончено:

внуки, хозяйственная сумка, телевизор? Нет, не хочу! Меня охватил страх, когда я представила себя и его. Себя в будущем, а его таким, каким был перед болезнью: не «красавец мужчина», конечно, но тонкий, стройный и вечно куда-то спешащий...

Вот такие были у меня мысли тогда. Они и сейчас повторяются периодически, особенно когда в отделении несчастья, смерти или когда схожу в лабораторию, посмотрю.

Около трех часов установка была пущена. Снова лаборатория наполнилась шумом, начали измерять, записывать. Мне тоже нашлось дело: Юра попросил регистрировать показатели поляриметров (pO_2 и pCO_2) по минутам, чтобы вычертить кривую изменения напряжения газов в венозной крови после пуска АИК с данной производительностью. На двадцать минут у меня была работа, думать было некогда: нужно было отметить как можно больше точек. Вообще-то были приборы с самописцами, но почему-то Юра им не доверял, заставил меня писать. Когда венозное напряжение кислорода поднялось до 80 мм ртутного столба, АИК остановили снова. Потом я еще минут десять переписывала таблицу, чтобы придать ей культурный вид (я люблю аккуратность). Приготовила и отдала Юре. Он мило поблагодарил.

Настроение немного улучшилось. И солнце к этому времени выглянуло. Нужно жить. Кому что дано, то и выполняй. Не всем быть профессорами, изобретателями, художниками, кому-то нужно делать обычную работу, выполнять гражданские обязанности. Найти в них радость, иначе жить нельзя. У меня растут дети — нужно, чтобы они были хорошими. Я лечу больных нужно это тоже делать хорошо, чтобы от операций умирали редко, чтобы человеческие души тоже меньше страдали. Ах, я начинаю говорить прописями, нет таланта подбирать красивые и оригинальные слова!

Допустила ли я ошибку?

Жила-была женщина, нет, сначала девочка. Была хорошая дочка, хорошая ученица, хорошая пионерка и комсомолка. В трудные военные годы работала на заводе, еще подростком, и не только из бедности. Все ей удавалось. Мечтала быть доктором и поступила в институт, окончила. Отработала три года в деревне и вернулась домой, к маме, в большой город. По-честному, нужно было бы еще остаться, но уж очень там было тоскливо, одиноко и хотелось интересно

работать хирургом, ходить в театр. И больше всего хотелось встретить ЕГО, чтобы полюбить насовсем. (Студенткой не успела почему-то.)

Все удалось: клиника Петра Степановича, Павел, красивый, высокий инженер, такой кавалер, танцор, краснобай (да простят мне это дети!). Неплохой человек. Любовь, замужество и скоро — Костя. Было очень трудно: хирургия требует всего человека, а тут семья — муж и сын. Медицины в клиниках две; больные и наука. Больные — это горе, это радости людей и вместе с ними и твои. И труд, труд, очень часто неблагодарный. Наука в клинике — это тоже прежде всего труд, никаких ярких открытий, надежды на них потом, и то немного. Мне нравилась только первая — медицина, в науке я почему-то вкуса не поняла, по крайней мере в той, что делалась у нас. Шеф меня ругал и любил, не жалуюсь. Я много оперировала, была в первых помощниках, хорошо лечила больных, горжусь этим. Сознательно лечила, по книжкам, даже на переводчиков тратила из своей скудной зарплаты. (Павел не запрещал, но презрительно кривился.) И ночи просиживала в больнице, как каждый хороший доктор. Но диссертации не сделала, а другие мои однолетки сделали и стали ассистентами, потом доцентами, а я была с ними по хирургии на равном положении, в характер у меня не из покладистых. Вот и выдвинули меня на самостоятельную работу. Шеф кричал: «Надоело мне жалобы на тебя выслушивать, раз диссертацию не пишешь — убирайся! Вот тебе хорошее место — воюй одна». Не очень церемонится Петр Степанович со своими, не как Ваня. Жалко было клинику оставлять: восемь лет отдано, и с честолюбивыми мечтами прощаться было жаль, но что сделаешь.

Зачем я все это пишу? Я ищу ошибку. Нет, раньше ни в чем не могла себя упрекнуть. Мужа я любила несколько лет, пока он первый мне... Не стоит жаловаться, может быть, этого и не было, разговоры одни. И если даже было, то и моя вина есть: из-за этих больных, детей (да и почитать ведь тоже хочется, привыкла с детства) не окружила я его вниманием, какого он хотел. Наверное, и заслуживал: зарабатывал хорошо, работал тоже много, хотя огонька я не видела, не заметила. Просил перейти на более легкую работу, куда-нибудь в лабораторию. Не захотела. Так началась и потянулась полоса охлаждения, а иногда и грубые сцены. Разлюбили. Спасение от этого какое? Дети да работа,

работа да дети. Да еще книги. Вечером сесть на диван, поджавши ноги, под торшер, а рубашка не выглажена, домработницы нет...

Ну, а потом? Пока все было правильно, любому могла поглядеть в глаза. Если делала ошибки (в медицине без них не получается), то всегда могла сказать: да, ошиблась, не учла того, другого. Ума не хватило, но совесть чиста, не по халатности или лени. Даже когда из деревни уезжала, было стыдновато, но не очень: знала, что присылают нового доктора из выпускников.

Но вот дальше... Я не знаю... Наверное, нужно было сдержаться. Не нужно было вести эти разговоры — о книгах, о науке, о будущем. Не нужно было выслушивать грустных намеков на одиночество, на неудачи: мужчины хитры, когда им женщина нравится. А я не удержалась, слушала и сама говорила.

Это была первая ошибка — полюбить. Вдруг нашла человека — умного, немножко грустного, очень увлеченного, неустроенного. Это нетрудно, когда мечты уже увяли и душу присыпало разочарованием, как пеплом. Тогда уже казалось, как сейчас: ничего больше, только растить детей, лечить больных, жить с человеком, которого разлюбила. (Даже еще острее было, потому что моложе — жалости к себе больше, путь впереди длиннее, и Павел хуже себя вел.)

Может быть, не было ошибки, что полюбила? Может быть, ошиблась, что не поступила решительно? Нужно было оставить Павла, дети еще маленькие были, не то, что сейчас. Не соглашаться на ложь. Но ведь он же не проявил никакой настойчивости. Даже наоборот. «Подумай, взвесь, дети...» Ах, как трудно теперь во всем этом разобраться! Постепенно все менялось: виделись редко, дети росли, Павел их любил все больше, и это сближало. И было бы еще хуже теперь...

В общем, писала, писала, а закончить не могу. Все-таки чувство вины меня не покидает. Много лет лгала, я, которая считает себя безупречно честной. Несколько раз пыталась разорвать, уйти в эту грусть, оставить надежды, как сейчас. (Надежды дразнили до самой болезни: «Вот дети подрастут», а потом оглянешься — трезвость: «Куда уж!») Не могла бросить, что-то тянуло свыше сил. Знала недостатки, все прощала — любовь? Хорошо все-таки, что есть такое слово — «любовь», которое логике не подчиняется. Даже теперь скажу, хорошо, когда осталась одна логика.

Так расписалась о себе, что все забыла. Поплакаться же некому, нет ни одного друга столь близкого. Нужно кончать, идти.

Живу, уже три недели живу. Целый день кручусь! Дела всегда можно найти, когда они очень нужны. Только вечером перед сном окружают меня тени этих лет, которые только что закончились так необычно.

Жизнь идет своим чередом. Три недели — срок небольшой, и даже смешно отсчитывать их: «Прошло три недели, еще осталось... двадцать лет!» Но крепкой веревкой привязал он нас всех к себе. Может быть, дальше и отвыкнем считать дни, но пока нет, считаем.

Ничего существенного не произошло, если не брать поломок в АИке и в кондиционере. Были и серьезные: приходилось даже лед в саркофаг закладывать, когда холодильник испортился. Но все обошлось. Температуру удержали.

Обмен веществ снизился приблизительно до 1 %. Это значит — один год за сто! Почку включают редко — раз в три-четыре дня. Можно бы даже и реже, но стараются тщательно поддерживать нормальный уровень шлаков. Подобрали и обучают постоянный штат дежурных на смене — один инженер и техник-лаборант, он же химик. Юра написал подробную инструкцию, это он умеет — все на полочки разложить. Впрочем, Ваня в науке тоже был такой, в жизни только порядка не было...

Вопрос о распаде белков пока не решен. Сейчас продумывают такую конструкцию повой установки, чтобы за весом можно было следить. Баланс азота как будто поддерживается, но точно установить трудно, потому что затраты белков ничтожны, а методы определения не очень точны. Биохимики ведут какие-то подробные исследования, но я в этом плохо понимаю, хотя Игорь рассказывал.

Вадим переселился, до конца месяца не дотерпел. Мамаша как-то дозналась, такое стала вытворять, что пришлось поторопиться. Приходил, меня спрашивал: удобно ли? (Я-то знаю, что главное — передо мной неудобно.) Сказала, чтобы переезжал. Было новоселье, были речи, воспоминания. Событий мало вспомнили, их вообще немного было, больше интеллектуальные споры, которые велись с Иваном Николаевичем. Л.П. был, выпил, но в меру. Наверное, ему и мне было всех хуже, остальные молоды и все впереди, а у нас Ваня унес с прошлое слишком многое. Но я старалась быть веселой.

У ребят полно планов. Работа, кажется, идет хорошо. Юра набирает все больше математиков и инженеров, а от физиологов постепенно освобождается. Ропщут, но большинство признали. Только некоторые ортодоксы-профессора продолжают звать «молодой человек».

Впрочем, если споткнется, так многие подтолкнут. Но едва ли дождутся. Особой симпатии к нему по-прежнему нет, однако должное отдаю. Талантливый человек. Судьба Вани в надежных руках.

Дома у меня тоже все нормально. Большое дело — вернуть честь, не сгибаться от сознания, что виновата. Жалко Ваню, жалко любви, но ловлю себя на мысли: «Вернуться? Нет, не хочу!» Сама удивляюсь, наверное: я такая черствая. Где же у меня право осуждать ребят за недостаток почтения к покойному шефу?

Буднично как-то стало в этой комнате, где он лежит в саркофаге. Дежурства по двенадцать часов, записи в журналах. Когда-то в молодости Павел меня на электростанцию водил (похвалиться хотел, что вот я начальник! Посмотри, как ко мне все), так там тоже сидят дежурные, через каждый час записывают показания приборов. Так и здесь. Одно время даже простынями стали закрывать саркофаг, чтобы не было видно, но Юра воспротивился, потому что могут какие-нибудь шланги порваться и не заметишь. А вообще, конечно, лучше бы не смотреть.

Как это странно — лежит человек, не живой и не мертвый! Какие-то обязательства перед ним сохраняются, и не поймешь почему.

В лаборатории (теперь она уже отделом называется) намечена большая программа работ по анабиозу. Создадут новую установку, смонтируют ее в новом здании, в клингородке, а с этой после модернизации будут экспериментировать. Будут отрабатывать пробуждение — на собаках, конечно. Однако думается мне, что если все удастся, то через несколько лет найдутся и добровольцы. Так человек устроен: что-то толкает на самые рискованные дела.

Ну, а если не удастся? Что тогда? Тихие похороны? Бр-р-р. Неприятно. Но Юра уверен, и Вадим тоже начинает склоняться. Они хитрят, говорят, что опыты, которые были при Ване, они наверняка смогут повторить, а потом очень постепенно начнут удлинять сроки анабиоза. Не спеша, если будут неудачи, с расчетом на совершенствование науки.

Вообще этот опыт (я уже тоже привыкла: «опыт»!), видимо, даст большой толчок науке об анабиозе и в вопросе о регулировании жизненных функций. Очень много ученых из разных стран приезжают посмотреть на это чудо. Так что, я думаю, надежды у Вани возрастают.

Только вот страшно за него: как он будет, когда проснется? Я бы ни за что не согласилась, лучше спокойно умереть... Жаль, что наша медицина мало думает о спокойной смерти — очень много мучений нужно пережить, пока дойдешь до тихой гавани...

Сегодня я хочу закончить свои записки. Впереди целый вечер, а писать осталось немного. Конечно, можно бы и дальше вести этот дневник, но не вижу смысла. Как идут работы, что случилось с установкой — все записывается в официальных отчетах более подробно и квалифицированно.

А собственные мои переживания, сплетни, неудачи на работе и дома (о радостях как-то нет желания писать) едва ли для кого интересны. Маленькие дела средней женщины-доктора, которая в силу случая прикоснулась к героическому делу. Впрочем, может, оно и не героическое? При всей любви не могу его представить героем, хотя все говорят: да. Но я его знаю больше, и, кроме того, у меня записки.

Не будем разбираться: герой так герой.

Я опять отклонилась. Больше не буду.

Без четверти четыре снова пускали АИК минут на двадцать. Оказалось, что самое трудное — отрегулировать содержание CO_2 в крови и в тканях, я уже забыла подробности: в тетрадке что-то невразумительное записано.

В начале пятого остановили, я сдала свои записи. Уходить было неловко и делать, собственно, было нечего — самописцы правильно записывали показатели, я убедилась. Хотела уже отпрашиваться у Юры, но вдруг Поля заявила:

— Товарищи, давайте поедим! И помянем Ивана Николаевича, потому что главное уже сделано.

Всем это очень понравилось, и быстренько отрядили Полю и Вадима за припасами. Оказалось, что утром никто не ел, не до еды было. Мне было немного обидно за Ваню и стыдно, что сама хочу есть.

Стол накрыли в одной из комнат лаборатории, близко от операционной. Думали даже в кабинете, но как-то неловко: вот

недавно он был здесь, подушка на диване еще хранит след головы.

Пока вернулись наши посланцы и все приготовили, пришло время снова пускать машину. Отработала двадцать минут, и остановили. Было около пяти часов.

Вот, наконец, мы за столом. Две бутылки какого-то портвейна стоят посредине, несколько коробок консервов, колбаса, сыр, хлеб. Химическая посуда вместо рюмок. Включена знаменитая кофеварка. Слышно, как шипит.

Настроение было плохое: как будто мы убили его. Снова вернулось это ощущение виновности, такое, как у хирурга, когда больной умирает на столе, даже если не сделано никаких ошибок.

Все прислушивались к шуму мотора в кондиционере. Думалось: «Вот мы и оставили тебя одного, живые».

Юра встал, серьезный, высокий.

— Давайте помянем нашего шефа. Налейте рюмки.

Игорь разлил вино. Я постараюсь вспомнить, что говорил Юра, хотя это трудно, потому что речь была длинная и много времени прошло. Ну, что смогу.

— Выпьем за развитие идей Ивана Николаевича. Чтобы, когда он проснется, всюду увидел свои дела. Я не мастер говорить и тем более тосты, но вы меня извините.

Первое, что нужно, — это довести машину, модель внутренней сферы хотя бы до первого, упрощенного варианта. Вы знаете, что, когда мы готовились к операции, машину отложили, и план не выполнен, и это было очень больно шефу в последние месяцы. Ему было стыдно, что из-за его личных дел мы не выполняем главную задачу. Мы должны наверстать. (Я помню, было странно: анабиоз — это личное дело. Но это на него похоже, щепетильность.)

Второе — это о науке вообще. Ни у кого я не знал такого ясного понимания, как строить науку, изучающую любые сложные системы. Я потом много думал над этим — все, кажется, верно. Есть единый современный подход к изучению явлений — путь моделирования. Значение техники в этом деле огромно. Мы должны приложить свою руку к технике. Пока моделируем живое мертвыми элементами, потом будет наоборот — создавать технические системы по примеру живых.

Наконец, третье: мы должны замахнуться на самое главное, самое трудное — моделирование поведения человека, а потом и социальных

систем. Это необходимо для достижения лучшего будущего человечества — для коммунизма. Иван Николаевич мечтал об этом, хотя и не строил планов. Но мы молоды и должны идти дальше.

Выпьем за идеи нашего шефа: они были блестящи, но еще никто, кроме нас, не знает этого. Пусть они станут достоянием науки!

Может быть, он и не совсем так говорил, но я запомнила все три пункта: машина, общий подход к сложным системам и приложение его к психике и обществу. Это, последнее, больше самого Юры. Ваня говорил, что это главное, но даже не мечтал заняться. Впрочем, так и должно быть: ученики пусть идут вперед. Но речь Юры была суховата. И потом он ничего не сказал об анабиозе. Разве это не важно? От этого же зависит, проснется он или нет. А может, это с моей, женской, точки зрения самое важное? Не знаю.

Речь не произвела впечатления: слишком мало души, а сейчас нам хотелось не думать, а плакать. Не все же интеллектуалы.

Но мы выпили. Потом некоторое время молча жевали, даже я. Встал Вадим, мрачный, черный, нос еще длиннее.

— Не то ты говоришь, Юра, не то. Или, может быть, не все, что нужно. Науки у нас не будет без главного, без души. Пожалуй, Иван Николаевич внешне был даже суховат, но все мы знали, что за этим кроется. Нередко он был излишне мягок, это мешало делу, злило, но в конце концов дало плоды возник коллектив. Хороший коллектив. Мы рискнули взяться за очень крупные проблемы. И дальше мы будем двигаться вперед, если сохраним главные принципы. Тогда будут приходить к нам люди способные и даже талантливые, а без этого разбегутся и те, которые есть. Выпьем за его пример! За принцип! Для меня он значит очень много, я не могу сказать, сколько...

Слезы показались на ресницах, он их вытер ладонью. Сел.

— Не глядите на меня так — мне не стыдно.

Выпили. Я смотрела на них по очереди — молодые, хорошие. Я самая старая. Стали просить меня, чтобы сказала что-нибудь. Я отказалась. Мучительно искала слова, потом решилась. В конце концов все свои.

— Давайте допьем вино.

Игорь снова разлил, на этот раз до дна. Я встала.

— Ребята, Иван Николаевич не был счастлив в жизни, вы знаете. Работа дает много, но нужно иметь еще и свое маленькое счастье. Вы

все молодые, я хочу пожелать вам уважения к любви, к любимым и побольше ответственности перед ними. Честь нужна не только на работе, но и дома... Выпьем за честь! За совесть!

Не очень получилось удачно, я знаю. Небось, некоторые подумали обо мне нехорошо, да бог с ними. Я им искренне пожелала, чтобы не мучились, как я и как он, их бывший шеф.

Мы поели, потом попили кофе. Все были чуточку выпивши, но грустные. Что-то вспоминали, что-то говорили негромко... А мне мучительно хотелось плакать. Но я утерпела.

Так прошла эта панихида. Все чувствовали, что с сегодняшнего дня начинается что-то новое в жизни, уже без него. Мне — без любимого, им без шефа, без друга. Что-то в жизни исчезло, и у меня уже этого не будет. Можно только привыкнуть, но нельзя заполнить. Ну, а ребята еще много нового получают, лучшего... Будут мечтать, искать, страдать. И радоваться, конечно. Если мир им позволит это. Впрочем, они сами должны добиваться и признания и жизни.

Но это уже особый разговор, не для меня.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)